This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3953

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Chirikov, E. N.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

1435.
/11.

Евгеній Чириковъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

На дворѣ во флигелѣ.
За славой.
Друзья гласности.
Евреи.

РУССКАЯ
...ЬНЯ
1435

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида. Конная ул., д. 3—5.
1904.

PG 3460
C5
1903
v. 4

Оглавленіе.

стран.

На дворѣ во флигелѣ 1

За славой. 63

Друзья гласности 193

Евреи 275

Евгеній Чириковъ.

НА ДВОРѢ ВО ФЛИГЕЛѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Яковъ Ивановичъ, чиновникъ частнаго коммерческаго учрежденія.
Глафира Павловна, его жена.
Ваня, ихъ сынъ, гимназистъ.
Бабушка.
Дуня, сестра Якова Ивановича.
Платонъ Ильичъ, чиновникъ частнаго коммерческаго учрежденія.
Капитолина Васильевна, его жена.
Валерьянъ Ипполитовичъ, хористъ.

На дворѣ во флигелѣ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Квартира мелкаго чиновника частнаго коммерческаго учрежденія; комната, служащая заломъ и столовой; на окнахъ чахлые цвѣты; на стѣнѣ маленькіе хлопотливо тикающіе часы; на столѣ—лампа съ бумажнымъ зеленымъ абажуромъ. За столомъ: старушка въ очкахъ вяжетъ чулокъ; Глафира Павловна, худая съ скорбнымъ лицомъ женщина, шьетъ на ручной швейной машинѣ; Ваня, гимназистъ 3 класса, стоя на стулѣ на колѣняхъ и опершись локтями о столъ, учитъ латинскую грамматику, стараясь заглушить своимъ голосомъ стукъ машины. При поднятіи занавѣса всѣ заняты своимъ дѣломъ.

Ваня, Глафира Павловна, бабушка.

ВАНЯ (*мотая головой*).

Много есть именъ на „исъ“ маскулине генерисъ: Панисъ, писцисъ, кринисъ, финисъ... фасцисъ... фасцисъ... Ахъ, да что это за наказанье! Не могу запомнить...

БАБУШКА.

Учись! учись! Старайся! Терпѣніе да трудъ все перетрутъ...

ВАНЯ.

Перетрутъ тебѣ! Поучила бы вотъ сама! (*сердито*): Мно-го есть именъ на „исъ“ мас-ку-ли-не гене-рисъ... Фу ты, проклятая! (*бросаетъ книгу*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Учись! учись! А то отецъ придетъ да спроситъ.

БАБУШКА.

А мы скажемъ, что ты бросилъ книгу и не училъ урока... Своей пользы не понимаешь,—вотъ что! Кончишь курсъ,—человѣкомъ будешь, хорошее жалованье будешь получать... Вонъ отецъ-то: не кончилъ курса, такъ и бьется теперь, какъ рыба на льду... (*Пауза*). Не идетъ онъ долго что-то... Какъ морятъ ихъ тамъ!..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Пишутъ, пишутъ и все до конца не допишутся. Сегодня никакъ всю ночь писалъ. Я два раза просыпалась; все лампа горитъ, а онъ все скрипитъ да скрипитъ... Потомъ легъ, а уснуть не можетъ... И все вздыхаетъ что-то...

БАБУШКА.

Небойсь, завздыхаешь отъ такой жизни! Богу помолиться некогда!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Какъ отчетъ кончатъ, — обѣщали ему жалованья прибавить... Очень ужъ старается!..

ВАНЯ.

Мас-ку-ли-на суть на „эсъ“: монсъ, понсъ, фонсъ, а также денсъ!..

БАБУШКА.

Ну и языкъ же, проклятущій!.. И какъ на такомъ языкѣ разговариваютъ?! *(За сценой, въ комнатѣ квартиранта слышится звонъ гитары и голосъ, напѣвающій: „Нѣмки, испанки и англичанки, и итальянки, словомъ весь міръ“).*

БАБУШКА *(покачивая головой).*

Всѣ... И турчанки, и англичанки! Веселая голова! Все поетъ и поетъ... и знать ничего не хочетъ... Будетъ ли онъ деньги-то за квартиру платить? Никакъ всего и жалованья-то получаетъ тридцать цѣлковыхъ...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Да много ли ему надо? Одинъ. Никакой заботушки!..

(Опять гитара и пѣніе):

„Венера любитъ смѣхъ, веселье и вино.
Чтобы ей угодить,—веселѣе надо быть,
Чтобы ей угодить,—веселѣе надо быть!“

ВАНЯ (*отрываясь отъ книги*).

Купи мнѣ, мамаша, гитару!

БАБУШКА.

Вотъ тебѣ и разъ!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Сапогъ нѣтъ, а онъ—гитару!

ВАНЯ.

А если папашѣ сегодня прибавятъ жалованья, такъ онъ обѣщался мнѣ подарить что-нибудь...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Ну вотъ и подаритъ сапоги!

ВАНЯ.

Больно мнѣ нужно сапоги! Какой это подарокъ... Это не считается. Пусть и подаритъ гитару!..

БАБУШКА.

Безъ гитары, братъ, много кое-чего надо...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Квартирку бы вотъ надо перемѣнить, а то ужъ больно дворъ у насъ грязный. Куда ни погляди, — кругомъ помойныя ямы!

БАБУШКА.

Съ квартирой можно повременить, а вотъ шубку тебѣ да и Дунѣ надо бы справить. Это ужъ первое дѣло...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА (*мечтательно*).

Я себѣ—ротонду хочу... Нынче всѣ ротонды носятъ... Видѣли у Полины Васильевны-то?.. Коричневая, съ бѣлымъ воротникомъ... Очень красиво!

(За сценой громкій голосъ):

„Я то-отъ, чей взоръ наде-жды гу-битъ,
Едва-а-а надѐ-жда расцвѣтетъ...
Я то-отъ, кого никто-о-о не лю-битъ"...

БАБУШКА.

Заоралъ... Демонъ какой!.. Будетъ ли деньги-то за квартиру платить?!. Что-то очень ужъ на Дуню сталъ поглядывать... Поетъ—надрывается... Гдѣ она, Дуняха-то наша?..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Въ монопольку я ее послала водки взять для Якова Иваныча... Придетъ усталый... Не грѣхъ и выпить рюмочку... Лучше пускай дома ужъ выпьетъ, а то какъ двадцатое, такъ и не дождешься... Долго онъ что-то сегодня...

БАБУШКА.

А сегодня у насъ двадцатое никакъ?

ВАНЯ.

Двадцатое, двадцатое, бабушка!.. *(Напѣваетъ, дрыгая ногой)*: „Февраля двадцать девятаго, цѣлый штофъ вина проклятаго"... Мас-ку-ли-на суть на „эсъ": монсъ, понсъ, фонсъ, а также денсъ!.. *(Напѣваетъ)*. „Цѣлый штофъ вина проклятаго влилъ Касьянъ въ утробу грѣшную, позабылъ жену сердешную"...

БАБУШКА.

И ты запѣлъ!.. Учись! учись! Не смотри на этого! *(дѣлаетъ жестъ по направленію комнаты квартиранта)*.

У него въ головѣ только однѣ нѣмки да турчанки, а ты долженъ стараться... (*Къ Глаф. Павл.*). Вотъ что, Глашенька, я тебѣ скажу...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Что такое?

БАБУШКА.

Ты все-таки за Дуней-то посматривай: что-то вздыхать она больно часто стала... Они, эти пѣвуны, очень ужъ вкрадчивы... (*Тихо*). Вчера выхожу я въ сѣни, а они стоятъ на крыльцѣ и смотрятъ въ разныя стороны, онъ — туда, она — сюда, будто бы и не знакомы... Что ты,—спрашиваю,—Дуня, тутъ торчишь? Простудишься? „Что-то, говоритъ, кружится голова, угорѣла, говоритъ, вѣрно“... Смотри: оба не угорѣли бы!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Ахъ, оставьте, мамаша, пожалуйста! Она дѣвушка молодая, ей скучно. Я думаю, всякой въ ея года пріятно съ молодыми людьми. Вспомните-ка свое время! Что за бѣда если постоятъ вмѣстѣ на крыльцѣ, поговорятъ... И мы въ свое время стояли... Она, вонъ, по ночамъ плачетъ все... А о чемъ? Всякому человѣку счастья хочется въ жизни. А какая ея жизнь? Весь вѣкъ на шеѣ у брата висѣть, что ли? Молодость-то уйдетъ, не воротится... А что у ней есть? Одна эта молодость, больше ничего!..

Тѣ же и Валеріанъ Ипполитычъ.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(*появляясь въ дверяхъ своей комнаты*).

Вамъ я не помѣшаю? Позволите?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Сдѣлайте одолженіе! Очень рады!

БАБУШКА (*непривѣтливо*).

Садитесь-ка, гостемъ будете!..

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ (*подсаживаясь*).

Мерси-съ! Незванный гость—хуже татарина... Что подѣлываете?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Обшиваемся все... Вездѣ дыры да прорѣхи... Что намъ больше дѣлать?!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

А у меня, знаете ли, что-то голова побаливать стала... Должно быть, угорѣлъ маленько...

БАБУШКА (*подозрительно*).

Угорѣли? Что вы, батюшка! Сегодня мы у васъ и печку-то не топили...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Ахъ, не топили? Пардоне-съ! Значитъ голову давеча продуло...

БАБУШКА.

Вотъ это вѣрнѣе, а то выходитъ: „угорѣла барыня въ нетопленой горницѣ“!.. (*общій смѣхъ*). А то, можетъ, и отъ того, что ужъ много больно поете!.. *(Ваня незамѣтно скрывается въ комнату постояльца).*

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

А Якова Иваныча все нѣтъ?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, не приходилъ еще... (*вздыхая*). Сегодня у насъ двадцатое... (*въ комнатѣ постояльца слышенъ звонъ ги-*

тары,— тамъ Ваня). Ахъ, озорникъ! Онъ опять въ вашу комнату залѣзъ. Вы его гоняйте безъ всякаго стѣсненія!..

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Помилуйте! Я очень радъ, не жалко... Позволите закурить?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Да курите, чего тутъ спрашивать!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Безъ разрѣшенія дамъ никогда себѣ не позволяю... Такъ ужъ воспитанъ...

БАБУШКА.

Нѣжности какія!...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ (*закуривая*).

И Авдотьи Ивановны не видать...

БАБУШКА.

А вамъ зачѣмъ ее?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

А такъ, спросилъ... между прочимъ... (*Ваня бренчитъ на гитарѣ и поетъ „Февраля двадцать девятаго, цѣлый штофъ вина проклятаго“*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Ваня! Ваня! Поди сюда!

ВАНЯ (*въ дверяхъ*).

Ну, что еще вамъ?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Иди сюда! Нечего тебѣ тамъ дѣлать... Лучше бы книгу въ руки взялъ!..

ВАНЯ (*нехотя выходитъ*).

Все книжку да книжку... (*Беретъ книгу и ложится съ ней на кушетку*).

БАБУШКА.

А то какъ же ты думалъ?.. Надо кончить курсъ, человѣкомъ будешь... (*къ квартиранту*). А вы не кончили ученье-то?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Гдѣ его кончить, бабушка! Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь!

БАБУШКА (*иронически*).

Случается, случается... Молоды, вотъ и нѣтъ заботушки... Все чудятся разныя турчанки да англичанки... А потомъ трудно будетъ. Хоть бы жену-то законную обуть да одѣть, а не только что турчанокъ да испанокъ разныхъ... Безъ образованія да безъ чиновъ плохо, батюшка, на свѣтѣ жить...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Мнѣ и такъ хорошо. Веселѣе отъ чиновъ не бываетъ. Напротивъ...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Веселѣе-то, можетъ быть, не бываетъ, а сытнѣе — всегда! А если семья,—чего же больше? Сытъ, обутъ, одѣтъ,—ну и слава Богу!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Я изъ такой породы, которымъ этого мало, Глафира Павловна!.. У меня чтобы главное душа была довольна... А душу не обуешь и не одѣнешь. Она любитъ у меня голой ходить... Такая ужъ душа!

БАБУШКА.

Это выходитъ, что она у васъ безстыдница какая-то!.. То-то вы все про турчанокъ и поете...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

У настоящихъ артистовъ всегда такая душа должна быть... Пища у этой души совсѣмъ другая, бабушка, она не любитъ щи да кашу!..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Если вездѣ прорѣхи да дыры, такъ и щамъ съ кашей радъ будешь... Безъ щей-то тоже очень ужъ невесело бываетъ. Иногда, кажется, просто взялъ бы да и убѣжалъ куда-нибудь, на самый край свѣта... Чтобы всѣ заботы позабыть, хорошенько выспаться и не думать, что будетъ завтра...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Вотъ именно я про это и говорю. Душѣ мало щей да каши... Душу этимъ не успокоишь... Душа любитъ „на воздушномъ океанѣ, безъ руля и безъ вѣтрилъ“!.. Вонъ у Вани душа гитару проситъ!..

ВАНЯ *(соннымъ голосомъ).*

Папаша купитъ... Онъ обѣщался что-нибудь подарить, вотъ пусть и подаритъ...

БАБУШКА.

Отецъ много наобѣщалъ: Ванѣ; мнѣ—чесанки (ноги у меня все зябнутъ), Дуничкѣ—жакетку теплую, женѣ—ротонду... Столько насулилъ, будто сразу генераломъ сдѣлается... Себѣ хочетъ фунтъ табаку въ два рубля купить... Всякому—свое!..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Обѣщали прибавить ему жалованья. Можетъ, теперь полегче будетъ...

Тѣ же и Дуня. Входитъ въ накинутой на голову шали, съ покупками.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Мое почтеніе, Авдотья Ивановна!

ДУНЯ (*сбрасывая шаль*).

Здравствуйте! Брр... Холодно...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Какъ говорится, стало холодно немножко, солнце скрылося давно, вдругъ я вижу: чья-то ножка наступила на бревно!..

ДУНЯ

(*потирая руки, со смѣхомъ*).

Ну! Что же отсюда выходитъ? дальше?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

Я влюбленъ былъ въ эту ножку и сказалъ черезъ окно: ахъ, зачѣмъ я не бревно! (*Общій смѣхъ*).

БАБУШКА.

Чего не придумаютъ только! Глупости какія!

ДУНЯ.

А что же такое? Если человѣкъ любитъ, такъ ему это пріятно.

БАБУШКА.

Бревномъ-то быть? Нечего сказать, удовольствіе!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Не въ томъ дѣло-съ! Это надо понимать въ высшемъ смыслѣ, тутъ дѣло не въ бревнѣ! (*Многозначительно смотритъ на Дуню, та опускаетъ глаза*).

БАБУШКА.

Глупости, батюшка! Чтобы была какая-нибудь пріятность, когда ногой на человѣка наступятъ? Очень ужъ мудрено что-то... Теперь, впрочемъ, всѣ романсы такіе: про руки да про ноги только и поютъ. Какъ это вы вчера пѣли? Про ногу опять?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Ахъ, эта ножка, ножка, ножка, задѣла по сердцу немножко?

БАБУШКА.

Ну вотъ!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА (*озабоченно*).

Надо вотъ опять башмаки покупать, у всѣхъ худые: и у меня, и у Дуни, и у Ваньки калошъ нѣтъ... Чистая бѣда! Однѣхъ ногъ этихъ сколько!

ДУНЯ (*перебивая*).

Сегодня очень пріятная погода, Валеріанъ Ипполитовичъ! Такъ бы съ улицы не ушелъ! Морозитъ. На небѣ ярко звѣзды горятъ. Снѣгъ огнями переливается. Хруститъ...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Хруститъ! Безъ калошъ-то очень ужъ хруститъ.. Ноги можно отморозить...

ДУНЯ (*съ досадой*).

Ну будетъ ужъ вамъ—про ноги-то! Какъ будто дру-

гого разговора нельзя придумать, какъ только про ноги, башмаки да калоши?!

БАБУШКА.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Кому—башмаки съ калошами, а кому—турчанки да англичанки!.

ДУНЯ.

Спойте-ка лучше, Валеріанъ Ипполитычъ, что-нибудь! съ гитарой! Я очень люблю, когда поютъ...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Душа пищи проситъ... Съ удовольствіемъ бы, да надо на репетицію отправляться. (*Смотритъ на часы*). Скоро шесть... пора!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Господи! Скоро шесть, а его нѣтъ...

ДУНЯ.

Ну спойте, Валеріанъ Ипполитычъ! Что вамъ стоитъ? Одну только!..

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Какую?

ДУНЯ.

Которую тогда пѣли... Помните?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Опять заплачете?

ДУНЯ.

Ну вотъ и неправда: я и не думала тогда плакать, а просто въ глазъ что-то попало... Соринка... Отъ чего

мнѣ плакать? Развѣ этимъ поможешь?.. Ну спойте же! Прошу васъ!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Хорошо! для васъ, Авдотья Ивановна, готовъ... Только для васъ!.. (*встаетъ и идетъ въ свою комнату за гитарой*).

БАБУШКА.

Конечно ужъ! для кого же!.. Надоѣло ужъ это пѣніе хуже горькой рѣдьки... Лучше бы деньги за комнату отдалъ (*уходитъ изъ комнаты*).

Дуня, Глафира Павловна, Ваня на кушеткѣ,

ДУНЯ.

Бабушка не можетъ: сейчасъ же про деньги. Даже удивительно...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Ничего удивительнаго нѣтъ... Говорилъ, — двадцатаго; сегодня—двадцатое, а онъ вотъ и не чешется...

ДУНЯ (*съ досадой*).

Отдастъ! Отдастъ! Успокойтесь!.. Не такой человѣкъ...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Нашлась заступница!.. (*Шьетъ на машинѣ*).

Тѣ же и Валеріанъ Ипполитычъ.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(*входитъ съ гитарой, садится и настраиваетъ*).

Такъ „письмо Периколлы“?

ДУНЯ.

Да, да! Очень мнѣ это нравится!..

(Валер. Ипп. поетъ „О другъ мой, тебя до могилы я буду любить всей душой, но ахъ, нѣту больше ужъ силы бороться весь вѣкъ съ нищетой“. Глафира Павл. отрывается отъ работы, облокачивается о столъ и слушаетъ. Дуня сидитъ неподвижно и мечтательно. Потомъ большая пауза. Нѣсколько аккордовъ гитары. Вздохи).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Вдвоемъ вотъ и то тяжело, а какъ пятеро? Тутъ ужъ не запоешь, а прямо заплачешь... А какъ жить? Подумайте сами: прошлое двадцатое всего восемнадцать рублей принесъ!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Маловато...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Долги роздалъ. Туда, сюда... А надо 8 рублей въ лавку отдать, да десять — за квартиру, кромѣ вашей комнаты...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

За мной не пропадетъ!..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Я не про то... А дрова? чай? сахаръ? обѣдъ? керосинъ?.. А одѣться да обуться? На что жить! Подумайте!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ (*отдуваясь*).

Однако, надо торопиться: въ семь репетиція...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Скоро семь, а его нѣтъ... Не случилось ли чего, сохрани Богъ!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ... До свиданія!

ДУНЯ (*подавая ему руку*).

Какой вы счастливый!.. Каждый день въ театръ ходите. Тамъ весело, свѣтло, всѣ—нарядные, довольные, смѣются... Я только разъ была въ этомъ году!.. Весело очень играть въ театрѣ?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Для меня безъ театра нѣтъ жизни... (*Оглядывая комнату*). Развѣ это жизнь?.. На это я такъ смотрю, что это—между прочимъ. (*Идетъ къ передней*).

ДУНЯ

(*останавливаясь у косяка двери въ переднюю*).

Когда-нибудь и я съ вами пойду... Братецъ обѣщалъ достать переписку, по двугривенному съ листа... Вотъ наработаю рубля на три да на всѣ билетовъ въ театръ и куплю... До свиданія! Желаю наслаждаться! (*Грустно отходитъ отъ дверей и, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, тихо напѣваетъ „Письмо Периколлы*).

Глафира Павл., Дуня, Капитолина Васил., Ваня спитъ на диванѣ.

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*входитъ и снимая съ головы на плечи шаль*).

Ну что? Не пришелъ еще муженекъ-то?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ еще. Не знаю, что и думать?.. А вашъ пришелъ?

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*махнувъ рукой*).

Мой?! Мой пришелъ, только опять ни къ чему неспособный!..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Что вы!

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Пьянъ... Вотъ и пятьдесятъ рубликовъ получаетъ, а все толку никакого нѣтъ. Хорошо хоть пришелъ: все спокойнѣе. Я ужъ не препятствую, только бы по трактирамъ этимъ не шлялся... Газету ему покупаю и водку... Все про буровъ читаетъ... Поставитъ передъ собой бутылку, возьметъ газету и читаетъ... Какъ дочитаетъ до одного мѣста, такъ хлопъ! прочитаетъ про другое, -опять—хлопъ!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Ай-ай-ай! Ладно, что у васъ дѣтей нѣтъ...

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, Глафира Павловна, не знаю, какъ это сказать: а вотъ онъ говоритъ, что и пьетъ-то изъ-за того, что дѣтей нѣтъ. Роди, говоритъ, мнѣ сына,—пить брошу, а то нѣтъ основанія... А теперь еще изъ-за буровъ пьетъ. Будетъ, говорю, довольно! А онъ хлопнетъ по столу кулакомъ и закричитъ: „Покуда буры побѣждаютъ не перестану пить!“ А когда прочитаетъ, что буровъ побѣдили, такъ еще больше напьется... Сегодня въ башку ему влѣзло ѣхать сражаться за буровъ... Очень ругаетъ англичанъ, грозитъ кулаками...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

У нихъ всегда такъ: не съ горя, такъ съ радости, поводъ всегда найдется... Да вы присядьте, Капитолина Васильевна!

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*накидывая на голову шаль*).

Нѣтъ, что вы! Я вѣдь на минуточку. Пришла узнать, повысили ли Якова Иваныча (*захлебываясь*). Видѣли, какую Полина Васильевна ротонду себѣ сваляла?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Какъ же! видѣла (*вздыхая*). А я вотъ все не могу съ деньгами собраться!..

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Ротонду же хотите? Теперь все больше — ротонды...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Ротонду... Да гдѣ ужъ тутъ! Развѣ у насъ соберешься? Вотъ у Ваньки опять и сапоги, и штаны каши просятъ, калошъ нѣтъ... У Дуни ничего теплаго нѣтъ...

ДУНЯ (*раздраженно*).

Ладно мнѣ! Я такъ прохожу... Не надо мнѣ ничего... Наплевать!..

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Никакъ недавно Ванѣ сапоги-то покупали?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Всего четыре мѣсяца. Да развѣ на нихъ напасешься? Прорва, прости Господи!..

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*приблизившись къ дивану*).

Да онъ никакъ спитъ?.. Спитъ и есть.

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Наука-то его всегда ко сну клонитъ... А мой-то! Мой-то! Не спалъ нынче часовъ до трехъ ночи, все отчетъ какой-то переписывалъ... Я и не слыхала, какъ онъ легъ... Только вдругъ ночью просыпаюсь и вижу: вскочилъ мой благовѣрный, побѣжалъ и зажегъ спичку...

Я испугалась. Что случилось? — спрашиваю... А онъ... (*Шепчетъ на ухо сосѣдкѣ*).

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Да что вы?!. (*обѣ хохочутъ*). А этого, пѣвца-то вашего, нѣтъ дома?

ДУНЯ (*холодно*).

Въ театрѣ онъ, на репетиціи.

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Бѣдовый господинъ! Нашу кухарку совсѣмъ съ ума свелъ: все вздыхаетъ. Сядетъ у окна и вздыхаетъ! Къ намъ слышно черезъ стѣнку, какъ онъ поетъ. Какъ это услышитъ наша Василиса, такъ все кончено: ничего не видитъ, ничего не понимаетъ и все изъ рукъ валится...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Все про ножки поетъ, а денегъ за квартиру не отдаетъ что-то...

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, у нашей Василисы такія ножки, что всѣ комнаты трясутся, когда она ходитъ...

ДУНЯ.

Прекрасно поетъ! Только надо толкъ въ пѣніи понимать!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Только ты одна понимаешь... Смотри...

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*присаживаясь на стулъ*).

Идти, вѣдь, надо... Не знаю, что мой тамъ. Хватится,—скандалъ выйдетъ. Трезвый ничего, а пьяный—

ревнивый. Все ему мерещится, что и я тоже влюблена въ вашего пѣвца... Ей-Богу! Смотрите, Дунечка, вы въ него не влюбитесь!..

ДУНЯ.

Съ чего это вы взяли?

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

А сколько онъ жалованья получаетъ?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

А песъ его знаетъ, не разберешь.. Кажется, всего тридцать рублей.

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

А мужу говорилъ, что шестьдесятъ...

Тѣ же и бабушка.

БАБУШКА (*появляясь*).

Вретъ!..

ДУНЯ.

Почему же это вы думаете, что вретъ? А, можетъ быть, и шестьдесятъ?

БАБУШКА.

Ну, если тебѣ пріятно, пусть будетъ шестьдесятъ... Ты только смотри, дѣвка, поосторожнѣй! Я вижу: онъ тебѣ своимъ театромъ да пѣніемъ вскружитъ голову..

ДУНЯ.

Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ!.. Надоѣли! Привязались... (*Уходитъ*).

БАБУШКА.

Ей вотъ надо башмаки, а она: „заработаю три рубля

да на всѣ въ театръ пойду!“ Вертится ужъ въ головѣ-то отъ этихъ ручекъ да ножекъ...

(*Чрезъ дверь слышится испуганный шопотъ Василисы: „Барыня! барыня! Проснулся!“*)

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*вскакивая съ мѣста*).

Прощайте! Проснулось мое золото! (*Убѣгаетъ*).

БАБУШКА.

Вертушка! Бабѣ скоро тридцать лѣтъ, а въ головѣ все вѣтеръ шумитъ, какъ въ дубравѣ. Давеча выхожу въ сѣни, а она съ этимъ пѣвуномъ и такъ, и этакъ, глаза навыворотъ, хвостомъ играетъ... фу ты, Боже мой!..

Тѣ же и Капитолина Васильевна.

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*вбѣгая впопыхахъ*).

Ради Бога, не говорите ему, что я здѣсь! Драться лѣзетъ... Вотъ наказанье, прости Господи! Куда же мнѣ? (*Скрывается въ комнатѣ постояльца*).

Тѣ же и Платонъ Ильичъ.

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ

(*входя и осматриваясь*).

Миръ вамъ!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА (*непривѣтливо*).

Милости просимъ... Что скажете?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Жены моей, Ксантипы, у васъ нѣтъ развѣ?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ. Была да ушла.

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Нѣтъ. Ну и слава Богу! Надоѣла. Опротивѣла...

БАБУШКА.

Спать пора, Платонъ Ильичъ, вотъ что!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Вотъ съ запада восходитъ царь природы, и удивленные народы не знаютъ что начать: ложиться ильвставать? Восьми часовъ нѣтъ, а вы—спать! Если бы я былъ пѣтухъ, а вы, бабушка, курица, то, конечно, намъ съ вами пора бы спать. А мы, бабусенька, какъ-никакъ люди... Люди мы, Глафира Павловна?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Конечно, Платонъ Ильичъ, люди!

БАБУШКА.

Люди... А другіе люди бываютъ хуже свиней!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Правильно! Въ сущности разобрать, такъ и не люди. Люди живутъ, а мы что? Мы только хрюкаемъ... да-съ!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Можетъ быть, вы это хрюкаете, а мы разговариваемъ...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Не въ томъ суть. *Какъ* живемъ? О чемъ разговариваемъ? О корытѣ, голубушка, разговариваемъ: у кого корыто поглубже да у кого мѣсиво послаще... Жена вонъ у меня на ротондѣ помѣшалась: все счастье у ней теперь въ ротондѣ. (*Садится*).

БАБУШКА.

А у васъ въ чемъ? Въ бутылкѣ?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

А что же! Я выпью, такъ изъ свиньи въ человѣка превращаюсь... Полный царь природы дѣлаюсь, вѣнецъ то есть!..

БАБУШКА.

Оно и видно...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Видѣть этого, бабусенька, нельзя,—понимать надо. А всякому человѣкомъ сдѣлаться хочется. Больно ужъ это пріятно!.. Жена вонъ у меня думаетъ, что какъ только надѣнетъ на себя ротонду, такъ и сдѣлается настоящимъ человѣкомъ... А я думаю, что какъ ее ни поверни, — обезьяной была, обезьяной и останется... Правда, Глафира Павловна?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Что такое правда?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Что жизнь наша плевка не стоитъ? Скрипимъ мы, а не живемъ...

БАБУШКА.

Ложитесь спать,—вотъ и дѣлу конецъ. А утромъ встанете, опять человѣкомъ сдѣлаетесь.

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Именно, бабусенька, встать надо, подняться... А мы не встанемъ, нѣтъ! Мы всегда ползать будемъ, пресмыкаться...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Что ужъ это! Кажется, мы—православные...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Кажется, кажется... То-то и есть, что „кажется"... Читали вы Льва Толстого? Не читали...

Тѣ же и Дуня.

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ

(*къ входящей Дунѣ*).

Читали вы, Дуничка, Льва Толстого?

ДУНЯ.

Ничего я не знаю... Знаю только, что бываетъ на свѣтѣ счастье...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Эге-ге-ге! Вотъ—вотъ! Въ самую точку попали... Настоящій человѣкъ по образу и подобію сотворенъ, а мы? Хи! Жена, напримѣръ, у меня: ротонда у ней — душа, ротонда—сердце и ротонда—голова... Да! Коричневая ротонда съ бѣлымъ воротникомъ!..

Тѣ же и Капитолина Васильевна.

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*выскакивая изъ двери*).

Такъ вотъ что? Ротонда?! Очень ужъ ты умный, какъ напьешься! Трезвый — дуракъ дуракомъ, а какъ напьешься,—студентъ да и только! Что ты въ самомъ дѣлѣ? (*Плаксиво*). Почему это мнѣ нельзя ротонду? И такъ всѣ смѣются: все въ зеленомъ да въ зеленомъ. (*Плачетъ*). Что я хуже, что ли, людей!.. Безсовѣстный!.

ДУНЯ.

Н-ну! началось!.. Хоть бы провалиться куда-нибудь!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Ходи въ зеленомъ, или въ красномъ, или даже въ желтомъ, но увы!—хоть ты и въ новой кожѣ, а сердце у тебя все то же! И въ ротондѣ коричневой, и съ бѣлымъ воротникомъ, все будетъ то же самое... Ничѣмъ не прикрыть тебѣ душевной наготы своей... Ничѣмъ!

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА *(плачетъ)*.

Безсовѣстный! Ни стыда, ни совѣсти!.. Идолъ проклятый!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

А вы—будетъ! Не стоитъ! Если они намъ въ годъ по одному платьишку сошьютъ, такъ потомъ два года попрекаютъ...

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(отирая слезы).

Не стоитъ и есть! Давно бы бросить тебя надо! Надоѣла ужъ мнѣ такая жизнь... У людей радость, удовольствіе, а у насъ...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Надоѣло, а не бросишь... Нѣтъ! Куда тебѣ?! Смѣлости не хватитъ. Душа мелка. Да и бросишь, такъ все равно: никуда не полетишь... Когда на воздушномъ шарѣ летаютъ и выбрасываютъ мѣшокъ съ грузомъ (балластомъ называется), такъ шаръ сейчасъ же выше поднимается... Къ небу! Читала „Путешествіе на луну“? Жюля Верна? Ну такъ вотъ!.. А ты... ты выше не поднимешься, ты все будешь по землѣ кататься, по лужамъ, въ грязи... И за тобой всегда будетъ твоя коричневая ротонда съ бѣлымъ воротникомъ волочиться... Хи! Ты—парашютъ изъ ротонды и больше ничего! А не воздушный шаръ. Съ тобой не поднимешься. Съ

тобой только спускаться можно... Парашютъ ты изъ ротонды. Поняла? Ничего не поняла?! Дура ты привилегированная, патентованная... по особому заказу!.. (*Встаетъ, махнувъ рукой*).

БАБУШКА.

Да будетъ вамъ ругаться-то! Оба вы никуда не подниметесь, не о чемъ, значитъ, и спорить! Ротонда! Далась вамъ эта ротонда!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Есть изъ-за чего ссориться!..

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Тоже, называется—мужъ! Придетъ со службы, напьется и лежитъ, какъ бревно! А если не напьется, такъ свои дурацкія книги да газеты читаетъ. Весело! Этого, что ли, я ждала, когда шла замужъ? Я думала, что...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Ротонды будемъ шить? И не сошьешь! Теперь окончательно ужъ не сошьешь... Сегодня выгнали меня со службы и значитъ того! (*свиститъ*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Что вы это говорите, Платонъ Ильичъ?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Вѣрно! Честное слово! Выгнали... И я очень радъ... Поѣду къ бурамъ, буду англичанъ бить... Ей-Богу!..

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Я такъ и знала... Да развѣ можно такихъ на службѣ держать!..

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

И ты обрадовалась?! Не ожидалъ! Хочешь — въ сестры милосердія?

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Правду ты говоришь? Или пугаешь? Да говори же!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Правду, самую настоящую правду... И за правду меня выгнали... Не любятъ ее, эту самую правду... Всѣ притворяются, что любятъ и уважаютъ ее, а на дѣлѣ всѣмъ наплевать на нее и ногой растереть! вотъ такъ! *(Плюетъ и растираетъ).*

БАБУШКА.

А вы не плюйте! Сегодня только у насъ мыто.. Можно и безъ представленій этихъ!.. Вы увели бы его... Спать ему надо...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Уйду! уйду! Я знаю, что надоѣлъ, чувствую... Потому что мы всѣ даже сами себѣ надоѣли, а не то что другъ другу... Я къ Яшѣ зашелъ. Надо мнѣ его... Разскажу ему про эту самую правду... Занятно!

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Пойдемъ ужъ, пойдемъ! Жизнь!.. проклятая!.. Иди, что ли!.. (*Уходятъ*).

Тѣ же, безъ Платона Ильича.

ДУНЯ (*послѣ долгой паузы*).

Ухъ!.. Провалились наконецъ! Господи! какъ они опостылѣли мнѣ съ этой ротондой!.. Съ руганью!... Злостью!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Скажите пожалуйста! Барыня какая выискалась. Все бы про ручки да про ножки романсы слушала... Пра-во! Заведи свою квартиру,—тогда и капризничай!.. Надоѣли съ ротондой! Скажите пожалуйста!..

БАБУШКА.

И ротонды еще никто не сшилъ, а скандалу не оберешься... (*Подходя къ Ванѣ*). Ваня! Ваничка! Ванекъ! Ложись какъ слѣдуетъ, раздѣнься!

ВАНЯ

(*садясь на кушеткѣ и почесывая затылокъ*).

А папаша пришелъ?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА (*сердито*).

Нѣтъ, не пришелъ.

ВАНЯ.

А я видѣлъ сонъ: будто продалъ на толкучкѣ „Азію, Африку и Америку“ Смирнова и купилъ себѣ гитару. А директоръ будто узналъ про это и оставилъ меня безъ обѣда...

БАБУШКА.

Ты покушать не хочешь ли, голубчикъ?

ВАНЯ.

Нѣтъ... Хорошую гитару купилъ... (*Ложится*).

БАБУШКА.

Вишь, какъ тебя эта гитара одолѣваетъ! даже и во снѣ снится. О, Господи! кому — театры да турчанки, кому—ротонда! кому—гитара... Всякому—свое!

ДУНЯ.

И ничего больше не надо... Все счастье въ этомъ...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

А тебѣ что? Соболью шубу не хочешь ли?! Хм!

ДУНЯ.

Мнѣ ничего... Только оставьте меня въ покоѣ... Хоть бы помолчали!..

БАБУШКА (*къ Ванѣ*).

А ты раздѣнься да лягъ!

ВАНЯ.

Нѣтъ. Я только немножко посплю, а когда папаша придетъ, тогда ужъ совсѣмъ лягу... (*Перевертывается къ стѣнкѣ и подбираетъ ноги*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Изустала я сегодня, какъ собака! Словно воду на мнѣ возили...

БАБУШКА.

А ты поди да прилягъ, отдохни! Чего торчать-то? Небойсь, придетъ, такъ мимо дома не пройдетъ. Взяла да прикурнула. (*Позѣвывая*). И меня что-то ко сну клонитъ. (*Пауза*). Ноги что-то мерзнутъ, старая кровь, не грѣетъ ужъ. Вотъ Яша чесапки купитъ, тогда тепло будетъ. Охо-хо-хо! Я тоже маленько прилягу... Ты, Дуня, посидишь?

ДУНЯ.

Посижу, посижу!.. Уходите... Что мнѣ больше дѣлать? Посижу, похожу, погляжу...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

А ты не злись! Печенка лопнетъ! Силъ нѣтъ больше... (*Уходитъ*).

БАБУШКА.

Что-то спину ломаетъ, видно къ непогодѣ... И ноги мерзнутъ... Охо-хо-хо! Я пойду, прилягу, Дуничка... Ты посидишь... (*Уходитъ*). (*Большая пауза. Дуня ходитъ по комнатѣ, потомъ садится у стола и раскладываетъ карты*).

ДУНЯ

(*бросая карты и вскакивая со стула*).

Господи, какая скука! Невыносимая скука! Башмаки да валенки, ротонды да чесанки! И больше ничего, какъ есть ничего... Неужто вся жизнь такъ пройдетъ? (*Тихо напѣваетъ мотивъ „Письма Периколлы“, потомъ подходитъ къ окну и, прильнувъ къ стеклу, смотритъ*).. Звѣздочки горятъ далеко-далеко!..

(*Занавѣсъ на пять минутъ*).

На дворѣ во флигелѣ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дуня и Валеріанъ Ипполитычъ.

ДУНЯ

(*вскакивая и оправляя прическу*).

Это—онъ! (*Беретъ лампу и идетъ отворять дверь, по пути смотритъ въ зеркало*). Сейчасъ! Сію минуту...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Неужели спятъ?

ДУНЯ (*ставя обратно лампу*).

Спятъ.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Спитъ христіанскій міръ... Да и у васъ личико-то какъ будто смерклось?

ДУНЯ.

И я дремала... Что намъ дѣлать? Мы либо бранимся, либо скучаемъ... Такъ ужъ лучше спать... Можетъ быть, самоварчикъ вамъ поставить?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Не безпокойтесь!.. Я отъ чаю все скучаю...

ДУНЯ.

Можетъ быть, присядете поскучать со мной немножко? Я братца жду...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Неужели не приходилъ?

ДУНЯ.

Нѣтъ... Садитесь! Разскажите мнѣ что-нибудь!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Съ удовольствіемъ... Я готовъ просидѣть съ вами до самаго свѣта... Что же вамъ разсказать?.. Гм!

ДУНЯ.

Что-нибудь волшебное или страшное, чего не бываетъ на свѣтѣ.... А то все скучно, не интересно...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Жилъ-былъ бѣдный пастухъ. Ничего у него не было, кромѣ свирѣли... За то онъ былъ красивый и сильный и очень хорошо пѣлъ пѣсни... Встрѣтилъ онъ однажды дѣвушку необыкновенной красоты... Полюбилъ ее безъ ума... Глаза у ней были сѣрые, какъ у васъ, и коса была такая же большая, какъ у васъ... Однимъ словомъ она была очень похожа на васъ...

ДУНЯ.

Ладно, не смѣйтесь!.. Ну!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Дѣвушка эта была очень бѣдная. Она тоже полюбила пастуха и они рѣшили обвѣнчаться... Но... у нихъ не было денегъ, чтобы заплатить деньги за вѣнчаніе и они рѣшили отложить свою свадьбу, пока не сдѣлаются людьми состоятельными...

ДУНЯ.

Ну! Сказка это...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

И все они ждали, ждали, ждали... ждали...

ДУНЯ.

Ну! Что же дальше?

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Такъ и состарились... И когда можно было повѣнчаться, то посмотрѣли другъ на друга и заплакали...

ДУНЯ.

Ну!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Все! Спрашивается: стоило ли ждать?.. Какъ вы думаете? а?

ДУНЯ.

Не понимаю, что вы хотите сказать... Вы смѣетесь надо мной...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Избави Богъ! Знаете что, Авдотья Ивановна?.. Пойдемте-ка завтра въ театръ! „Елену Прекрасную“ увидите!..

ДУНЯ.

Вотъ заработаю денегъ, тогда пойдемъ...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Деньги—пустяки! Есть о чемъ разговаривать... Я васъ такъ проведу...

ДУНЯ.

Неудобно. Могутъ подумать Богъ знаетъ что...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Предпочитаете услаждаться скукою жизни? Только бы ничего не подумали? Эхъ, людіе!..

ДУНЯ.

Вамъ, мужчинамъ, ничего, а намъ... Хорошая слава лежитъ, а дурная слава бѣжитъ за нами...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Ну и будете сидѣть, обнявшись со своей хорошей славой... А жизнь-то бѣжитъ и убѣгаетъ... А когда придетъ старость, такъ все равно: никакой славы не будетъ, ни дурной, ни хорошей... И нечѣмъ будетъ вспомнить свою молодость... Знаете, какъ это поется: „прощай вино въ началѣ мая, а въ сентябрѣ прощай любовь“... Счастье надо ловить за хвостъ да еще крѣпко держать, чтобы не вырвалось!..

ДУНЯ.

Мое счастье отошло. Не воротится.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Это почему же такъ?

ДУНЯ (*конфузясь*).

Такъ ужъ... Ничего не подѣлаешь... (*Пауза*). У меня былъ женихъ, хорошій человѣкъ, да ничего не вышло...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Разлюбилъ?

ДУНЯ.

Съ приданымъ невѣсту нашелъ!..

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Значитъ: не пастухъ... Тотъ бы этого не сдѣлалъ...

ДУНЯ.

Чиновникъ. Приличное жалованье получалъ. Гото-

вая квартира, отопленіе и освѣщеніе... Не молодой ужъ, но и не старикъ...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Это все хорошо: готовая квартира, отопленіе и освѣщеніе. А вы-то его любили?..

ДУНЯ.

Не знаю... Ничего себѣ, нравился... Развѣ такъ бы я теперь жила, какъ приходится? Женился онъ на другой... Живутъ очень мило: въ театръ часто ходятъ, въ купонѣ всегда, на извозчикахъ ѣздятъ, лѣтомъ на гуляньяхъ, всегда подъ ручку... А она—некрасивая такая, курносая! А вотъ счастье!..

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Развѣ это называется счастьемъ? Гм! По моему, такое счастье надо взять да за дверь вышвырнуть... Придетъ еще счастье, Авдотья Ивановна, придетъ, настоящее счастье! Только не надо его бояться. Оно не любитъ трусовъ...

ДУНЯ.

Дожидайся его! Покуда ждешь,—состаришься, какъ ваша красавица въ сказкѣ...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Вотъ то-то и есть!.. (*Собирая карты*). Гадали, что ли?

ДУНЯ.

Отъ скуки.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Что же выходитъ?

ДУНЯ.

Для дома—скука, для себя—скука и для сердца тоже скука! И больше ничего...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Плохо... Надо что-нибудь придумать...

ДУНЯ (*вздохнувъ*).

Ничего не выдумаешь! Хотѣлось бы куда-нибудь на службу поступить, чтобы свой уголъ былъ, свой кусокъ хлѣба, чтобы не слушать брань, ссоры и ругань... Некуда! Было мѣсто въ лимонадной будкѣ, да братецъ не позволилъ: стыдно, видите ли, ему будетъ, если я поступлю въ будку... А куда же? Теперь много образованныхъ дѣвушекъ и то не находятъ ничего, а не то что такія, какъ я...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Знаете что? Поступайте къ намъ въ хоръ!

ДУНЯ (*радостно*).

Что вы! Развѣ меня примутъ?! Я и пѣть-то вовсе не умѣю...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Это—пустяки. Былъ бы голосъ! По крайней мѣрѣ настоящую жизнь узнаете... А это—что? Канитель на постномъ маслѣ!

ДУНЯ.

Ахъ, если бы... Меня братецъ не пуститъ туда.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

У васъ своя жизнь, своя душа... Каждый живетъ для себя, а не для братца...

ДУНЯ.

Мнѣ даже и въ картахъ счастья нѣтъ, а не то что въ жизни...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Хотите я погадаю вамъ?

ДУНЯ *(собирая карты)*.

Нате! Гадайте!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Я не по картамъ, а по рукамъ, съ помощью хиромантіи... Дайте-ка мнѣ вашу ручку!

ДУНЯ.

Не стоитъ, Валеріанъ Ипполитычъ!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Да дайте же! Не укушу я васъ.

ДУНЯ

(протягивая черезъ столъ руку).

Ну, смотрите! (*Валеріанъ Ипполитычъ беретъ Дунину руку, разсматриваетъ ее, наклоняясь все ниже и неожиданно цѣлуетъ. Дуня испуганно вскрикиваетъ и отдергиваетъ руку)*. Что вы это сдѣлали! *(Закрываетъ лицо руками)*.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(подойдя къ Дунѣ, въ полголоса).

Посмотрите, Дуничка! Откройтесь! Ничего дурного не произошло... Ну извините меня!.. Авдотья Ивановна!.. Я ухожу... Спокойной ночи *(протягиваетъ руку)*. Не хотите дать руку? Ну! На что сердиться?.. *(Дуня одной рукой старается закрыть все лицо, а другую молча протягиваетъ)*.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Чего бояться? (*Снова цѣлуетъ руку. Дуня старается вырвать руку, Валер. Иппол., оглянувшись вокругъ, цѣлуетъ Дуню въ щеку и уходитъ къ себѣ. Пауза*).

ДУНЯ.

Боже мой! (*раскрывая лицо*). Что же это такое? Хорошо и страшно... Никто мнѣ не цѣловалъ руку, никогда... (*Закрывается рукавомъ кофточки и тихонько плачетъ и смѣется отъ радости*).

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(*выглянувъ изъ своей комнаты*).

Авдотья Ивановна! Нельзя ли мнѣ —стаканчикъ воды?

ДУНЯ (*потупившись*).

Хорошо... Сейчасъ... Дамъ... (*Встаетъ, нѣкоторое время стоитъ растерянная, потомъ уходитъ за водой. Валер. Иппол. просовываетъ въ дверь голову и оглядываетъ комнату. Дуня входитъ съ графиномъ и стаканомъ, она колеблется, потомъ подходитъ къ двери комнаты Валер. Иппол. и тихо стучитъ*).

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ (*изъ комнаты*).

Войдите! (*распахиваетъ дверь*).

ДУНЯ.

Извольте... я принесла...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Войдите! Можно!.. Ну войдите же!..

(*Дуня послѣ нѣкотораго колебанія входитъ. Дверь запирается. На сценѣ пусто. Большая пауза. Громкій звонокъ, стукъ въ передней повторяется нѣсколько разъ*).

Дуня, Глаф. Павловна, Яковъ Иванычъ и Ваня.

ДУНЯ

(*выбѣгая изъ комнаты, растерянная и растрепанная*).

Господи! Да что же это такое?! (*Хватается за сердце*).

Сердце выпрыгнуть хочетъ не то отъ страху, не то отъ счастья... (*Звонокъ и стукъ*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА

(*пробѣгая чрезъ комнату въ переднюю*).

Иду! Иду! Понадѣйся на васъ!.. Иду, Яша!..

ДУНЯ (*нервно смѣясь*).

Я словно пьяная... (*Тихо уходитъ изъ комнаты*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА

(*останавливаясь у порога, къ Якову Иванычу, который шумно раздѣвается въ передней*). Опять? Опять пьяный?.. Все жалованье пропилъ?..

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*вваливаясь*).

Пить вино до опьяненія есть ужъ злоупотребленіе... Не всѣ, мать, пропилъ... Есть еще, есть... (*Роется въ карманахъ*). Вотъ рубль—цѣлковый, вотъ еще цѣлковый... Нѣтъ, это—пятакъ... А вотъ золотой... И еще двугривенный... И больше никакихъ!..

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА (*плаксиво*).

Поищи еще... Неужели только оставилъ?.. (*Начинаетъ обшаривать карманы мужа*). Да повернись, что ли! Жизнь!..

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Обыскивай, Глаша!.. Ничего предосудительнаго!.. (*бросаетъ фуражку на окно*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Опять, значитъ, жрать нечего... Гдѣ у тебя совѣсть? Что же это такое?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*поетъ*).

„Бра-тья, рюмки на-ли-вайте“!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Не кричи! Налилъ ужъ зенки-то, налилъ вѣдь... довольно!..

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*тише*).

„Ллей-ся черезъ край вин-о-о“! Никакого, мать, повышенія... Въ первобытномъ состояніи... Образованія нѣтъ... И наплевать имъ въ бороду!.. (*Поетъ*). „Все-е до кап-ли вы-пи-вайте“. (*Увидя на столѣ приготовленную водку*). Водочки, мать, припасла?.. Вотъ умница! (*Хочетъ погладить Глафиру Павловну по головѣ; та съ плаксивой злобой отталкиваетъ Якова Иваныча и уходитъ, отирая рукой слезы*).

ДУНЯ

(*входя въ комнату, печально смотритъ на брата и отходитъ къ окну*). Вы легли бы, братецъ!

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Пропала, Дуняха, твоя жакетка!.. И ротонда тоже улетѣла.

ВАНЯ (*просыпаясь*).

Папаша пришелъ?.. Прибавили, папаша, жалованья?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Прибавили, Иванъ Яковлевичъ, прибавили... Спи покуда!

ВАНЯ.

Ты мнѣ обѣщался подарить что-нибудь... Ты подари мнѣ гитару! Я видѣлъ во снѣ, будто продалъ Азію, Африку и Америку и купилъ себѣ гитару...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Продадимъ и Европу и Австралію и купимъ... Я выпилъ маленько, Иванъ Яковлевичъ!.. Извините ужъ... (*Грустно поетъ*). „Февраля двадцать девятаго цѣлый штофъ вина проклятаго влилъ Касьянъ въ утробу грѣшную, позабылъ жену сердешную и родимыхъ малыхъ дѣтушекъ“... (*Послѣ паузы*). Дѣтушекъ позабылъ, подлецъ! Свинья этакая!... Скотина! И всѣ мы скоты... Ей-Богу! Мое дѣло писать, а ваше дѣло — жрать... Жрать и больше ничего! (*Дуня медленно уходитъ, понуря голову*). Ванька!

ВАНЯ.

Что, папаша?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Знаешь, что мнѣ сегодня директоръ вашъ говорилъ?

ВАНЯ.

Что?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Неудобно, говоритъ, ходить въ гимназію ученику въ худыхъ сапогахъ и безъ калошъ!.. Какое ужъ удобство, говорю, ваше превосходительство! Надо, говоритъ, купить, а иначе неудобно.—Средствъ, говорю, нѣтъ, ваше превосходительство. А онъ: „Не понимаю, зачѣмъ тогда отдавать въ гимназію“! Не понимаетъ. Что безъ калошъ ходить неудобно,—онъ понимаетъ, а зачѣмъ мы тебя въ гимназію отдали,—это ему непонятно!.. Теперь, говоритъ, всѣ лѣзутъ въ гимназію... Такъ и сказалъ: „всѣ лѣзутъ“. Ванька!

ВАНЯ.

Что, папаша?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А понимаешь ли ты, зачѣмъ я тебя въ гимназію отдалъ?

ВАНЯ (*гнусаво*).

Учиться.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Знаю, что учиться... А зачѣмъ—учиться?

ВАНЯ.

Чтобы потомъ жалованье хорошее получать...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Вѣрно! Чтобы въ дугу не гнули! Чтобы никто тебѣ не говорилъ „куда лѣзешь“? а чтобы ты шелъ себѣ дорогой ровной и чтобы не спотыкался... Понялъ?

ВАНЯ.

Понялъ.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А еще зачѣмъ?

ВАНЯ.

Еще?.. еще не знаю...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А отца съ матерью кормить, когда у нихъ жила лопнетъ? Надо или нѣтъ?

ВАНЯ.

Я буду... кормить...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

То-то! Спрашивали тебя сегодня?

ВАНЯ.

Спрашивали... Изъ латинскаго. Три получилъ, папаша.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Все три да три... Мозговъ, вѣрно, не хватаетъ?..

ВАНЯ.

Инспекторъ сегодня говорилъ, что кто деньги въ понедѣльникъ не принесетъ, того исключатъ... Послѣдній срокъ, папаша... (*ложится*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А гдѣ я возьму? Украсть, что ли? (*Наливаетъ и пьетъ*). Я пропилъ только семь рублей... Отъ нихъ легче не станетъ.

ВАНЯ.

Развѣ тебя, папаша, еще не повысили?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Повысили! Изъ кулька въ рогожку!.. Самъ я себя сегодня повысилъ,—вотъ что!.. И еще повышу. (*Наливаетъ и пьетъ*).

Тѣ же и бабушка.

БАБУШКА (*входя*).

Не пей, Яшенька!.. Будетъ тебѣ...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Жажда, мамаша, одолѣваетъ... А гдѣ Глафира?

БАБУШКА (*вздохнувъ*).

Тамъ... плачетъ...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А пѣвецъ дома?

БАБУШКА (*ворчливо*).

Кто его знаетъ...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ

(*проходя нетвердой походкой къ двери квартиранта*).

Валеріанъ... И... Ипполитычъ!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(*голосъ въ комнатѣ*).

Что прикажете?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Жена у меня плачетъ... Спой ты ей, пожалуйста: „Не плачь, дитя, не плачь напрасно“!

БАБУШКА.

Нашли время пѣть... Чай, онъ съ ума еще не сошелъ. (*Убираетъ со стола*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*къ Дунѣ*).

Что, Дуняха? а? Хотѣлось новую-то кофточку? Надѣла бы,—фу ты, ну ты!

ДУНЯ.

Ахъ, оставьте вы, братецъ, ради Бога! Наплевать на кофточку, и на все...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*придирчиво*).

Т. е. какъ это „на все“? А на меня, напримѣръ? Тоже наплевать? Конечно, чортъ съ нимъ съ Яковомъ Иванычемъ! Намъ бы только нажраться, а мы даже не хотимъ знать, чье это жранье-то!

ДУНЯ (*со слезами*).

Попрекаете кускомъ хлѣба... Хорошо, спасибо вамъ, спасибо!.. (*Уходитъ*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Постой! Погоди!.. Ушла... Ну и отлично!..

БАБУШКА.

Что это ты? Объѣла она тебя, что ли? Это и не грѣхъ тебѣ? Что ты кидаешься, какъ бѣшеная собака? Укусить хочешь? А за что? Смотри, братъ! (*Уходитъ*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*послѣ паузы*).

Дѣйствительно, укусилъ я ее, а за что? Кто этому причина? Надо разобрать. Всѣ жрать хотятъ. Безъ жратвы невозможно. Никоимъ образомъ невозможно... Вотъ если бы всѣмъ людямъ желудки вырѣзать!.. Тогда совсѣмъ иначе на свѣтѣ дѣло пошло бы!.. Тогда наплевать!.. Тогда душа человѣческая воспрянетъ... Тогда поди-ка поговори съ Яковомъ Иванычемъ!.. Онъ покажетъ! Тогда безъ стѣсненія, прямо: „къ чорту"!! А теперь—брюхо, проклятое брюхо, чтобъ ему пусто было!.. Никто души не спрашиваетъ, а первое дѣло—брюхо... Развѣ мы люди? Никоимъ образомъ! Мы брюхо на двухъ подпоркахъ, а сверху—крышка, т. е. башка... Въ родѣ миски на высокихъ ножкахъ...

Яковъ Иванычъ и Платонъ Ильичъ.

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ

(*входитъ полупьяный, въ лѣтнемъ пальто вмѣсто халата*).

Здравствуй, Яша!

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А-а! Сосѣдъ! Присаживайся! Выпьешь?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Для тебя могу... Ну, какъ твои дѣла? Прибавку дали? (*Садится за столъ*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ

(*молча машетъ рукой*).

Наплевать, не говори объ этомъ...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Ну, наплевать... Не въ этомъ дѣло. Меня вотъ такъ и совсѣмъ выгнали, а все-таки,—я доволенъ! Радостно на душѣ, Яша!.. Скажи ты мнѣ, братецъ, какъ пишется слово „копѣйка“?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

А что?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Пострадалъ я изъ-за этой копѣйки: выгнали, Яша, меня за копѣйку-то! Не вѣришь?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Неужели изъ-за копѣйки?!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Вѣрно! Не въ копѣйкѣ тутъ дѣло, братецъ, а такъ... въ корнѣ вещей надо искать причину... Не понравилось секретарю, что сегодня я не на цыпочкахъ ходилъ, а какъ слѣдуетъ ходить человѣку: съ достоинствомъ... Все равно, статскій ли совѣтникъ или губернскій секретарь или даже неимѣющій чина—все равно,—человѣкъ, царь природы... Иду я съ достоинствомъ, сапогъ у меня на лѣвой ногѣ поскрипываетъ... „Нельзя ли, говоритъ, потише ходить?“ Посмотрѣлъ я на него, пожалъ плечами и говорю: „Можно, на цыпочкахъ, у кого мозолей нѣтъ, а если мозоли,—необходимо свободу ногѣ дать“. А самого, братъ, такъ и подмываетъ смѣлѣй ходить!.. Надоѣло ужъ больно на цыпочкахъ-то ходить!.. Восемь лѣтъ, вѣдь, девятый на цыпочкахъ

хожу!.. Кашлянулъ я и плюнулъ, громко, знаешь, плюнулъ, какъ всѣ люди... Опять: „Нельзя ли потише!“ Фу ты, чортъ тебя побери совсѣмъ! Что, думаю, за издѣвательство надъ всѣмъ существомъ человѣка? „Постараюсь, говорю, не кашлять и даже, по силѣ возможности, не чихать!“

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Неужели такъ и сказалъ: „по силѣ возможности“?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Сказалъ, братъ! И не могу, братецъ мой! Такъ меня и сосетъ, такъ и сосетъ, все хочется сказать ему этакое, знаешь ли, слово, чтобы сразу печенку отъ злости рбзорвало! Ей-Богу! Взялъ я это табаку изъ окурка и понюхалъ... Нарочно понюхалъ, чтобы чихнуть.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Ну! Чихнулъ?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Чихнулъ, братъ! Громко! Ясно! Какъ люди чихаютъ. Чихнулъ и громко, чтобы всѣ слышали, сказалъ: „виноватъ! не въ силахъ бороться съ законами природы!“ Да еще чихнулъ, еще громче! Всѣ такъ и притихли. Въ канцеляріи стало такъ тихо, словно всѣ и дышать перестали.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ

(*радостно смѣется, хлопаетъ себя по колѣнкѣ, мотаетъ головой*).

Молодецъ! Ей-Богу, молодецъ! Выпьемъ еще! Чокнемся!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Наливай!.. А потомъ и вышла эта исторія изъ-за копѣйки. Написалъ я бумагу, а онъ взялъ да перечеркнулъ. Перепишите, говоритъ, — копѣйка пишется черезъ „ять“. Извините, говорю, не могу. — „Какъ не можете?“—Очень просто: я написалъ правильно, грамматика, говорю, для всѣхъ одна, безъ различія чиновъ и классовъ.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Относительно „копѣйки“, братецъ, точныхъ законовъ не установлено еще, а предоставлено писать ее и такъ и этакъ...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Ну и отлично! Стало быть, я могъ, имѣлъ законное право, написать ее черезъ „е“?

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

И такъ и этакъ –правильно. Кто какъ желаетъ.

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Ахъ, Яша! Да не въ копѣйкѣ тутъ суть дѣла! Чортъ съ нимъ, какъ хочетъ! Мнѣ ни тепло, и ни холодно. А вся суть въ томъ, что поруганіе здѣсь царя природы, человѣка. Ну, а въ такомъ случаѣ — нѣтъ! врешь! Не желаю переписывать... Въ такомъ случаѣ я эту копѣйку за сто рублей не уступлю!

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Ну! Что же онъ?!

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Позеленѣлъ, братецъ, отъ злости! Сорвался съ мѣста, побѣжалъ къ управляющему. Вышелъ изъ кабинета и дрожитъ весь. „Васъ, говоритъ, г. управляющій тре-

буетъ!“ А я ему еще одну иголку въ печенку всадилъ: „касательно чиханья?“—спрашиваю и улыбаюсь. Всталъ и пошелъ. (*Яковъ Иванычъ не можетъ скрыть восторга: подпрыгиваетъ, хохочетъ, цѣлуетъ собесѣдника*). Хорошо-съ... Пошелъ. Вошелъ въ кабинетъ и стою, Управляющій не обращаетъ, конечно, вниманія... Насъ, братъ, сразу не замѣтишь, мы все равно, что предметы неодушевленные... Я крякнулъ разъ, другой...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Насъ гдѣ же замѣтить! Мы очень маленькіе, вотъ этакіе! (*показываетъ рукой на аршинъ отъ полу*).

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Вы меня, говорю, требовали, г. управляющій! „Подождите!“ Подожду. Стою, а во мнѣ, братецъ, кипитъ что-то, какъ въ котлѣ, и опять сосетъ сердце... И этому господину хочется печенку испортить! „Вы пьяны?“ спрашиваетъ и смотритъ черезъ очки, вотъ этакъ, носъ вздернулъ. Хотя, говорю, немного и выпилъ, но дѣйствую и разсуждаю вполнѣ разумно. „Какъ, говоритъ, вы смѣете говорить дерзости секретарю?!.“ Позвольте, говорю, г. управляющій: какія же это дерзости, если я не желаю нарушать россійскую грамматику? Грамматика, говорю, должна быть у всѣхъ одна, а у насъ что ни секретарь, то новая грамматика. А затѣмъ, говорю, мнѣ возбраняется господиномъ секретаремъ чиханіе, самимъ Богомъ установленное... Какъ я, братецъ, это сказалъ,— такъ онъ и вскочилъ. „Вонъ! — кричитъ — сторожей!“ Не безпокойтесь, говорю, я самъ уйду. А кричать, говорю, на служащихъ нельзя...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Неужто такъ и сказалъ?

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Сказалъ. Да что? Восемь лѣтъ, братецъ, молчалъ, а на девятомъ не выдержалъ: заговорилъ, какъ слѣдуетъ говорить царю природы, человѣку! И какъ я это сказалъ, Яша, такъ легко мнѣ вдругъ стало, хорошо, пріятно, словно нарывъ на душѣ прорвался и вся дрянь оттуда вытекла! Иду изъ палаты, а ноги такъ и подплясываютъ и все кто-то, словно будто на ухо шепчетъ: „молодчина, Платонъ Ильичъ, уважаю тебя глубоко и безконечно“... Кажется, такъ бы и расцѣловалъ себя! Милый, говорю, глубокоуважаемый Платонъ Ильичъ! Чортъ съ ними, не помремъ... По крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ въ жизни своей душѣ угодилъ!..

Тѣ же, Капитолина Васильевна, потомъ Дуня.

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

(*голосъ ея въ передней*).

Забрался-таки! (*Входитъ*). Иди домой! Самъ не спишь и людямъ не даешь.

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Ничего, ничего... Пустяки! Я его люблю! очень уважаю! (*Цѣлуетъ Плат. Ильича*).

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Яша меня понялъ, а ты? Гдѣ тебѣ!.. Не дано тебѣ, ты—ротонда! Ты должна бы похвалить мужа, а ты что мнѣ сказала? „Мерзавецъ“—сказала! Когда подло живу, — хвалишь, а когда честно (*стучитъ кулакомъ въ грудь*), когда настоящимъ человѣкомъ, царемъ природы дѣлаюсь, у тебя мерзавецъ выходитъ? Не понимаешь ты смысла жизни. (*Обращаясь къ входящей Дунѣ*). Дуничка! Какъ вы понимаете жизнь? Въ чемъ ея смыслъ: въ душѣ или въ брюхѣ? Извините за выраженіе...

ДУНЯ (*раздраженно*).

Оставьте меня въ покоѣ! Надоѣла мнѣ ваша ругань, дѣться отъ нея некуда...

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Пойдемъ! Постыдись! Видишь, плачутъ здѣсь отъ тебя...

ПЛАТОНЪ ИЛЬИЧЪ.

Прощай, Яша! Спи спокойно! Чортъ съ ними! *(Поднимается и идетъ въ сопровожденіи Капитолины Васильевны. Дуня встаетъ у окна и смотритъ во дворъ. Яковъ Иванычъ задумчиво поникъ головой).*

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Дуняха! Никакъ ревешь? Плюнь! Не стоитъ, ей-Богу не стоитъ. Съ голоду не помремъ, а больше чего же намъ? Больше, братъ, намъ ничего и не полагается... А въ лимонадную будку я все-таки тебя не пущу. Нехорошо! тамъ тебѣ не мѣсто. Тамъ всякая дрянь будетъ къ тебѣ приближаться и будетъ тебѣ говорить всякія мерзости. Съ бѣдными дѣвушками, братъ, не церемонятся. Дѣвушкѣ достаточнаго семейства скажутъ „пардонъ", а тебѣ такую штуку въ этой будкѣ загнутъ, что всю душу выворотитъ... Съ нами, братъ, такъ!..

ДУНЯ

(*не оборачиваясь, отирая слезы*).

Надо же куда-нибудь дѣваться! (*Пауза*). Я въ хористки поступлю!..

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Думаешь, — сладко? Хм... Кто это тебя умудрилъ? Этотъ, лодырь? (*показываетъ на комнату постояльца*).

ДУНЯ.

Никто. Сама! (*Пауза*). Хочется, вѣдь, хоть капельку счастья?! Я, вѣдь, не старуха: мнѣ всего восемнадцать лѣтъ!

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Эхъ, Дуняха! Да гдѣ оно, счастье-то? думаешь, — въ лимонадной будкѣ оно валяется?

ДУНЯ.

Не будешь искать, такъ и не найдешь...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Въ хористкахъ, думаешь, найдешь его?

ДУНЯ (*съ сердцемъ*).

Да ужъ не здѣсь же! Не съ вами! Вонъ вы давеча сказали, что мое дѣло — жрать и больше ничего... Вы, братецъ... Вы ошибаетесь... да! И я такой же человѣкъ... И мнѣ хочется хоть капельку счастья! (*Плачетъ*). Хоть одну только капельку! Хоть не надолго... На... (*выкрикиваетъ*). Хоть на одинъ день!..

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ

(*упавшимъ тономъ*).

Ну, ну!.. Не реви! Я вѣдь это не про тебя сказалъ, а такъ вообще про всѣхъ насъ, про нашу жизнь. Ты не сердись. Я это—не въ судъ или осужденіе, а такъ... люблю васъ я всѣхъ, мои бѣдные... И мнѣ горько и больно, что я ничего не могу, какъ есть ничего... (*Продолжительная пауза*).

ДУНЯ (*шопотомъ*).

Я уйду куда-нибудь... Провалюсь... Страшно мнѣ съ вами... (*Уходитъ*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ

(*послѣ долгой паузы грустно затягиваетъ*):

„Ай-да не бѣлы-то снѣжки
Въ чистомъ полѣ забѣлѣлися“...

Яковъ Иванычъ и Глафира Павловна.

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА

(*входя изъ сосѣдней комнаты*).

Что это ты? Опомнись! Съ чего это ты запѣлъ среди ночи? Весело стало, подумаешь...

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Поютъ развѣ отъ веселья одного?.. Сказала тоже...

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Иди Христа-ради спать! Вѣдь завтра—на службу. Выгонятъ вотъ, какъ Платона Ильича, что будемъ дѣлать-то? Ладно,—они одни, а у насъ вонъ! сокровище. (*Показываетъ на Ваню*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Спи себѣ!

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

За что это наказаніе?!

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ.

Да, не знай, за что. За грѣхи прародителей. Не ропщи, мать! (*Подходитъ и треплетъ жену по спинѣ рукою*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Оставь ты меня! Тошно мнѣ смотрѣть на васъ... Сдохнуть бы, что ли! Опостылѣли вы мнѣ... (*Уходитъ*).

ЯКОВЪ ИВАНЫЧЪ (*послѣ паузы*).

Всѣмъ тошно: и Глафирѣ Павловнѣ тошно, и Дуняхѣ—тошно, да и мнѣ тошно.. Всѣ мы опротивѣли и себѣ, и Богу... (*Наливаетъ и пьетъ. Въ комнатѣ квартиранта слышны тихіе аккорды гитары и пѣніе вполголоса: „Давно готова лодка, давно я жду тебя“. Яковъ Иванычъ склоняетъ голову и начинаетъ молча дирижировать рукой. Гитара смолкаетъ. Яковъ Иванычъ встаетъ, осматриваетъ на свѣтъ бутылку, свиститъ и качаетъ головой*). Пустота! И въ жизни, и въ бутылкѣ. (*Прохаживаясь нетвердымъ шагомъ, останавливается около спящаго Вани*). Спитъ Иванъ Яковлевичъ. (*Тихо напѣваетъ*): „Спи младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю“! (*Пауза*). Ничего, братъ, не подѣлаешь! Хотѣлъ тебя на ноги поставить, да жила лопнула... Ты, братъ, не обезсудь, не возропщи потомъ... Чти отца твоего и матерь твою... Они, братъ, не виноваты... (*Махнувъ рукой, беретъ фуражку и исчезаетъ, хлопнувъ дверью передней*).

Глафира Павловна, потомъ Дуня.

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА

(*выскакивая въ юбкѣ и платкѣ на плечахъ*).

Яковъ Иванычъ! Яша! Нѣтъ его... ушелъ...

ДУНЯ (*выбѣгая изъ кухни*).

Что случилось? Братецъ убѣгъ?

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Что же ты смотрѣла? что? (*бѣжитъ на дворъ*). Яша! вернись! (*Дуня садится на стулъ у окна. Слышенъ глухой голосъ: „Яша! Яшенька“! Потомъ появляется Глафира Павловна*).

ГЛАФИРА ПАВЛОВНА.

Убѣжалъ... Опять запьетъ... Что же ты смотрѣла? Что глазами-то, какъ корова съ новотелу, хлопаешь?

Жрать, такъ, небойсь, только подавай, а помочь, пособить,—трудно! У-у, дармоѣды проклятые! (*Уходитъ съ ворчаніемъ изъ комнаты*).

ДУНЯ (*послѣ долгой паузы*).

За что? Господи! Какъ мнѣ это опостылѣло, надоѣло, опротивѣло! Куда-нибудь уйти бы, убѣжать отъ этой проклятой жизни! (*Долго сидитъ съ опущенной головой. Слышатся снова тихіе аккорды и пѣніе: „Давно готова лодка, давно я жду тебя". Дуня вздрагиваетъ, озирается, точно ищетъ чего-то, потомъ рѣшительно подходитъ къ двери квартиранта и стучитъ*): Валеріанъ Ипполитычъ! Послушате!.. Скажите...

Дуня, Валеріанъ Ипполитычъ, потомъ бабушка.

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(*пріотворивъ дверь*).

Ахъ, это вы?.. Войдите!

ДУНЯ (*съ дрожью въ голосѣ*).

Послушайте! Я согласна, на все согласна! Я не боюсь... Нѣтъ! Хоть въ омутъ головой, только бы уйти отсюда. Я не могу больше, не могу тутъ жить. Я боюсь... Я спичками отравлюсь,.. Я хочу—въ хористки...

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ

(*выйдя и оглядѣвшись*).

Не волнуйтесь... И вовсе не надо травиться... Зачѣмъ? (*беретъ ее за талію*). Все устроится... Конечно, развѣ это жизнь? Это такъ, между прочимъ, скверный сонъ (*цѣлуетъ ее въ щеку*). Это такъ, кошмаръ...

ДУНЯ.

Послушайте! Я хочу завтра же уйти отъ нихъ... Я

не могу ихъ видѣть. Силъ больше нѣтъ, Валеріанъ Ипполитычъ!.. Голубчикъ, спасите меня!..

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Тсс! (*шопотомъ*). Погодите, все устроимъ, все!.. Зайдите-ка на минутку ко мнѣ... Потолкуемъ...

ДУНЯ (*оглядывается, колеблется*).

Ну, ну! Говорите, говорите! Скорѣе!

ВАЛЕРІАНЪ ИППОЛИТЫЧЪ.

Да войдите же! Съѣмъ я васъ, что ли? Спятъ всѣ. (*Подходитъ къ столу и тушитъ лампу*). Идите же... Ахъ, трусиха... Спятъ всѣ...

(*Дуня стремительно вбѣгаетъ въ комнату постояльца: дверь затворяется, слышенъ звонъ замка. Большая пауза. На сценѣ пусто и темно.*

БАБУШКА

(*появляясь съ огаркомъ свѣчи*).

Слава Богу! Угомонились, наконецъ. (*Подходитъ къ Ванѣ*). Не раздѣлся... Ваня! Ваничка! Ты бы снялъ хоть сапоги-то! Ну, Богъ съ тобой! Измучился за день-то... (*Наклоняясь къ полу*). Шпильку Дунюшка потеряла... Еще одна! Ахъ, растеряха... Счастья, говоритъ, хочется, хоть капельку... Охъ, грѣхи наши тяжкіе... И сами не знаемъ, чего намъ хочется... Спите съ Богомъ! Утро вечера мудренѣе! (*Тихо уходитъ, шлепая туфлями*).

ЗАНАВѢСЪ.

Евгеній Чириковъ.

ЗА СЛАВОЙ.

ПЬЕСА ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

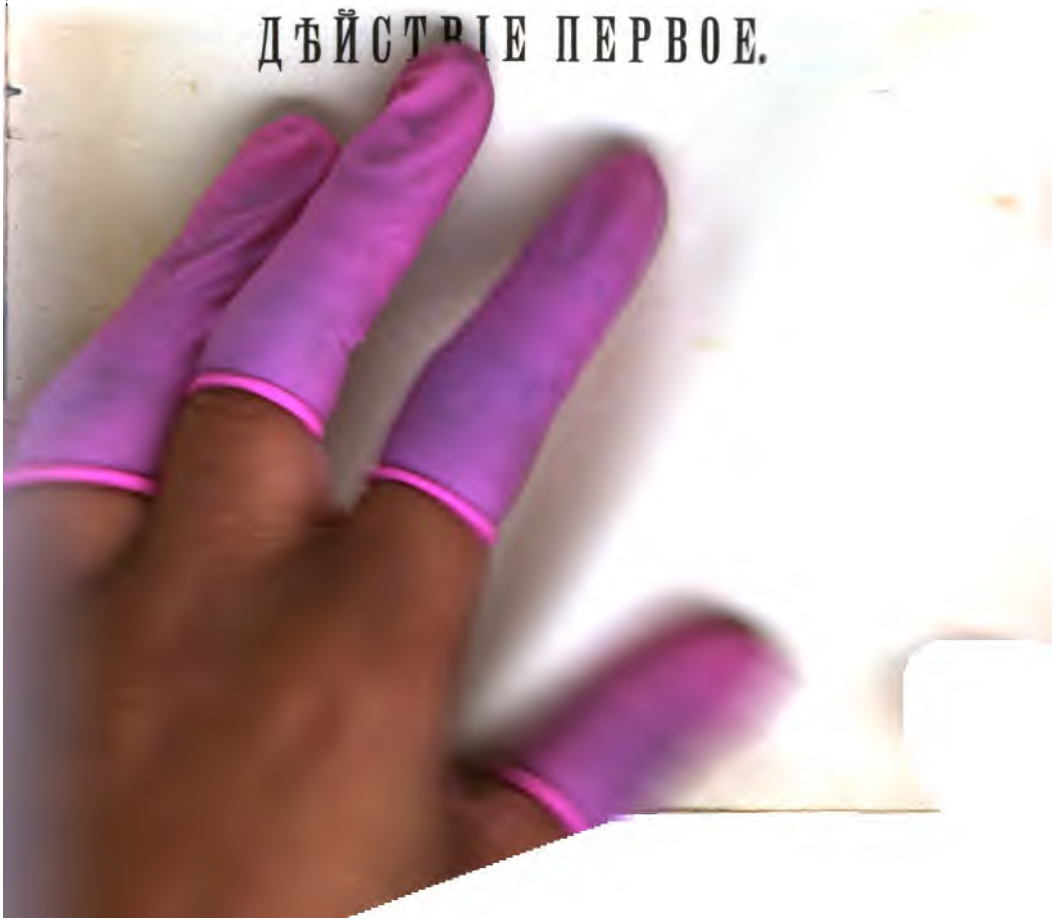
За славой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КРОНИНЪ, Николай Григорьевичъ, 30 лѣтъ, выдвинувшійся драматургъ.
АПОЛЛОНОВЪ, актеръ, неопредѣленныхъ лѣтъ.
КОЗЫРЕНКО, молодой художникъ, изъ хохловъ.
МАРЬЯ НИЛОВНА, его мать, лѣтъ 50-ти, говоритъ съ легкимъ малорусскимъ акцентомъ.
СТРѢЛЬСКІЙ, литераторъ безъ имени.
УХОВЪ, сотрудникъ „Молвы".
ВѢРА НИКОЛАЕВНА.
ТРИ ПОКЛОННИЦЫ.
АРИНА.
ВАСИЛИСА.
ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ.
ДВОРНИКЪ.
БАРЫНЯ.
ГОСПОДИНЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Номеръ въ хорошей гостиницѣ; часть его отгорожена легкой переборкой подъ спальню. Хаотическій безпорядокъ; соръ на полу; сильно накурено. Козыренко лежитъ за перегородкой. Стрѣльскій сидитъ въ дальнемъ углу, хмурый, и читаетъ газету. Кронинъ и Аполлоновъ, стоя посреди комнаты, спорятъ.

АПОЛЛОНОВЪ (*волнуясь*).

Не даютъ ролей... Посторонитесь!.. Дайте дорогу! Посмотримъ тогда. Я по природѣ своей — первый любовникъ, а мнѣ суютъ чортъ знаетъ что̀! Конечно, всякое дарованіе потухнетъ... На кой чортъ даютъ мнѣ вторыхъ резонеровъ, когда я любовникъ? Конечно, при такихъ условіяхъ всегда мелюзгой останешься.

КРОНИНЪ.

У васъ въ игрѣ нѣтъ главнаго — искренности. Вы не играете, а только читаете... Ваши нервы совершенно спокойны...

АПОЛЛОНОВЪ.

Это—ерунда!.. Артистъ долженъ потрясать публику, не испытывая самъ ни малѣйшаго волненія...

КОЗЫРЕНКО (*изъ-за перегородки*).

Отъ тебѣ и здравствуй! Такъ ежели вы не будете волноваться, такъ я жъ вамъ на грошъ мѣдный не повѣрю!

АПОЛЛОНОВЪ

(*обращаясь къ перегородкѣ*).

Позвольте! тогда никакого артиста на годъ не хватитъ... Да и трудно судить: вы дайте мнѣ что-нибудь этакое... значительное... Однажды я игралъ въ провинціи Лира, короля Лира...

СТРѢЛЬСКІЙ (*иронически*).

Ого! Лира! Гм! И что же? Плакали?

АПОЛЛОНОВЪ.

Были и такіе, которые плакали... Нервы... Господа-съ!.. Вѣдь, моя душа не балалайка, на которой съ утра до вечера можно тренькать.

КРОНИНЪ.

Что же значитъ, въ такомъ случаѣ, входить въ роль? Почему говорятъ: „онъ не вошелъ въ роль“?

АПОЛЛОНОВЪ.

Скверно сыгралъ... больше ничего!...

КОЗЫРЕНКО (*выходя съ подушкой*).

А почему, спрашивается, скверно сыгралъ? Да потому, что не вошелъ въ роль. „Ось въ чимъ заковыка!..“ (*Ложится на диванъ*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Въ такомъ случаѣ я могу требовать и отъ васъ, авторовъ, чтобы вы, сочиняя драмы свои, проливали слезы... Скажи: ты ревѣлъ, когда писалъ свою драму?

КРОНИНЪ (*смущенно*).

Иногда я не могъ сдерживать слезъ...

АПОЛЛОНОВЪ.

Глаза на мокромъ мѣстѣ.

КРОНИНЪ.

А я думаю, что успѣхъ драмы только тогда и воз-

моженъ, когда артистъ психологически сливается съ героемъ драмы, а зритель съ артистомъ.

КОЗЫРЕНКО (*поднимаясь съ дивана*).

Вѣрно! Надо, чтобы душа плакала у всѣхъ сразу: у автора, у артиста и у публики. Совершенно согласенъ... Давай руку! (*пожимаетъ руку Кронина*). И отъ спасибо тебѣ за то, что ты помогъ душамъ лишній разъ слиться. Я, братъ, на твоей драмѣ самъ это испыталъ... (*подходитъ къ Стрѣльскому*). Ну, а вы жъ какъ? Слышно, тоже думаете попытать свои силы въ драматургіи?

АПОЛЛОНОВЪ.

Онъ пробовалъ У него есть комедія. Рѣдко ее ставятъ только. И когда ставятъ, то никто не смѣется, а всѣмъ спать хочется.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Напрасно стараетесь: я—неуязвимъ. Критика обломала о меня много перьевъ, и я притерпѣлся. Теперь меня болѣе не волнуютъ уже ни похвалы, ни ругательства. Все въ свое время. Когда-то, господа, и я подавалъ надежды, и тоже кричали: „новый талантъ", „новый талантъ"!... Николаю Григорьевичу, конечно, это вновѣ, поэтому приличествуетъ и въ телячій восторгъ приходить... А я... закаленъ.

КОЗЫРЕНКО (*придирчиво*).

Отъ тебѣ здравствуй! Такъ при чемъ же жъ тутъ этотъ самый телячій восторгъ?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Николаю Григорьевичу я отъ души желаю всяческихъ успѣховъ: рукоплесканій, лавровъ и пр. Я вовсе не завистливъ. Но я знаю, что такое публика...

АПОЛЛОНОВЪ *(иронически)*.

Доводилось ли тебѣ имѣть основаніе-то приходить въ телячій восторгъ? Сомнительно... Что-то не слыхалъ...

СТРѢЛЬСКІЙ (*не слушая*).

Въ сорокъ лѣтъ, господа, трудно поддаваться иллюзіямъ. Въ этихъ годахъ уже не мечтаютъ о славѣ.

АПОЛЛОНОВЪ.

Врешь! мечтаешь! Все еще „подаешь надежды"...

СТРѢЛЬСКІЙ

(*сердито взглянувъ на Аполлонова*).

Но радоваться всякому новому дарованію я еще способенъ. Конечно, я не считаю нужнымъ, Николай Григорьевичъ, стульевъ ломать по поводу вашей первой драмы, но согласенъ: вещь сильная и не безъ таланта... Не особенно довѣряйтесь только публикѣ: великое гоготаніе не есть еще критика.

КОЗЫРЕНКО.

Ну однако жъ, слушайте! вы ужъ того... Гоготанье!.. Я думаю, что мы, мученики творчества, нуждаемся въ одобреніи, какъ машина—въ смазочномъ маслѣ... Успѣхъ, похвала, рукоплесканія, — это для насъ то же, что поливка для комнатныхъ растеній. Надо поливать! Иначе пожелтѣютъ и обвалятся листья.

АПОЛЛОНОВЪ *(щелкнувъ себя по шеѣ)*.

Я признаю только одну поливку таланта. Хорошо бы теперь полить... (*смотритъ на часы*). Полчаса перваго... Полить и селедочкой заткнуть. (*Звонитъ лакея и заказываетъ завтракъ*).

СТРѢЛЬСКІЙ (*къ Козыренкѣ*).

Все это вѣрно только для начинающихъ. Все это я, господа, пережилъ. Повѣрьте, что придетъ время, когда вы будете глухи и вполнѣ равнодушны ко всякимъ рукоплесканіямъ. Я думаю даже, что зрѣлый талантъ неизбѣжно утрачиваетъ аппетитъ ко всякому шуму. Онъ становится самъ себѣ судьей...

АПОЛЛОНОВЪ.

„Суди меня, судья неправедный!“ Ты-то развѣ пережилъ этотъ шумъ?

КОЗЫРЕНКО.

Та ну же-жъ, дайте слушать!

СТРѢЛЬСКІЙ (*сердито*).

Во-первыхъ, г. Аполлоновъ, мы съ вами никогда на ты не были, а затѣмъ, я говорю совсѣмъ не съ вами. И это—неделикатно.

АПОЛЛОНОВЪ.

А чортъ съ вами! Развѣ мы на брудершафтъ не пили?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Не пили. (*Къ Кронину*). Моя первая повѣсть, Николай Григорьевичъ, произвела не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ ваша драма, и критика въ одинъ голосъ возвѣстила міру радостную и тревожную новость: „народился новый талантъ“. Впрочемъ... Не стоитъ. Все это было такъ давно...

АПОЛЛОНОВЪ (*перебивая*).

Что онъ и самъ теперь этому не вѣритъ.

КРОНИНЪ (*задумчиво*).

Есть, господа, въ быстромъ успѣхѣ и дурная сторона. Помню, какъ я получилъ въ гимназіи первую пятерку изъ латинскаго. Принесъ я эту пятерку домой и вызвалъ цѣлую бурю восторговъ. Родители, дядюшки и тетушки гладили меня по стриженой головѣ, подарили мнѣ апельсинъ, хвастались всѣмъ знакомымъ, однимъ словомъ...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Произвели въ геніи?

КРОНИНЪ.

Такъ вотъ, послѣ этого событія я надолго утратилъ спокойствіе: я сталъ бояться латинскаго. Мнѣ казалось уже невозможнымъ получить изъ латинскаго, напримѣръ, тройку. И я началъ зудить. Да, вѣдь, какъ?! До полнаго умопомраченія!

СТРѢЛЬСКІЙ.

И все-таки единицу получили?

КРОНИНЪ.

Не помню. Но не въ этомъ дѣло. Я говорю о самочувствіи.

КОЗЫРЕНКО.

Ну гòди, гòди вже! отъ трусъ! Не получишь единицы. Труденъ первый шагъ. Это, братъ, какъ и у насъ, художниковъ: важно съ перваго разу обратить на себя вниманіе и вызвать нѣкоторый переполохъ... А тамъ, братъ, пойдетъ, какъ по маслу...

КРОНИНЪ (*задумчиво*).

И теперь я въ такомъ же скверномъ положеніи, въ

какомъ былъ тогда. Боюсь. А робость портитъ настроеніе, пригнетаетъ, убиваетъ творческую фантазію...

КОЗЫРЕНКО.

Да ну тебѣ! Отъ люди! если у нихъ нѣтъ мученій, такъ они сами себѣ ихъ нагадаютъ...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы вотъ написали первую драму и продали ее за три тысячи. Я начиналъ свою литературную дорогу при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ: на моихъ рукахъ была цѣлая орава братцевъ и сестрицъ, родныхъ и двоюродныхъ. Вдохновляться приходилось весьма прозаично: нужны брюки,—я сажусь и пишу фельетонъ, и когда меня спрашивали, что я дѣлаю, я отвѣчалъ: „шью себѣ брюки"; а если нужны были сапоги, я писалъ и говорилъ: „я тачаю сапоги"...

АПОЛЛОНОВЪ.

И потому критика находила, что одна его повѣсть похожа на брюки, а другая—на сапоги.

(Общій хохотъ. Лакей вноситъ завтракъ).

АПОЛЛОНОВЪ

(показывая на Кронина).

Запиши за нимъ! (*пьетъ и закусываетъ*). *(Лакей уходитъ).*

СТРѢЛЬСКІЙ.

Критика! У насъ критика имѣетъ только два девиза: одинъ—„въ морду", другой—„ручку пожалуйте".

КОЗЫРЕНКО.

Ну, а вы жъ, какъ критикъ, любите больше въ морду?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я — какой критикъ! Я — обозрѣватель. Обо мнѣ не этоитъ говорить. Я—вообще. Въ нашей критикѣ смѣсь генеральства и почтительнаго, противнаго преклоненія... Удастся человѣку впередъ пролѣзть,—кончено!.. Тогда, простите за откровенность, всякая дрянь, которую онъ напишетъ, будетъ носить печать генія... А, съ другой стороны, допустимъ, что я написалъ повѣсть и, допустимъ, что она будетъ въ высокой степени художественна...

КОЗЫРЕНКО.

Допустимъ...

СТРѢЛЬСКІЙ *(не слушая)*.

Кто написалъ? Стрѣльскій?.. Кончено!.. Крестъ!.. Въ морду его!..

КОЗЫРЕНКО

(раскрывая портсигаръ).

А хотите хорошую сигару?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, благодарю. У меня нѣтъ хорошихъ сигаръ, но есть обыкновенныя папиросы средняго достоинства, какъ оно и приличествуетъ литератору безъ имени...

КОЗЫРЕНКО *(закуривая)*.

Такъ вы больше любите „въ морду“,—это вѣрно, государь мой *(ухмыляется)*. А чи не вы, куме, въ „Сѣверномъ Словѣ“ обозвали мою картину „декадентской мазней“? та ну жъ, сознайтесь! Та я жъ ничего!.. Валяйте хорошенько! Пусть лучше ругаютъ, чѣмъ молчатъ... А по душамъ, вамъ таки здорово не нравятся мои „Похороны“?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Говорятъ, что—„съ настроеніемъ“... Не знаю. Если оно и такъ, то во всякомъ случаѣ съ „сквернымъ настроеніемъ“... Зачѣмъ вѣчно напоминать намъ о смерти? Всѣ умремъ въ свое время и безъ васъ, гг. художники. И затѣмъ... Пишете вы, господа современные художники, чѣмъ угодно, только не кистью. Знаете: „баба блины пекла, подмазокъ потеряла“? (*Козыренко смѣется*). Такъ вотъ, должно быть, этимъ самымъ подмазкомъ... Да вѣрно! Если бы хорошій художникъ старой школы написалъ эту самую картину, а я бы сѣлъ на нее, покуда краски еще не высохли,—вышло бы именно такъ, какъ написана ваша картина...

КОЗЫРЕНКО.

Отъ здорово! Хм! а я и не зналъ, что вы такой талантливый!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я вообще — старовѣръ и вашего, господа, писанья какими-то тамъ мазками да тычками не понимаю... Не способенъ... И потомъ сюжеты!.. „Цвѣтокъ смерти“, „Объятія двухъ скелетовъ“, „Похороны“. Чортъ знаетъ!.. Посмотришь и потомъ долго въ носу ладономъ свербитъ. Я старовѣръ... (*Пауза*). А скажите, почему это всѣ женщины на вашихъ картинахъ хоть немного да похожи на Вѣру Николаевну?

КОЗЫРЕНКО (*вспыхнувъ*).

А? Отъ еще фантазія у васъ! Какъ у настоящаго поэта... Если бы добавить къ ней еще кой-какія достоинства, то, пожалуй, оно бы...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Гдѣ ужъ намъ? Я маленькій, незамѣтный, и никто моимъ писаніемъ не восторгается. Я иду безшумно,

но, надѣюсь, все-таки не безполезно. Читали вы, г. Козыренко, что написалъ Левъ Николаевичъ о писателяхъ и о критикахъ?

КОЗЫРЕНКО.

Нѣтъ. Не доводилось.

СТРѢЛЬСКІЙ.

„Не доводилось“!.. Это хорошо сказано. Конечно! Писаніе и чтеніе не ваше назначеніе. А онъ, Левъ-то Николаевичъ, говоритъ—и я съ нимъ совершенно согласенъ...

КОЗЫРЕНКО *(вставляетъ)*.

Та неужели жъ? Такъ-таки прямо согласны?

СТРѢЛЬСКІЙ

(взглянувъ на Козыренко).

Согласенъ, что глупо раздѣлять писателей, какъ это дѣлаютъ наши критики, на разряды, словно муку по сортамъ... У перворазрядныхъ писателей попадаются совершенно бездарныя вещи и наоборотъ: у второстепенныхъ—прекрасныя. Я—второстепенный, можетъ быть, числюсь теперь даже въ третьестепенныхъ (я не знаю!)... Но когда людей зачисляютъ въ „наши знаменитые“, „наши высокоталантливые“,—то паспортъ спросить не мѣшаетъ...

КОЗЫРЕНКО.

Паспортъ?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Да-съ, паспортъ. Я либеральныхъ жупеловъ не боюсь: выросъ... Именно—паспортъ. Очень ужъ много теперь попадаетъ на Парнасъ безпачпортныхъ...

АПОЛЛОНОВЪ.

Г. Стрѣльскій дѣйствительно строгъ. Это не критикъ, а минотавръ какой-то... Какъ онъ мой водевиль-то обезславилъ!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Всякіе водевили, г. Аполлоновъ, видалъ я... Но такого, какой вы состряпали, — видѣть не доводилось... Одно сало, свиное сало!..

АПОЛЛОНОВЪ.

Врете! Бываютъ хуже... Чортъ съ вами! Другіе актеры бьютъ за это рецензентовъ... Я — смирный... Ни разу не обагрилъ руки своей въ крови вашего брата...

СТРѢЛЬСКІЙ.

„Со мною могутъ низко поступить, унизить же меня никто не можетъ!“

КОЗЫРЕНКО.

Г. Аполлоновъ! А вы имѣете паспортъ, чтобы стремиться съ водевилями на Парнасъ?

АПОЛЛОНОВЪ.

Я не желаю на Парнасъ. Мнѣ и здѣсь хорошо. Славы мнѣ не надо. Чортъ съ нимъ, съ Парнасомъ! (*киваетъ на Стрѣльскаго*). Да его и самого-то давно съ Парнаса спустили... Спросили паспортъ, а у него оказалась просто бумажка изъ-подъ „цейлонскаго чая“.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Ничего не подѣлаешь. Безъ протекціи у насъ и на Парнасѣ мѣста не даютъ.

КОРРИДОРНЫЙ (*заглянувъ въ дверь*).

Баринъ! Тамъ барышни какія-то пришли. Просятъ допустить. (*Маленькій переполохъ среди присутствующихъ*).

АПОЛЛОНОВЪ (*радостно*).

Проси, проси! (*лакей уходитъ*).

КОЗЫРЕНКО (*уходя за перегородку*).

Ну, а я ужъ лучше тамъ полежу... Спокойнѣе. (*Скрывается. Стукъ въ дверь*).

АПОЛЛОНОВЪ (*растворяя дверь*).

Милости просимъ! (*въ дверяхъ появляется первая поклонница, за ней видна — вторая*). Пожалуйте! (*ко 2-й*) И вы!.. (*къ невидимой публикѣ 3-й поклонницѣ*) и вы!.. (*Поклонницы входятъ*). Садитесь, пожалуйста! (*Поклонницы усаживаются въ рядъ*).

ПОКЛОННИЦА 1-я.

Мы желали бы видѣть Николая Григорьевича Кронина.

АПОЛЛОНОВЪ.

Это не я. Я ничѣмъ не замѣчателенъ... Пока!.. А Кронинъ — вотъ-съ! (*Кронинъ рекомендуется*). А вонъ тамъ, въ углу,—это извѣстный литераторъ, г. Стрѣльскій! (*Стрѣльскій привстаетъ на стулъ и сердито киваетъ головой*).

ПОКЛОННИЦА 1-я.

Простите за смѣлость. Я и вотъ онѣ (*указываетъ муфточкой на сосѣдокъ*) были вчера на вашей драмѣ и рѣшили... Какъ бы это выразиться?..

ПОКЛОННИЦА 2-я (*глядя въ землю*).

Поблагодарить.

ПОКЛОННИЦА 1-Я.

Поблагодарить васъ лично за то высокое художественное наслажденіе, которое... которое мы... которое вы позволили намъ пережить... (*Кронинъ растерянно кланяется*). Мы были... поражены и вчера же рѣшили... Простите за смѣлость!

(*За сценой сердитый женскій голосъ: „убирайся ты! какіе тамъ доклады!“*).

БАРЫНЯ (*влетая впопыхахъ*).

Очень мило! Поставили у дверей какого-то барбоса, который грубъ и глупъ!.. Здравствуйте! Что это значитъ? Съ тѣхъ поръ какъ вы сдѣлались знаменитостью, вы совершенно измѣнились къ своимъ друзьямъ.

(*Аполлоновъ занимаетъ поклонницъ*).

КРОНИНЪ.

Неправда, Софья Петровна, я все тотъ же... Но у меня бываетъ такъ много посѣтителей, что приходится..,

БАРЫНЯ.

Я думаю, что для меня можно сдѣлать исключеніе? Я васъ знала, когда еще вы были самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ и, кажется, были *очень* расположены къ нашей семьѣ. Это *большой* грѣхъ! (*грозитъ пальцемъ*). Ну вотъ что! (*садится*). Вы очень заняты?

КРОНИНЪ.

Могу удѣлить вамъ нѣсколько минутъ...

БАРЫНЯ.

Конечно, конечно! Я понимаю, что теперь каждая минута вашей жизни дорога и вамъ, и обществу... А

все-таки, голубчикъ, вы должны сегодня вечеромъ быть у насъ!..

КРОНИНЪ.

Не могу, Софья Петровна...

БАРЫНЯ.

Для меня вы должны сдѣлать исключеніе. Было время, когда я дѣлала это для васъ.

КРОНИНЪ.

Простите, Софья Петровна, ей-Богу я не могу!

БАРЫНЯ.

Я тоже не могу: я уже сказала своимъ друзьямъ, что сегодня у меня „чай съ Кронинымъ"... И всѣ соберутся...

АПОЛЛОНОВЪ.

Устроили бы лучше „завтракъ съ Аполлоновымъ"... Это будетъ поинтереснѣе...

БАРЫНЯ.

Милости просимъ вечеромъ!.. У меня собирается молодежь, барышни, студенты, есть и литераторы, — всѣ прямо жаждутъ знакомства съ вами... Вы должны! Я обѣщала показать васъ... Во имя прежней дружбы вы должны это сдѣлать... Итакъ, я жду! Слышите? *(прощается)*.

КРОНИНЪ.

Постараюсь, но дать слова не могу. (*Провожаетъ*).

БАРЫНЯ.

Не „постараюсь", а даю честное писательское слово!.. (*Кронинъ возвращается*).

ПОКЛОННИЦА 1-Я (*къ Кронину*).

Должно быть, вамъ теперь сильно надоѣдаютъ такія дамы?

КРОНИНЪ.

Ничего не подѣлаешь...

ПОКЛОННИЦА 1-Я.

Простите, но мы очень желали бы имѣть вашъ фотографическій портретъ!

КРОНИНЪ.

Весьма... благодаренъ... Но, къ сожалѣнію, сейчасъ я не могу исполнить вашу просьбу... При первой возможности...

АПОЛЛОНОВЪ (*насмѣшливо*).

Вчера онъ роздалъ тридцать пятую дюжину въ анфасъ и сорокъ пятую въ профиль.

ПОКЛОННИЦА 1-Я (*къ Кронину*).

Но вы будете сниматься? конечно?..

КРОНИНЪ.

Вѣроятно... Какъ-нибудь...

АПОЛЛОНОВЪ.

Скоро онъ свою фотографію откроетъ...

ПОКЛОННИЦА 1-Я.

Мы васъ хотимъ еще объ одномъ просить... Вамъ ничего не стоитъ... (*къ сосѣдкѣ*). Дай сюда! (*беретъ альбомъ*). Она собираетъ автографы замѣчательныхъ людей... Здѣсь у нея есть уже нѣкоторые... Напишите, пожалуйста, и вы что-нибудь! (*протягиваетъ Кронину альбомъ*). Пожалуйста! Вамъ ничего не стоитъ...

КРОНИНЪ.

Что я напишу? Я, право, затрудняюсь... (*беретъ альбомъ и растерянно стоитъ на мѣстѣ*).

ПОКЛОННИЦА 1-Я.

Ну что-нибудь! Все равно! Ну, пожалуйста!

ПОКЛОННИЦА 2-Я (*глядя въ землю*).

Важенъ автографъ...

АПОЛЛОНОВЪ.

Ну, напиши, когда просятъ дамы! Долго, что ли?..

ПОКЛОННИЦА 1-Я.

Какое-нибудь изреченіе. Вамъ ничего не стоитъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы полагаете, мадамъ, что такъ легко испускать эти изреченія?

АПОЛЛОНОВЪ (*къ Кронину*).

Чѣмъ свое плохое, напиши чужое да хорошее. Валяй: „Я тотъ, которому внимала ты въ полуночной тишинѣ“.

ПОКЛОННИЦА 2-Я (*къ первой*)

Это уже есть.

ПОКЛОННИЦА 1-Я (*второй*).

Все равно! Важенъ автографъ! (*къ Кронину*). Ну что-нибудь!.. (*Кронинъ садится къ столу, чешетъ затылокъ и, написавъ, отдаетъ альбомъ*). Мерси! (*всѣ встаютъ, прощаются и гуськомъ выходятъ изъ комнаты. Нѣкоторое время- молчаніе*).

КОЗЫРЕНКО

(*выглядывая изъ-за перегородки. Шопотомъ*).

Ну что жъ, исчезли? (*Аполлоновъ хохочетъ. Козыренко выходитъ*).

КРОНИНЪ (*къ Аполлонову*).

Тише! Услышатъ. Неловко.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Первыя ласточки... Погодите: надоѣстъ!.. На первыхъ порахъ, конечно, лестно, а потомъ...

КОЗЫРЕНКО

(*хлопая Кронина по плечу*).

Ничего. братъ, ничего! Это окрыляетъ. Одна, кажется, ничего себѣ, недурна. Я смотрѣлъ въ щелку, да Аполлоновъ все спину подставлялъ. Ну и далъ же вамъ Богъ спину! Отъ если бы и талантъ былъ такой же у васъ?!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Ничего не потеряли... Видѣть не могу этихъ особъ, Онѣ меня раздражаютъ...

АПОЛЛОНОВЪ (*къ Кронину*).

Не сердись, голубчикъ! Онѣ не слыхали... Придутъ опять... (*беретъ Кронина за талію*). Вотъ что, дружище мой единственный! Ты, вѣдь, у насъ огромнѣйшій талантъ... Дай мнѣ, пожалуйста, 50 цѣлковыхъ... Понимаешь: не могу безъ денегъ въ номера къ себѣ придти... Понимаешь: далъ честное слово, что сегодня заплачу... Я тебѣ скоро отдамъ. Ожидается кое-что...

КРОНИНЪ.

Пожалуйста! (*вынимаетъ и даетъ Аполлонову деньги*).

АПОЛЛОНОВЪ *(пряча деньги)*.

За мной не пропадетъ. Разъ я даю честное слово--кончено! Не получишь! *(хохочетъ)*. Нѣтъ, не шутя: въ пятницу отдамъ. Только имѣй въ виду — не въ эту пятницу, а въ слѣдующую.

СТРѢЛЬСКІЙ.

У модныхъ талантовъ всегда много денегъ. Фортуна стоитъ у нихъ за спиной и изъ рога изобилія сыплетъ имъ авансы, гонорары, построчныя...

АПОЛЛОНОВЪ.

И отлично! Пусть ее сыплетъ. Не намъ съ вами, такъ по крайней мѣрѣ друзьямъ нашимъ. Пусть только друзья не забываютъ: кому много дано, съ того много и спросится... *(напѣваетъ: „А затѣмъ, тѣмъ, тѣмъ, будешь мой совсѣмъ“)*. А затѣмъ, господа, до свиданія. Вечеромъ въ театрѣ увидимся. *(Беретъ шляпу; къ Козыренко)*. Такъ въ пятницу на той недѣлѣ! Или, въ крайнемъ случаѣ, въ понедѣльникъ.

КОЗЫРЕНКО.

А лучше всего — послѣ дождичка въ четвергъ... *(Смѣется. Аполлоновъ уходитъ. Пауза)*.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Когда же, Николай Григорьевичъ, вы соблаговолите прочитать мою комедію?

КРОНИНЪ.

Ей-Богу времени нѣтъ. Не даютъ; вы сами видите: я живу въ безпрерывной сутолокѣ, словно не выхожу изъ трактира съ музыкой... Для себя ничего не успѣваю сдѣлать. Шумъ, крикъ, споры... Я хочу уѣхать

куда-нибудь... (*пауза*). Два дѣйствія я все-таки прочиталъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Что же? Такъ скучно написано, что трудно было дочитать?

КРОНИНЪ.

Могу я говорить искренно?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Само собой разумѣется. Странный вопросъ...

КРОНИНЪ.

Я не критикъ. У насъ почему-то думаютъ, что разъ человѣкъ пишетъ, то можетъ и критикомъ быть. Но разъ вы настаиваете,—я буду говорить, какъ профанъ, но искренно. Не оригинально написано. Конечно, я прочиталъ только два первыхъ акта...

СТРѢЛЬСКІЙ (*кусая губы*).

Нѣтъ этого... „настроенія"? Въ этомъ отношеніи я—старовѣръ. Я пишу, Николай Григорьевичъ, для всѣхъ, а не для избраннаго меньшинства.

КРОНИНЪ.

Дѣло не въ настроеніи... А просто шаблонно очень написано.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я, вѣдь, и не считаю себя призваннымъ изрекать какія-нибудь „новыя слова"... Я полагалъ только... Впрочемъ, это къ дѣлу не относится. (*Подходитъ къ столу и свертываетъ свою рукопись въ трубочку*). Извините за обремененіе. Пока до свиданія! (*Прощается и уходитъ, хмурый и недовольный*).

КОЗЫРЕНКО (*тихо*).

Ну, братъ, тю-тю! обидѣлся онъ окончательно.

КРОНИНЪ.

Ни одного живого слова. Выходятъ два совершенно ненужныхъ въ комедіи человѣка и разсказываютъ публикѣ біографію героевъ. Одинъ спрашиваетъ: „развѣ вы раньше знали Марью Ивановну“, а другой: „какъ же! я зналъ ея родителей. Отецъ ея, такой-то, служилъ тогда-то, тамъ-то“ и т. д. Потомъ такимъ же образомъ—про мать, про сестру, про бабушку... (*Козыренко хохочетъ*). Дѣйствующія лица думаютъ вслухъ стройными періодами, совѣтуются съ публикой; любовникъ, конечно,—князь; есть неизбѣжный добродѣтельный резонеръ, наподобіе „хора“ въ греческой трагедіи. Все старо, трафаретно, пошло и надоѣло до приторности...

КОРРИДОРНЫЙ (*заглядывая въ дверь*).

Лепалтеръ желаютъ васъ видѣть!

КРОНИНЪ (*морщась*).

Ну что еще ему?.. Вѣдь я уже говорилъ съ нимъ!

КОРРИДОРНЫЙ.

Это — другой... Тотъ толстенькій, а это — худой съ, длинный. Изъ „Молвы“.

КОЗЫРЕНКО (*вставая съ дивана*).

А бодай вы сказылыся! Не дадутъ полежать...

КРОНИНЪ.

Проси!.. (*Корридорный уходитъ*).

УХОВЪ

(*входитъ и за нимъ протискивается въ дверь Господинъ*).

Сотрудникъ „Молвы—Уховъ!

КРОНИНЪ (*печально*).

Садитесь! (*Къ Господину*). Чѣмъ могу служить?

ГОСПОДИНЪ.

Я— по порученію общества „Милосердіе“. Правленіе возложило на меня пріятное порученіе просить васъ прочитать что-нибудь на нашемъ концертѣ.

КРОНИНЪ.

Къ сожалѣнію, я читаю очень скверно... и потому...

ГОСПОДИНЪ.

Это ничего не значитъ...

КРОНИНЪ.

У меня нѣтъ голоса, никто ничего не услышитъ... Я не умѣю...

ГОСПОДИНЪ.

Это не важно... Намъ необходимо ваше участіе, ваше имя... Всѣ будутъ очень рады посмотрѣть на васъ...

КОЗЫРЕНКО.

Да, звѣрь интересный!..

КРОНИНЪ.

Къ сожалѣнію, не могу. Совершенно не могу.

ГОСПОДИНЪ.

Это ваше окончательное слово? Я рѣшаюсь надоѣдать вамъ только потому, что общество „Милосердіе“

преслѣдуетъ гуманныя цѣли... Вы, какъ литераторъ, безъ сомнѣнія, сочувствуете этому...

КРОНИНЪ.

Во имя этой гуманности я и буду просить васъ освободить меня... Я лучше сдѣлаю денежное пожертвованіе. Вотъ возьмите, пожалуйста, и внесите *(роется въ бумажникѣ и достаетъ деньги).*

ГОСПОДИНЪ.

Приношу благодарность отъ общества... Ничего не подѣлаешь... А жаль, очень жаль!.. Ну, въ такомъ случаѣ, великодушно извините! *(раскланивается и уходитъ).*

КРОНИНЪ *(къ Ухову).*

Ну-съ, я къ вашимъ услугамъ!..

УХОВЪ.

Завтра мы даемъ читателямъ вашъ портретъ, и намъ было бы желательно присоединить къ нему вашъ біографическій очеркъ... *(вынимаетъ записную книжку).*

КРОНИНЪ.

Вы меня извините... Мнѣ положительно противно говорить о самомъ себѣ... Успѣется... Я еще долго проживу.

УХОВЪ *(съ улыбкой).*

Дай Богъ! Мы увѣрены. Но все-таки... Теперь публика такъ интересуется вами, уважаемый Николай Григорьевичъ, что всякая деталь, мелочь...

КРОНИНЪ.

Какъ все это теперь у насъ скоро! Написалъ человѣкъ одну порядочную вещь и... попалъ подъ надзоръ публики.

УХОВЪ.

Я, знаете, не вижу тутъ дурныхъ признаковъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, это яркій показатель роста нашего общественнаго самосознанія... Мы научились, наконецъ, цѣнить и дорожить своими талантами. *(Пауза).* Какъ же, Николай Григорьевичъ, насчетъ біографіи-то? а?

КОЗЫРЕНКО.

Ну, господа, а меня извините: я полежу... Самое удобное положеніе. (*Укладывается*). Есть такія игрушки— „Ваньки-встаньки" называются. Такъ я—„Ванька-невстанька". Отъ, если бъ можно было и картины писать лежа!.. Хорошо!

УХОВЪ.

Русскій человѣкъ, особенно талантливый, любитъ таки поспать. Николай Григорьевичъ! Такъ какъ же? Ничего не скажете?

КРОНИНЪ.

Иногда мнѣ кажется, что, написавъ свою драму, я совершилъ какое-то ужасное преступленіе, и вотъ теперь меня таскаютъ на допросъ къ слѣдователю...

УХОВЪ (*записывая*).

Мѣткое сравненіе. Эхъ, Николай Григорьевичъ! Теперь юморъ такая рѣдкая вещь. Мы разучились смѣяться. А между тѣмъ смѣхъ такъ же необходимъ, какъ и слезы... Вы меня извините, мы, маленькіе труженики печатнаго слова, иногда бываемъ *воленсъ-ноленсъ* назойливы... Разскажите, по крайней мѣрѣ, содержаніе вашей новой драмы.

КРОНИНЪ (*съ досадой*).

Нѣтъ, нѣтъ! Ничего нѣтъ. Такъ и напишите: ничего нѣтъ, никакой драмы!

КОЗЫРЕНКО.

Онъ ужъ лучше вамъ біографію разскажетъ.

УХОВЪ.

Да, я понимаю... Большинство писателей скрываютъ свой трудъ до тѣхъ поръ, пока онъ не оконченъ. Преждевременное оглашеніе, вѣроятно, расхолаживаетъ, отнимаетъ порывъ и любовь къ сюжету. *(Улыбаясь)*. Конечно, мое сравненіе будетъ нѣсколько рискованнымъ... Даже курица, когда она хочетъ снестись, прячется куда-нибудь подальше, ищетъ уединенія, и, вѣроятно, никому ничего не говоритъ... (*Козыренко хохочетъ*).

КРОНИНЪ.

Вотъ видите: какъ хорошо вы понимаете психологію курицы. Отчего же мою-то психологію?..

КОЗЫРЕНКО.

Погодите: вотъ онъ снесется и заквохчетъ. Тогда квохчите и вы! (*Хохочетъ*).

УХОВЪ.

Читали сегодняшній фельетонъ „Молвы"? Посвященъ вашей драмѣ. Ее называютъ жемчужиной современнаго репертуара. (*Вынимаетъ изъ бокового кармана номеръ газеты*). Не угодно ли?

КОЗЫРЕНКО.

А позвольте-ка мнѣ! Надо посмотрѣть, какъ тутъ квохчутъ?.. (*беретъ газету и читаетъ*). Ге-ге-ге! Однимъ словомъ—геній!

УХОВЪ (*поднявшись съ кресла*).

Больше не смѣю задерживать... Всякихъ благъ,

успѣха! Съ нетерпѣніемъ ждемъ вашу новую драму... (*Прощается и уходитъ*).

КРОНИНЪ (*ходя*).

И такъ каждый день. Приходятъ, спрашиваютъ, что̀ я хотѣлъ сказать своей драмой и чего не хотѣлъ. Открываютъ въ ней такіе горизонты, о которыхъ у меня не было и въ помышленіи, гладятъ меня по головкѣ. Эхъ! Та же пятерка изъ латинскаго. А у меня ничего не выходитъ. Мнѣ мѣшаютъ остаться самому съ собой... И я боюсь...

КОЗЫРЕНКО.

А ты бъ хотѣлъ, какъ я—на диванѣ, лежать подъ лаврами славы, и подъ звуки сладкозвучныхъ арфъ упиваться молчаливымъ обожаніемъ?.. Ничего не подѣлаешь, такъ ужъ теперь люди устроены: гдѣ слава, тамъ шумъ, крикъ, точно гвалтъ на базарѣ.

КРОНИНЪ.

Шумъ, крикъ... Да, братъ, это ядъ, на первыхъ порахъ кружащій голову и рождающій очаровательныя сновидѣнія. Но отъ него устаешь. Хочется отдохнуть, сдѣлаться никому неизвѣстнымъ, остаться одинъ-на-одинъ съ самимъ собою. (*Пауза*). Лѣтомъ куда-нибудь уѣду... Буду валяться на травѣ... смотрѣть на небо, слушать, какъ шумитъ лѣсъ и поютъ птицы... Хорошо!

КОЗЫРЕНКО (*задумчиво*).

Хорошо! А у насъ на Днѣпрѣ... (*Обрывая*). Ну что жъ? Кончишь работу, отдохнуть будетъ можно... И, навѣрно, драма выйдетъ такая хорошая, что смѣло можно будетъ въ небо-то смотрѣть.

КРОНИНЪ.

Не знаю... Пока совершенно не ладится... Никакъ не могу войти въ свою колею. Все это случилось какъ-то странно, неожиданно, почти невѣроятно... Жилъ до 30 лѣтъ и никто тебя не замѣчалъ, а потомъ... вдругъ... Эта драма перевернула вверхъ ногами всю мою жизнь... Знаешь: иногда мнѣ дѣлается жутко.

КОЗЫРЕНКО.

Ну ужъ вотъ этого я не понимаю. Ежли ты труса правишь, такъ что же намъ-то остается дѣлать, неизвѣстнымъ?

КРОНИНЪ.

Однажды мы бродили по южному берегу Крыма и взобрались на Ай-Петри. Вѣтеръ срывалъ шляпу, рвалъ одежду, точно хотѣлъ насъ сдунуть. А день былъ солнечный,—и въ море словно кто-то налилъ разноцвѣтныхъ чернилъ. Я таки доползъ до самаго края. Тамъ, на скалѣ,—безчисленное множество именъ, фамилій, надписей: это неизвѣстные люди хотѣли обезсмертить свое существованіе. Видъ былъ отсюда удивительный! Перспективы — безконечны! Я смотрѣлъ и мнѣ казалось, что за спиной выростаютъ крылья. Вотъ взмахну ими и полечу, куда хочется...

КОЗЫРЕНКО.

Туда, конечно, гдѣ насъ нѣтъ?

КРОНИНЪ.

Но когда я опускалъ глаза внизъ, то весь наполнялся однимъ только ужасомъ. Никакихъ крыльевъ тогда не ощущалъ и ясно сознавалъ, что одно неосторожное движеніе—и стремглавъ полетишь внизъ и разобьешься, какъ стеклянная кукла... (*Пауза*). И теперь я испытываю то же, что тогда, когда смотрѣлъ внизъ...

КОЗЫРЕНКО.

Э-э! Не трусь! вѣрь въ себя! Жарь своей дорогой! (*Пауза; вздыхаетъ*). А у меня, братъ, все не ладится. Опять все вспахалъ, взборонилъ и снова началъ сѣять. Все смазалъ. Шаблонъ проклятый мѣшаетъ. Будто кто-то въ самую душу намъ, какъ осиновый колъ, его заколачиваетъ...

КРОНИНЪ.

Это самый страшный врагъ дарованія... Вотъ поэтому-то я и разлюбилъ свою драму: мѣстами въ ней прямо торчитъ „чужой аршинъ". И я удивляюсь, какъ его никто не замѣчаетъ.

КОЗЫРЕНКО.

Привычка! Подлая это штука, все она портитъ: и въ жизни, и въ искусствѣ... (*Пауза*). А хотѣлъ бы я побыть въ твоей шкурѣ хоть одинъ только день. Умереть неизвѣстнымъ—это меня, братъ, бѣситъ. Издохнешь и все равно, что тараканъ. Чортъ его знаетъ, прямо возмутительно! Счастливый ты, братъ, человѣкъ. Не думай все-таки, что я тебѣ завидую... Нѣтъ, я радъ. Я тебя люблю. (*Пауза*). А вотъ, знаешь, въ чемъ я тебѣ завидую?

КРОНИНЪ.

Въ чемъ же? Интересно.

КОЗЫРЕНКО.

Тебя любитъ Вѣра Николаевна. Только эту долю счастья я хотѣлъ бы у тебя отнять... Но она любитъ больше твой талантъ, чѣмъ тебя, а потому не отнимешь... Да-а! Якъ ни кинь, а все жъ клинъ... Интересный она человѣкъ и главное ни на кого не похожа. Даже и пороки,—и тѣ у ней свои собственные! (*Пауза*).

Любопытная женщина... Не то тургеневская Ася, не то Офелія послѣ того, какъ въ умѣ тронулась... И злая же!.. Языкъ, какъ жало... А люблю я такихъ... Это, братъ, природа въ чистомъ видѣ... А то теперь, чортъ ихъ знаетъ, все больше поддѣлка... Она тебѣ нравится?

КРОНИНЪ.

Не... знаю... И ты, кажется, интервьюируешь?

КОЗЫРЕНКО.

Нѣтъ. А мнѣ показалось, что между вами на первой же репетиціи пробѣжала эта особая электрическая искорка. Какъ она на тебя вчера смотрѣла! Эхъ! Я наблюдалъ издали и чувствовалъ себя сиротой... Не смущайся: я никогда не напишу такой драмы. Мнѣ нечѣмъ побѣдить эту интересную женщину... Я ее зналъ дѣвочкой: шустрая была. И теперь я люблю представлять ее въ легкомъ, свѣтломъ платьѣ и въ соломенной шляпкѣ съ голубой ленточкой. (*Мечтательно*). Съ ленточкой... Она мнѣ представляется какой-то бархатной. Знаешь: есть такой цвѣтокъ... „Анютины глазки"... Какъ сейчасъ вижу: идетъ она по межѣ, межъ колыхающихся стѣнъ ржи и безпечно поетъ... У ней удивительно мелодичный голосъ. Бархатный. Отъ бы ей поучиться пѣнію!..

КРОНИНЪ.

Она училась, но бросила. Кто-то назвалъ ея голосъ „домашнимъ", и она потеряла охоту. А теперь и сцену хочетъ бросить: убѣдилась, что крупной артистки изъ нея никогда не выйдетъ...

КОЗЫРЕНКО.

Такъ у нея жъ самолюбіе дьявольское! И почему-то все это ей прощаешь...

КРОНИНЪ.

Ты самъ-то, кажется, таешь... Вотъ что...

КОЗЫРЕНКО.

Ну отъ еще! Такъ... Я ее зналъ дѣвочкой. Далекое эхо юныхъ дней... Теперь меня нечего въ счетъ класть. Вотъ ты — другое дѣло. У тебя — перспективы, у тебя выростаютъ крылья, и судьба сулитъ тебѣ много розъ. (*Грустно тянетъ*). „У сусіда хата била, у сусіда жінка мила“... Тьфу ты! кажется, я поддался подлому чувству зависти, сталъ скулить, якъ то щеня. Прощай, Николай! (*поднимается съ дивана*). Кланяйся отъ меня Вѣрѣ Николаевнѣ. Скажи ей, что она похожа на „Анютины глазки“... (*Беретъ тляпу. Стукъ въ дверь и мелодичный голосъ: „можно войти?“*).

КРОНИНЪ

(*подбѣгая и растворяя дверь*).

Я васъ жду... давно жду. Здравствуйте!..

КОЗЫРЕНКО

(*здоровается съ Вѣрой*).

И прощивайте. Мині до хаты треба поспишàты. (*Уходитъ*).

ВѢРА.

Ну, здравствуйте еще разъ! Я вамъ не помѣшала? (*Садится у окна*). Что вы такъ странно на меня смотрите?

КРОНИНЪ.

Я смотрю на васъ и провѣряю сравненіе... Козыренко сейчасъ только сравнивалъ васъ...

ВѢРА.

Съ чѣмъ или съ кѣмъ? Ну-ка! Если обидно, лучше не говорите: я люблю, чтобы меня или ужъ ругали

самымъ отчаяннымъ образомъ, или чтобы хвалили, очень хвалили! Больше, чѣмъ я заслуживаю.

КРОНИНЪ.

Онъ сравнивалъ васъ съ „Анютиными глазками“.

ВѢРА.

У-у!.. Мелко и сѣро... Ужъ лучше бы—съ чертополохомъ. Я вамъ не помѣшала? Нѣтъ? Какъ я рада! вижу по глазамъ, что не помѣшала... Пишете? Кончили новую драму? Я вѣрю въ васъ. Въ себя я уже не вѣрю: ничего у меня нѣтъ, пусто. А въ васъ вѣрю...

КРОНИНЪ.

Я боюсь, Вѣра Николаевна, что когда-нибудь отниму у васъ эту вѣру... Я самъ не крѣпко вѣрю въ себя...

ВѢРА.

Глупости!.. Написать такую драму и сомнѣваться! Да какъ вамъ не стыдно? Вы—орелъ. Вы только еще хотите сняться съ горныхъ высотъ и расправляете свои крылья. И когда-нибудь мы это увидимъ, непремѣнно увидимъ... Я думаю даже, что очень скоро... Ахъ, какъ хорошо бы полетать высоко-высоко! Нѣтъ... Я буду стоять внизу и смотрѣть вверхъ, на васъ... И буду радоваться вашему счастью, потому что свое не удалось... Вы позволите?

КРОНИНЪ.

Зачѣмъ такъ печально рисовать свою будущность? Не надо, Вѣра Николаевна. Вы еще такъ молоды и... и такъ обворожительно хороши...

ВѢРА (*оправляя прическу*).

Вотъ какъ? Давно ли? (*большая пауза. Минорнымъ тономъ*). Нѣтъ. Я поставила крестъ. Теперь не жду.

Мнѣ только 22 года, но иногда мнѣ кажется, что я прожила уже все интересное... Когда-то жизнь представлялась яркой, свѣтлой, а теперь... точно солнышко зашло, сѣло... *(встаетъ, ходитъ, машинально беретъ брошенный на диванъ Козыренкой номеръ „Молвы“ и пробѣгаетъ равнодушнымъ взоромъ)*. Да тутъ про васъ?

КРОНИНЪ (*вырывая газету*).

Бросьте! Не стоитъ...

ВѢРА.

Отдайте! Ну, отдайте же! Я хочу знать, что написано про васъ. Не дадите? Николай Григорьевичъ?

КРОНИНЪ (*отдавая газету*).

Да возьмите... Но, право же, мнѣ неловко. Если вы будете читать при мнѣ про меня же, то я буду чувствовать себя такъ, словно меня разсматриваютъ съ головы до ногъ. (*Становится вблизи ея*).

ВѢРА.

Вотъ скромница! (*Садится у окна и читаетъ*). Если бы про меня написали, я, пожалуй, сама давала бы всѣмъ читать. Я скверная, тщеславная... (*читаетъ*). Гм. Вѣрно! Я согласна... Именно „жемчужина“! (*Читаетъ*). Какъ? Новая драма? А вы отъ меня скрываете? Не ожидала. А я думала, что...

КРОНИНЪ.

Увѣряю васъ, что я не написалъ еще новой драмы... Такъ,—замѣтки, клочки, наброски... Вообще рано еще о ней говорить...

ВѢРА.

Да бросьте вы это скромничанье! Оно къ вамъ не идетъ. Господи! Какъ любятъ всѣ знаменитости поломаться надъ нами, такими простенькими и маленькими! (*Пауза*). Николай Григорьевичъ! Прочитайте мнѣ вашу

новую драму! а? Голубчикъ!.. Чуть-чуть не сказала: „мой милый“...

КРОНИНЪ (*съ тоской*).

Ну право же, моя хорошая, у меня нѣтъ никакой драмы!

ВѢРА (*обиженно*).

А я думала... Впрочемъ, ничего... Не надо. Творчество ревниво. Тутъ мы совершенно одиноки... (*закрываетъ лицо газетой*). Ну, все равно. Не надо. Ничего не надо...

КРОНИНЪ

(*склоняясь ниже надъ Вѣрой*).

Вѣра! Вы плачете? о чемъ? Вѣра! (*слегка касается рукой ея головы*). Ну, о чемъ, моя хорошая, чуткая...

ВѢРА

(*вскакивая и обвивая шею Кронина руками*).

Люблю тебя! люблю! безумно люблю! Ревную тебя ко всѣмъ... Къ театру, къ актрисамъ, къ твоей драмѣ... Понялъ? Ты понялъ меня? Слушай! (*раздается стукъ въ дверь; они вздрагиваютъ и разрываются. Кронинъ, шатаясь, какъ пьяный, идетъ къ двери*).

КРОНИНЪ.

Кто? Нельзя!

КОРРИДОРНЫЙ (*чрезъ дверь*).

Тамъ опять двѣ барышни пришли...

КРОНИНЪ.

Нельзя! Надоѣли... Пусть убираются... (*подходитъ къ двери и запираетъ ее на ключъ*) къ чорту!.. (*Вѣра смотритъ на него съ гордостью, торжествомъ и вдругъ разливается веселымъ мелодичнымъ хохотомъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Квартира Крониныхъ: кабинетъ и гостиная вмѣстѣ, отсюда—арка въ столовую; изъ столовой три двери: направо—въ кухню, налѣво—въ спальню, прямо—въ корридоръ и переднюю. Вечеръ. Въ столовой горитъ висящая лампа. приготовленъ вечерній чай. Кронинъ сидитъ за письменнымъ столомъ, облокотясь и глубоко задумавшись; здѣсь—полутьма. Слышенъ далекій электрическій звонокъ. Арина выходитъ изъ кухни и бѣжитъ отпирать дверь. Доносится разговоръ Вѣры съ Ариной, затѣмъ Арина пробѣгаетъ въ кухню, а Вѣра идетъ черезъ столовую въ гостиную и кабинетъ.

ВѢРА

(входя въ гостиную въ шляпкѣ и перчаткахъ).

Какой сегодня былъ вечеръ! Золотой и багровый. Словно улетѣвшее лѣто оглядывалось и улыбалось на прощанье. А все-таки свѣжо. Подъ ногами хрупаетъ первый ледокъ. Хорошо! (*притопывая ногами, подходитъ къ Кронину*). Здравствуй! (*цѣлуетъ его*). Бодрость этакая чувствуется... Хочется жить, любить, быть счастливой и вѣрить, что ты напишешь отличную драму!

КРОНИНЪ (*улыбаясь*).

Слава Богу, что вѣрится...

ВѢРА.

Я гуляла по набережной и вдругъ почувствовала, что тоже могу написать хорошую повѣсть. (*Снимаетъ перчатки, смотритъ на Кронина и печально качаетъ головой*). Почему ты опять такой хмурый, недовольный?.. Ты, вѣрно, все еще на меня сердишься? а?

КРОНИНЪ.

Нѣтъ... нѣтъ...

ВѢРА.

Тебѣ опять не писалось? а? Почему въ гостиной темно? (*идетъ къ кухнѣ*) Арина Васильевна! (*отворяетъ дверь въ кухню*). Опять спитъ? И во что вы только

почиваете? Прямо удивительно! Однимъ глазкомъ? (*смѣется*). Зажги лампу въ гостиной! (*Кронинъ встаетъ, ходитъ по гостиной и, ставъ у окна, бунчитъ. Вѣра издали*). Не бунчи ты, ради Христа! Тоска нападаетъ и хочется плакать...

КРОНИНЪ.

Сейчасъ здѣсь былъ Василій... Пристаетъ съ деньгами.

ВѢРА.

Заложу завтра мамины часы и отошлю... Не грусти, не стоитъ.

АРИНА

(*идетъ, зажигаетъ лампы*).

Только маленько однимъ глазкомъ вздремнула... Все ждала тебя, Вѣра Николавна, а тутъ прикурнула и въ одну минуту сонъ увидала... Быдто ты вся въ бѣломъ... Нехорошо это.. (*Уходитъ*).

ВѢРА.

Встрѣтила Стрѣльскаго... У-у, гадина! Такъ бы я его и раздавила!

КРОНИНЪ.

Откуда въ тебѣ столько злости? Какъ это некрасиво...

ВѢРА.

Смотритъ насмѣшливо и спрашиваетъ, скоро ли появится „новая драма съ настроеніемъ". Онъ все еще не можетъ простить тебѣ твоей извѣстности, успѣха первой драмы и... наслаждается проваломъ второй... У-у, гадина!

КРОНИНЪ.

Ну и пусть его! Что тебѣ? (*Садится за столъ*).

ВѢРА.

Я, знаешь, посмотрѣла на него вотъ такъ (*щуритъ глаза*) и говорю: „не безпокойтесь, появится и, надѣюсь, не хуже вашихъ „Крокодиловыхъ слезъ“...

КРОНИНЪ.

Ну зачѣмъ ты приплела эти „Крокодиловы слезы“?

ВѢРА.

А чтобы не иронизировалъ... Всякая шваль, бездарность будетъ говорить со мной такимъ тономъ!.. (*Пауза*). Тебѣ, голубчикъ, надо поскорѣе кончить твою новую драму. Поработай! Потрудись! Надо всѣмъ имъ доказать, что иронизировать рано. Пусть увидятъ, какіе они всѣ маленькіе и ничтожные въ сравненіи съ тобой...

КРОНИНЪ (*грустно улыбаясь*).

У меня, Вѣра, нѣтъ никакого желанія воевать съ этими людьми.

ВѢРА.

Но вѣдь обидно, когда всѣ эти ничтожества позволяютъ себѣ... Неужели ты этого не испытываешь? Мнѣ больно за тебя. Меня удивляетъ твое олимпійское спокойствіе. Его третируютъ, надъ нимъ глумятся, потѣшаются...

КРОНИНЪ.

И пусть! Потомъ увидимъ...

ВѢРА.

Увидимъ! Сняли ужъ съ репертуара одну вещь...

КРОНИНЪ.

Кто побѣжденъ силой, тотъ побѣжденъ только наполовину.

ВѢРА (*съ досадой*).

Ахъ, оставь ты, пожалуйста, эти платоническія утѣшенія! Точно юноша въ семнадцать лѣтъ!.. Дожидайся! А покуда будемъ вещи закладывать... Одна пьеса провалилась, теперь...

КРОНИНЪ.

Ты говоришь объ этомъ провалѣ такимъ тономъ, словно ты рада?

ВѢРА (*съ напускной радостью*).

Рада! Ужъ лучше снять, чѣмъ ставить при пустомъ зрительномъ залѣ, а потомъ читать, какъ глумятся надъ тобою разные Стрѣльскіе и Уховы.

(*Арина подаетъ самоваръ и идетъ въ гостиную*).

АРИНА.

Подала я, Вѣра Николавна, самоваръ-то!.. Подала, говорю!

ВѢРА.

Ахъ, убирайся ты отъ меня, пожалуйста! (*Арина уходитъ. Вѣра идетъ къ самовару*). Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! (*Кронинъ ходитъ и бунчитъ*). Да не бунчи ты, ради Христа! Или я сейчасъ заплачу... (*Кронинъ рѣшительно идетъ къ письменному столу, беретъ книгу, пробуетъ читать и, отбросивъ книгу, снова о чемъ-то думаетъ. Вѣра тихо идетъ въ гостиную*). Коля! ты разсердился на меня?

КРОНИНЪ.

Ну что тебѣ еще?

ВѢРА (*приблизившись*).

Не сердись на меня, голубчикъ! Не будемъ ссориться... Я тебя все раздражаю. Прости меня! Поцѣлуй разочекъ! (*Наклоняется*).

КРОНИНЪ (*устало*).

Смотрю я на тебя, Вѣра, и... удивляюсь...

ВѢРА (*со страхомъ*).

Почему? Почему же, голубчикъ? а?

КРОНИНЪ (*вздохнувъ*).

Точно подмѣнилъ кто-то тебя...

ВѢРА.

Не сердись! Не говори такъ! Я все такая же, какъ была. Мнѣ просто досадно, обидно за тебя. Мнѣ хочется, чтобы ты скорѣе написалъ драму... (*Смотритъ на столъ*). А ты тутъ домики какіе-то рисуешь...

КРОНИНЪ.

Да! Пѣтушковъ и домики...

ВѢРА.

Тебѣ не пишется? (*Наклоняется надъ столомъ*).

КРОНИНЪ.

Не пишется... Пѣтушки... домики... вотъ дымъ идетъ изъ трубы, а это собачка бѣжитъ... Поняла?

ВѢРА.

Говорятъ, „Крокодиловы-то слезы“ приняты! Слышалъ? Стрѣльскій торжествуетъ...

КРОНИНЪ.

Ну вотъ и отлично. Очень радъ.

ВѢРА.

Скоро, говорятъ, будетъ ставиться. Удивительно!

КРОНИНЪ.

Ну вотъ и ходи на „Крокодиловы слезы“. Ходи и наслаждайся!

ВѢРА.

Зачѣмъ этотъ тонъ? Оставь его, голубчикъ! Тебѣ не пишется? Ну, наплевать, голубчикъ! Напишешь еще... Отличную драму напишешь! Не хуже первой.

АРИНА

(*входитъ на цыпочкахъ въ гостиную*).

Сочиняютъ они, что ли?.. (*заглядывая*). Простынетъ самоваръ-то!

ВѢРА.

Убирайся вонъ, дура! (*Арина, махнувъ рукой, уходитъ, въ столовой она беретъ самоваръ, продуваетъ его и ставитъ снова на столъ; затѣмъ уходитъ*). Пришла не во-время, какъ тогда поклонницы... (*ласкается*). Помнишь? Ты все хмуришься... Ты уже не любишь меня, какъ прежде... Раньше ты не могъ писать, если я не сидѣла у твоего стола... А теперь... (*Кронинъ вяло принимаетъ ласки*). Теперь ты сталъ запирать свою работу въ столъ.

КРОНИНЪ.

Творчество, Вѣра, ревниво. Раньше ты это понимала... Оно замыкается въ самомъ себѣ, когда видитъ, что...

ВѢРА (*съ тоской*).

Ну что? Что̀ видитъ? Я все такая же, какъ раньше. Неужели я стала чужой?

КРОНИНЪ (*отдуваясь*).

Разныя точки зрѣнія, разныя требованія... Впрочемъ, все это пустяки, не стоитъ объ этомъ говорить. А вотъ

голова у меня болитъ,—это скверно. Опять начинается мигрень... Пропадетъ цѣлый вечеръ...

ВѢРА.

Ты очень много думаешь и безпокоишься... Ты боишься, что новая драма опять тебѣ не удастся? да? Скажи!

КРОНИНЪ.

Нѣтъ, я боюсь, что она удастся...

ВѢРА

(*отходитъ и садится на диванъ*).

Ты меня не любишь... Ты меня поминутно оскорбляешь... Ты меня высмѣиваешь, подчеркиваешь, что я... глупая (*съ дрожью въ голосѣ*). Ну, что же дѣлать? Чѣмъ поминутно оскорблять, лучше скажи прямо: „я тебя не люблю, ты мнѣ надоѣла, мѣшаешь“...

КРОНИНЪ (*ходитъ*).

Ты была такая чуткая... Ты съ полуслова понимала меня... Теперь... (*Вѣра закрываетъ глаза платкомъ, потомъ сразу вскакиваетъ и быстро оставляетъ Кронина, скрывшись въ своей комнатѣ. Кронинъ ходитъ, бунчитъ, потомъ идетъ къ кухнѣ и, отворивъ дверь*). Запри за мной! (*Выскакиваетъ Арина, они идутъ къ передней. Вѣра, пріотворивъ дверь своей комнаты, грустно смотритъ имъ вслѣдъ. Арина возвращается*).

ВѢРА (*выходя въ столовую*).

Николай ушелъ?

АРИНА.

Ушелъ... Головой мается... Привязалъ бы капустки холодной.

ВѢРА.

Ничего не сказалъ?

АРИНА.

Запри, говоритъ, и больше ничего... (*Арина уходитъ. Вѣра садится къ столу, спиной къ публикѣ, и можно догадаться, что она плачетъ. Звонокъ. Арина вскакиваетъ и бѣжитъ. Возвращаясь черезъ столовую, Арина докладываетъ*). Актеръ! Я ему сказала, что барина дома нѣтъ,— оставилъ безъ вниманія: лѣзетъ, я, говоритъ, подожду...

ВѢРА (*уходя въ спальню*).

Я нездорова... Не выйду... (*Арина идетъ въ переднюю и возвращается съ Аполлоновымъ*).

АРИНА.

Не можется ей... Говорила я тебѣ, что никого не увидишь...

АПОЛЛОНОВЪ.

Одинъ посижу... (*Бросаетъ шляпу на столъ*).

АРИНА.

Соскучишься... (*Стоитъ у кухонной двери*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Съ самоваромъ буду разговаривать... (*Подходитъ къ столу и наливаетъ себѣ чаю*). А масла сливочнаго не полагается?

АРИНА.

Больно ты, погляжу, прыткій!.. (*Уходитъ въ кухню, Аполлоновъ пьетъ чай, посвистываетъ, подходитъ къ буфету и заглядываетъ туда*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Пахнетъ отлично. (*Затворяетъ буфетъ, идетъ къ кухнѣ и, растворивъ дверь, зоветъ*). Арина, мать солдатская! (*Голосъ Арины: „Что тебѣ нужно?“*). Поди-ка сюда на пару словъ!

АРИНА (*выходитъ*).

Что я тебѣ понадобилась?

АПОЛЛОНОВЪ.

Ссуди, мать, два цѣлковыхъ до завтра!

АРИНА.

Гдѣ я тебѣ возьму? Нѣтъ у меня.

АПОЛЛОНОВЪ.

Ей-Богу до завтра! Завтра отдамъ. Подойди поближе... не бойся, не укушу...

АРИНА.

Я стою, какъ слѣдуетъ. Я тебя знаю: къ тебѣ нельзя близко подходить...

АПОЛЛОНОВЪ

(*манитъ ее и вполголоса поетъ*).

Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края.

АРИНА.

А ты не озоруй,—вотъ что! А то, вѣдь, я и барынѣ скажу.

АПОЛЛОНОВЪ (*тише*).

И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя...

АРИНА.

Много васъ этакихъ!.. Выпилъ лишняго, вотъ и озоруешь.

АПОЛЛОНОВЪ.

Въ такомъ случаѣ—запри дверь... Ухожу отъ васъ я въ горы, на невѣдомый гранитъ!..

АРИНА (*не двигаясь съ мѣста*).

Иди! Я послѣ запру.

АПОЛЛОНОВЪ (*въ дверяхъ*).

Вчера я оставилъ у васъ калоши...

АРИНА.

Никакихъ калошъ ты не оставлялъ... У тебя ихъ и не было... Иди съ Богомъ!.. (*Аполлоновъ уходитъ; Арина, немного помедливъ, идетъ запереть дверь, и возвратившись подходитъ къ дверямъ спальной*). Барыня! Ушелъ онъ. (*Вѣра выходитъ въ столовую и садится къ столу*). Ну, и охальникъ! Этакихъ охальниковъ поискать! (*Звонокъ*). Опять звонятъ! (*Идетъ отпирать и, возвращаясь, докладываетъ*). Этотъ... какъ его, чтобъ ему пусто было... Лохматый-то! (*Уходитъ въ кухню. Вѣра вскакиваетъ*).

ВѢРА.

Дмитрій Константиновичъ! Я сейчасъ. Идите! (*Отирая слезы, скрывается въ своей комнатѣ*).

КОЗЫРЕНКО

(*проходя въ гостиную*).

Вѣра Николаевна! Да вы не стѣсняйтесь. Свой человѣкъ...

ВѢРА (*выходя въ столовую*).

Идите сюда. (*Козыренко идетъ въ столовую, здоровается*). Хотите чаю?

КОЗЫРЕНКО.

Что у васъ губки-то оттопырились? (*Усаживается*).

ВѢРА.

Я вамъ наливаю...

КОЗЫРЕНКО.

Четыре раза сегодня пилъ чай, одинъ разъ — кофе и одинъ разъ—какао. А все-таки съ вами выпью... Что это Николай, какъ чорна хмара?

ВѢРА.

Опять мигрень у него... Вы его встрѣтили?

КОЗЫРЕНКО.

Та встрѣтилъ!.. Я думалъ, что онъ укуситъ меня.

ВѢРА.

У него ужасные мигрени. Они мѣшаютъ ему писать. И вообще онъ усталъ, изнервничался, сталъ злой... Ему надо отдохнуть. Хотите варенья? (*подвигаетъ вазу съ вареньемъ*). Оба мы устали...

КОЗЫРЕНКО.

Эге-ге-ге!

ВѢРА.

Лѣтомъ куда-нибудь скроемся, исчезнемъ...

КОЗЫРЕНКО.

И даже мнѣ не скажете? Найду. Та въ газетахъ напечатаютъ, что пріѣхали господа Кронины... И я сейчасъ же къ вамъ...

ВѢРА.

Ему надо лѣчиться отъ мигрени.

КОЗЫРЕНКО.

На землѣ нѣтъ полнаго счастья. Ужъ чего бы, кажется: успѣхъ, гонорары...

ВѢРА.

Насчетъ гонораровъ теперь не особенно, да и успѣхъ... Читали, какъ его Уховъ въ „Молвѣ“ отдѣлалъ? За „Миражъ“?

КОЗЫРЕНКО.

Ну что такое Уховъ? Что онъ, этотъ Уховъ, понимаетъ? Чудная драма... Не умѣютъ и не хотятъ играть... (*Пауза*). Такъ отъ проклятый мигрень! Не даетъ писать и мѣшаетъ любить. Гм!.. Какъ оно плохо на свѣтѣ устроено. Слава, успѣхъ, тутъ же жинка, мовъ зиронька ясна, и вдругъ пришелъ тотъ мигрень и мѣшаетъ... А у меня вотъ никакихъ мигреней не бываетъ, голова всегда свѣжая, якъ вилокъ капусты въ огородѣ. (*Вѣра смѣется*). А славы, гонораровъ и любви нема... Гм... Недавно я уснулъ и вижу во снѣ, будто женатъ... на васъ, Вѣра Николаевна. Ге! Отъ чортъ его знаетъ, какъ я былъ доволенъ! И руґался жъ я, когда меня разбудили...

ВѢРА (*печально*).

Во снѣ, должно быть, все это интереснѣе, чѣмъ наяву... Хотите булки?

КОЗЫРЕНКО.

Я постарался опять заснуть, но уже больше не видалъ, не женился... Это напоминаетъ того хохла, ко-

торый увидалъ во снѣ кашу, та ложки не было, а когда положилъ подъ подушку ложку, то уже ему каша больше не снилась...

ВѢРА (*подавая стаканъ*).

Очевидно, подъ кашей вы разумѣете и меня, и мою любовь... Это очень лестно...

КОЗЫРЕНКО.

Такъ изъ пѣсни жъ слова не выкинешь, Вѣра Николаевна! Вы ужъ не гнѣвайтесь, голубонька. И это всегда такъ: хочешь комплиментъ состряпать, а оно выходитъ совсѣмъ нескладно... (*Пауза*). Не кончили акварель-то?

ВѢРА.

Бросила. Надоѣло...

КОЗЫРЕНКО.

Э-э... лѣнивая!.. Жалко... А искорка у васъ есть...

ВѢРА.

Ну и пусть ее мигаетъ. Скучно...

КОЗЫРЕНКО.

А позвольте васъ, сударыня, спросить: почему это вы прекратили позировать-то? Я только было размахнулся, а вы—стопъ! Тоже надоѣло?

ВѢРА (*съ гордостью*).

Некогда.

КОЗЫРЕНКО.

Ого! А що робыте?

ВѢРА.

Когда меня нѣтъ, то у Николая не пишется. Онъ любитъ, чтобы я была близко.

КОЗЫРЕНКО (*декламируетъ*).

Заботы, грусть и радость пополамъ,
Все ты, все—я, и нѣтъ разлуки намъ.

Такъ что ли? (*Вздыхаетъ и пристально смотритъ на Вѣру*).

ВѢРА.

Онъ любитъ чувствовать, что я тутъ, недалеко... Любитъ, чтобы вдали звучалъ мой голосъ и раздавались мои шаги...

КОЗЫРЕНКО.

Такъ вотъ оно что! Однимъ словомъ: вдохновительница! Воображаю, какую онъ при столь благопріятныхъ условіяхъ напишетъ драмищу. Только вотъ оно что...

ВѢРА.

Что?

КОЗЫРЕНКО.

Сперва вы сказали: любитъ, чтобы вы были близко, потомъ, чтобы недалеко, а ужъ въ концѣ концовъ— чтобы вашъ голосъ звучалъ гдѣ-то тамъ, вдали...

ВѢРА.

А ну васъ тутъ! Не хочу съ вами разговаривать.

КОЗЫРЕНКО.

Ну, ну! Не буду. Никогда не буду. Можно вдохновлять и на разстояніи, это то же, что гипнозъ. Еще

больше надо имѣть силы медіумической. Рядышкомъ всякій можетъ вдохновить, а вотъ на разстояніи... А все-таки нехорошо, что вы не дали мнѣ дописать вашъ портретъ... Нехорошо. Я ужъ сталъ читать ваши глаза. Хорошіе глаза! „Бривки ривны, якъ шнурочекъ, очи“...

ВѢРА.

Зачѣмъ вамъ мой портретъ? Быть можетъ, я вовсе не хочу, чтобы вы его имѣли...

КОЗЫРЕНКО.

Отъ тебѣ разъ! А воспоминанія? Помните, когда мы были маленькіе и хорошенькіе, мы вмѣстѣ мечтали о славѣ... Тогда вы были безнадежно влюблены въ меня, а я все вертѣлся около Манички... Помните: дочка у волостного писаря была? Глупая? Мордàтая такая? Помните?

ВѢРА.

Воображаете... Никогда я въ васъ влюблена не была... даже и тогда, когда была маленькая...

КОЗЫРЕНКО.

Нѣтъ, таки по правдѣ, нехорошо это, Вѣра Николаевна, что вы не хотите позировать. Дѣло, голубонька, не въ томъ, зачѣмъ портретъ... У Эдгарда По есть такая повѣсть: художникъ безумно влюбленъ въ одну чудную дѣвушку...

ВѢРА.

Послушайте, Козыренко! Вы все-таки помните наше условіе: мы только—друзья. А поэтому, пожалуйста...

КОЗЫРЕНКО (*вздыхая*).

Тылько, тылько! Отъ-тожъ воно и горе! Такъ не хотите, чтобы я разсказалъ вамъ повѣсть Эдгарда По?

ВѢРА.

Сами навѣрно сочинили. Разсказывайте!

КОЗЫРЕНКО.

Жилъ себѣ художникъ на свѣтѣ. Онъ безумно любилъ дѣвушку и очень хотѣлъ передать ея лицо на полотно... Ахъ, да! Забылъ сказать самое главное: она тоже его любила. И тоже безумно. Однимъ словомъ— оба были какъ бы сумасшедшіе...

АРИНА

(*пріотворивъ дверь изъ кухни*).

За дрова деньги требуютъ.

ВѢРА.

Убирайся! Скажи, — завтра. Вѣчно лѣзетъ, когда... (*дверь затворяется*). Ну, дальше!

КОЗЫРЕНКО.

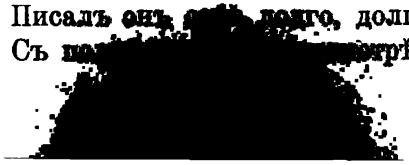
Дровъ имъ было еще не надо...

ВѢРА.

Или разсказывайте, или молчите!.. Ерунду слушать не желаю.

КОЗЫРЕНКО.

Хорошо. Онъ писалъ портретъ и позабылъ все на свѣтѣ, даже и про свою модель... А ну, налейте-ка еще стаканчикъ! А она сидѣла такъ смирнехонько и все на него глядѣла, глядѣла... И подъ его вдохновеннымъ взоромъ тихо сгорала себѣ, бѣднюсенькая. Взглядъ у него былъ пронзительный, въ родѣ моего... (*Вѣра хохочетъ*). Писалъ онъ [illegible] долго, долго. И, наконецъ, кончилъ. Съ по[illegible]трѣли тѣ же самыя очи, какъ



у живой. Но когда онъ перевелъ свой взоръ съ картины на дѣвушку, — та оказалась мертвымъ тѣломъ. Вотъ вамъ и басня.

ВѢРА.

Ничего не понимаю. Очень ужъ, должно быть, глубокомысленно. Что же отсюда слѣдуетъ? Быть можетъ, и вы хотите зарисовать меня до смерти?.. (*Хохочетъ*).

КОЗЫРЕНКО.

Ахъ вы, безтолковая!

ВѢРА.

Пожалуйста, повѣжливѣе!

КОЗЫРЕНКО.

И ничего вы не понимаете... Въ творчествѣ, какъ говорятъ, есть три момента: восторгъ зарожденія, трудъ ношенія и муки рожденія... И теперь я — въ послѣднемъ періодѣ. Мнѣ необходимо еще два-три сеанса, чтобы покончить работу. И съ вашей стороны, милостивая государыня, ей-Богу, весьма жестоко оставлять меня въ такомъ положеніи. За это даже и по закону полагается строгое наказаніе...

ВѢРА.

Ахъ, убирайтесь вы!

КОЗЫРЕНКО.

А зачѣмъ портретъ? Куда я его дѣну? — объ этомъ я еще не думалъ. Если позволите, повѣшу себѣ на стѣну и буду любоваться, а не позволите, — вамъ его подарю, а вы какъ посмотрите, такъ и вспомните, что есть на свѣтѣ Козыренко, хорошій хлопецъ! Только одно условіе: если портретъ удастся, я сперва буду его экспонировать на передвижной выставкѣ...

ВѢРА.

Развѣ можно экспонировать портреты людей... незамѣчательныхъ?

КОЗЫРЕНКО.

Ваше личико я нахожу замѣчательнымъ и особенно очи.

ВѢРА.

Ну ужъ, пожалуйста! Не иронизируйте! (*Оправляетъ прическу*).

КОЗЫРЕНКО (*шутливо*).

Та ей-Богу жъ правда! Напишемъ и выставимъ. Внизу напечатаемъ: „портретъ В. Н. Крониной, жены небезъизвѣстнаго русскаго драматурга“.

ВѢРА.

Почему же „небезъизвѣстнаго“, а не просто „извѣстнаго“?

КОЗЫРЕНКО.

О, опять не угодилъ!

ВѢРА.

Мнѣ обидно за Николая. Все былъ „извѣстный“, „выдающійся“, а теперь превратился...

КОЗЫРЕНКО.

Та вже годи, годи! Напишемъ: „нашего талантливаго та ще и знаменитаго“...

ВѢРА.

Больше не хотите чаю?

КОЗЫРЕНКО.

Такъ кто жъ такъ спрашиваетъ?.. Отто хозяйка! А, можетъ быть, я и очень хочу. (*Вѣра беретъ стаканъ,*

Козыренко задерживаетъ ея руку). Не надо. Не надо! Не то, что больше не хочу, а прямо таки — не могу. (*Пауза*). Ну такъ что жъ, будемъ писать портретъ? а?

ВѢРА.

Скучно это очень. Сидишь, какъ восковая кукла, а на тебя смотрятъ, разглядываютъ... Вы щуритесь,—и это мнѣ непріятно... И потомъ... не пяльте на меня такъ глаза. И вообще не смѣйте со мной фамильярничать. Я этого не выношу...

КОЗЫРЕНКО (*вскочивъ*).

Ге-ге-ге! Отъ тебѣ здравствуй! Когда? Ну слушайте, зачѣмъ вы меня обижаете?

ВѢРА.

А помните: вы дотронулись до моего подбородка? Это не нравится мнѣ, да и Николай недоволенъ...

КОЗЫРЕНКО.

Фью! А когда я хожу бриться, то меня мордобрей всегда за носъ беретъ.

ВѢРА.

Я не бриться къ вамъ хожу и вы не цирюльникъ.

КОЗЫРЕНКО.

И Николай? Недоволенъ? А еще извѣстный драматургъ... Отелло проклятое. Ну я жъ ему!.. (*Слабый звонокъ*).

АРИНА (*пробѣгая къ передней*).

Видно, баринъ. (*Исчезаетъ*).

ВѢРА.

Вы смотрите: насчетъ подбородка ничего ему не говорите!.. (*Арина проходитъ въ кухню*). Кто?

АРИНА.

Баринъ нашъ... Сердитый!.. (*Уходитъ. Вдали слышенъ кашель. Вѣра охорашивается*).

КРОНИНЪ (*входитъ въ столовую*).

Здравствуй! (*вяло здоровается съ Козыренко, садится къ столу*).

ВѢРА.

Какъ только ты ушелъ, сейчасъ же заявился Дмитрій Константиновичъ. Налить тебѣ чаю? (*Кронинъ не отвѣчаетъ*).

КОЗЫРЕНКО.

Ой, Вѣра Николаевна! Вы хотите, чтобы Николай вспыхнулъ огнемъ ревности и чтобы я убилъ его на дуэли?

КРОНИНЪ (*вяло*).

Было бы изъ-за чего...

ВѢРА.

Конечно!.. Изъ-за такихъ пустыхъ женщинъ не убиваютъ другъ друга. Въ крайнемъ случаѣ таскаютъ другъ друга за волосы. Кстати, у Дмитрія Константиновича такая удобная шевелюра...

КРОНИНЪ.

Ну, перестань ты острить!.. Какъ начнешь острить, такъ... (*къ Козыренко*). Шатался, шатался и все-таки голова трещитъ...

ВѢРА (*тихо*).

Отъ потугъ творчества...

КРОНИНЪ.

А что тебя не видать? Работаешь?

КОЗЫРЕНКО.

Въ цирюльнѣ былъ. Тамъ одинъ дуракъ обидѣлся, когда его мордобрей легонько за носъ попридержалъ... Говоритъ, — не позволю. Только, говоритъ, жена одна имѣетъ право до носа моего касаться. (*Вѣра хохочетъ*).

КРОНИНЪ (*хмуро*).

Не понимаю... (*къ Вѣрѣ*) Удивительно смѣшно! Говорятъ, что человѣкъ весь сказывается въ томъ, что ему кажется смѣшнымъ... Есть такіе, которымъ достаточно показать палецъ...

ВѢРА (*вскакивая*).

Безъ оскорбленій! Слышишь? Это мнѣ надоѣло! (*Уходитъ въ гостиную и здѣсь садится въ дальній уголъ*).

КРОНИНЪ.

Въ „Телеграфѣ“ появилось радостное извѣстіе... (*встаетъ и тихо идетъ въ гостиную, Козыренко слѣдуетъ рядомъ*).

КОЗЫРЕНКО.

А именно?

КРОНИНЪ.

Сообщаютъ, что я кончилъ новую драму и добавляютъ, что на этотъ разъ она безъ всякихъ „претензій“ и безъ „настроенія“...

КОЗЫРЕНКО.

А пусть ихъ брешутъ! Откуда они знаютъ про новую драму?

КРОНИНЪ.

Изъ какихъ-то „самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“... (*Къ Вѣрѣ*). Ужъ не ты ли, Вѣра Николаевна, этотъ „самый достовѣрный источникъ“? Съ тебя хватитъ... Тебя хлѣбомъ не корми, только дай тебѣ лишній разъ...

ВѢРА (*грозно*).

Что такое? (*Встаетъ*).

КРОНИНЪ.

Лишній разъ пофигурировать... Не сама, такъ...

ВѢРА.

Такъ около тебя? Скажите пожалуйста! (*неестественно смѣется*). Какъ бы не потонуть въ лучахъ вашей славы. Обмелѣло! Не потонешь!

КОЗЫРЕНКО.

Ну, господа, будетъ вамъ! А то и я сейчасъ ругаться начну. (*Пауза*). На васъ не угодишь: пишутъ про васъ— ругаетесь, не пишутъ—обижаетесь... (*Неловкое молчаніе*).

ВѢРА (*печально*).

Теперь не завидуете, Дмитрій Константиновичъ? (*Пауза*). Счастье только издали кажется большимъ, а когда приходитъ, то... (*оборвавъ, убѣгаетъ въ свою комнату. Продолжительное неловкое молчаніе*).

КРОНИНЪ

(*кротко, почти виновато*).

Люди сами себѣ портятъ жизнь. Не понимаю... Кто изъ насъ виноватъ... и въ чемъ...

КОЗЫРЕНКО (*глухо*).

Оба хороши!.. (*встаетъ*). Эхъ! Все на свѣтѣ пустяки и любовь—игрушка,—сказала одна гимназистка. Ну мнѣ пора до дому...

КРОНИНЪ.

Не уходи! Лучше, если ты останешься съ нами... А то опять это молчаніе. Ужасное молчаніе, въ которомъ виситъ что-то злобное, зловѣщее, тяжелое... Ахъ, ужасная головная боль!.. Въ чемъ дѣло... Точно узелъ какой-то затягивается... Понимаешь: люблю ее, а не могу... не могу сдерживаться... Нервы это... или просто—злой я человѣкъ... Ахъ!

АРИНА (*входя*).

Гдѣ у насъ Вѣра-то Николавна?

КРОНИНЪ.

Зачѣмъ тебѣ?

АРИНА.

Да все дровяникъ съ деньгами покою не даетъ. Мировымъ пугаетъ... (*Вѣра появляется въ столовой*).

КОЗЫРЕНКО.

У васъ грошенятъ, что ли, нема̀! Такъ я могу тебѣ дать рублей 30 (*лѣзетъ въ карманъ*).

АРИНА.

16 только надо... Ротъ-то бы ему заткнуть!

КРОНИНЪ (*вздыхая*).

Вотъ, братъ... Поневолѣ „Крокодиловы слезы“ начнешь сочинять...

КОЗЫРЕНКО

Возьми вотъ! (*протягиваетъ руку съ деньгами*).

ВѢРА (*громко*).

Не надо! (*Аринѣ*). Скажи, что завтра отдамъ...

АРИНА.

Завтра! Онъ небольно завтра-то...

ВѢРА.

Завтра я отдамъ ему вмѣсто 16—20 рублей. Уходи! (*Арина уходитъ*).

КРОНИНЪ.

Гдѣ ты возьмешь завтра? На что ты разсчитываешь?

ВѢРА.

Мамины часы заложу. Не бойтесь: не заставлю васъ водевили писать... Потомъ скажутъ, что я была виновата въ паденіи вашего таланта...

КРОНИНЪ.

Вѣра!..

ВѢРА.

Что я загубила ваше дарованіе... Я знаю... Вы сами уже нѣсколько разъ довольно прозрачно намекали на это...

КРОНИНЪ.

Вѣра! Тебѣ не стыдно?..

ВѢРА.

Пропалъ талантъ... Почѐму? Конечно, изъ-за меня...

КОЗЫРЕНКО.

Вѣра Николаевна! Да будетъ! И что вы грызетесь, какъ сосѣдскія собаки! а?

ВѢРА

(*не слушая его, съ злымъ смѣхомъ*).

Я вычитала, что писатели для усиленія творческой способности принимаютъ разныя мѣры: Мопассанъ ставилъ ноги въ горячую воду...

КОЗЫРЕНКО.

Не въ горячую. Въ холодную! Мопассанъ писалъ не ногами...

ВѢРА.

Ну, въ холодную... Попробуй! Опусти ноги въ холодную воду!

КРОНИНЪ.

Ахъ ты... Кукла ты!.. тщеславная и злая кукла! И больше ничего! (*Идетъ понуря голову и садится на диванъ*).

ВѢРА (*вслѣдъ ему*).

А ты... ты — мыльный пузырь! Лопнулъ и осталось только мокрое пятнышко. (*Смѣется и плачетъ вмѣстѣ*).

КОЗЫРЕНКО.

Однако, надо уходить... Тутъ, пожалуй, еще и мнѣ по потылицѣ попадетъ. (*Беретъ шляпу*).

ВѢРА (*отирая слезы*).

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не пущу! Сидите! Надоѣло... Все надоѣло, все, все... (*подходитъ къ піанино, громко открываетъ крышку и, отеревъ еще разъ глаза, начинаетъ съ ожесточеніемъ наигрывать избитый вальсъ*).

КОЗЫРЕНКО.

Взяли бы да покрѣпче поцѣловались. На зло самой злости.

КРОНИНЪ.

Ужасная головная боль.

КОЗЫРЕНКО.

Пойдемъ гулять! Вѣра Николаевна меня зо́веть. Пошла одѣваться.

КРОНИНЪ *(устало).*

Идите. Я останусь... Лучше... Ей надо пройтись. Она очень раздражительна, мнительна... Ей надо лѣчиться. Ты ее проводи потомъ до дому...

КОЗЫРЕНКО.

Ну конечно. Не брошу же!

ВѢРА

(появляясь въ столовой въ шляпѣ).

Дмитрій Константиновичъ!

КОЗЫРЕНКО.

Иду! *(идетъ въ столовую).*

ВѢРА *(въ кухню).*

Арина Васильевна! Заприте за нами! Арина! Опять спишь?

АРИНА *(выходя).*

Только однимъ глазкомъ.

ВѢРА.

Идемте, Дмитрій Константиновичъ! *(Къ Аринѣ)* Налей въ тазъ холодной воды и поставь барину подъ

письменный столъ!.. (*Смѣхъ. Дверь хлопаетъ. Арина возвращается, идетъ на цыпочкахъ въ гостиную и, приблизившись къ кабинету, заглядываетъ туда. Увидя Кронина въ задумчивой позѣ на диванѣ, она также тихо идетъ въ столовую. Сладко зѣвнувъ, беретъ самоваръ и уноситъ его въ кухню. Кронинъ сидитъ съ опущенной головой*).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Квартира художника Козыренко: столовая и мастерская, сообщающіяся аркой; изъ нихъ по двери въ корридоръ. Въ мастерской безпорядокъ: два мольберта, на стульяхъ ящики съ красками, на окнахъ горшки съ кистями, по стѣнамъ этюды, наброски безъ рамъ; мастерская пересѣкается наполовину коричневой занавѣсью для свѣтовыхъ эффектовъ. Въ столовой — самоваръ, одинъ уголъ стола прикрытъ салфеткой и на ней — приборъ для обѣда. Арина—въ мастерской, около узловъ и корзины, раскладываетъ и пересчитываетъ бѣлье, сидя на корточкахъ. Вѣра—задумчиво, заложа руки за спину, ходитъ, хмурая и серьезная. Марья Ниловна, недовольная, раза два появляется въ столовой, роется въ буфетѣ и опять уходитъ протестующей походкой.

АРИНА (*роясь въ узлахъ*).

Гм! (*поднимая жилетку*). Баринову жилетку невзначай захватила, а свою новую кофту посѣяла. Ахъ, горе мое, горе! Нажить не наживешь, а и остальное все растеряешь...

МАРЬЯ НИЛОВНА

(*подходя къ мастерской*).

Что ты хламостишь? (*къ Вѣрѣ*). Вѣра Николаевна! Развѣ этакъ можно? Митенька сердится, когда я свою косынку у него оставлю, а она разложилась тутъ, какъ на ярмаркѣ...

ВѢРА (*устало и равнодушно*).

Арина! Сложи тамъ...

АРИНА (*складываясь*).

Сложи да разложи... Сказали, — сюда намъ помѣститься... Приткнуться некуда. Тутъ и остальное растеряешь...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Ну ужъ, любезная, извини! Намъ и самимъ-то дай Богъ, гдѣ приткнуться, а не то что съ гостями... Я ужъ и не знаю, право, что это за нравы-обычаи пошли... (*Увидя на мольбертѣ кофточку*). Ну, а это что? Развѣ

тутъ мѣсто женскимъ туалетамъ? Все-таки надо и стыдъ знать... Вѣра Николаевна!

ВѢРА (*съ досадой*).

Ну что еще случилось?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Пожалуйте сюда! Полюбопытствуйте! (*Вѣра нехотя подходитъ къ мастерской*). Ваша прислуга гдѣ туалетныя-то принадлежности ваши развѣсила? (*Показываетъ пальцемъ на висящую на мольбертѣ кофточку*).

ВѢРА (*слегка ухмыльнувшись*).

Арина! Сними. Ахъ, дура! непроходимая дура! (*Отходитъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Она простая, деревенская. Что съ нея взять? Надо бы самимъ ужъ доглядывать. (*Уходитъ въ корридоръ и, возвратившись съ половой щеткой, идетъ въ мастерскую и сердито подметаетъ полъ. Къ Аринѣ*). Подберись, подберись! У-у, деревня! Натоптала своими подковами-то...

АРИНА.

Ты этакъ-ту меня заметешь. Чай, я не соръ, а человѣкъ?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Человѣкъ тоже называется... (*Переходитъ съ соромъ въ столовую и сердито стучитъ щеткой о полъ*).

ВѢРА.

Марья Ниловна!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Что скажете?

ВѢРА.

Вы не сердитесь. Я только на 2 на 3 дня. Вотъ придумаю, что мнѣ дѣлать, и мы уѣдемъ...

МАРЬЯ НИЛОВНА

(выгоняя соръ въ корридоръ).

Нéчего мнѣ сердиться. А только я безпорядковъ этихъ не терплю; такъ ужъ съ малолѣтства пріучена. Насъ, бывало, били за это. (*Исчезаетъ въ корридоръ. Вѣра останавливается у окна и смотритъ туда тоскливо*).

АРИНА *(шопотомъ).*

Ахъ! баринову жилетку взяла, а свою кофту посѣяла.

МАРЬЯ НИЛОВНА

(входитъ съ самоваромъ).

Я ужъ, право, и не знаю, какъ все нынче это скоро дѣлается: что съ мужемъ разойтись, что на другую квартиру переѣхать—все одна цѣна. Живутъ люди по хорошему годъ-другой, а потомъ фрр!.. и кончено. Надоѣло! Нѣтъ, раньше наша сестра все-таки посмирнѣе была... А нынче! (*Машетъ рукой).*

ВѢРА (*не оборачиваясь).*

А если люди мѣшаютъ другъ другу? Оскорбляй, ненавидь, порти другъ другу жизнь, а все-таки живи? Такъ по вашему?

МАРЬЯ НИЛОВНА (*заваривая чай*).

Жизнь-то прожить не поле перейти. Всего бываетъ: и дурного, и хорошаго. Перетерпѣть надо. Не все кататься, люби и саночки возить.

ВѢРА.

А я не хочу.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Мало ли чего я не хочу? Не такъ живи, какъ хочется. А что хорошаго-то теперь вышло? Митенька—человѣкъ молодой, холостой,—мало ли что люди скажутъ? На чужой ротокъ не накинешь платокъ.

ВѢРА.

И пусть! И пусть! Мнѣ все равно. Обо мнѣ и такъ говорятъ всякую гадость. Я привыкла. Я *(смѣется)*... нисколько не боюсь. И мнѣ, простите за рѣзкость, наплевать! Я знаю, что Дмитрій Константиновичъ ничего дурного не подумаетъ. Мы съ нимъ—друзья, и я увѣрена, что и ему все равно, что тамъ скажутъ и подумаютъ.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Обоимъ, значитъ, наплевать?.. хм! Такъ-то оно такъ, Вѣра Николаевна, только бываетъ и этакъ: не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться. *(Арина подходитъ къ аркѣ и, ставъ у стѣнки, слушаетъ)*. Вамъ-то вотъ все равно, а Митенька—не женатый. Богъ дастъ, и жениться очередь придетъ. А изъ-за этого онъ можетъ свою репутацію потерять... Онъ у меня очень скромный и себя соблюдаетъ, а люди все могутъ подумать...

ВѢРА (*хохочетъ*).

И пусть соблюдаетъ! Пусть! Я ему не помѣшаю...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

А репутація? Чего-нибудь она стоитъ или такъ, тоже наплевать? Вы какъ объ этомъ дѣлѣ полагаете?

АРИНА (*со вздохомъ*).

Митрій Константиновичъ—смирный. Это вонъ тотъ, актеръ-то... охальникъ! ухъ, какой охальникъ! на рѣдкость.

ВѢРА (*смѣется*).

Репутацію потеряетъ. Вотъ я спрошу его: боится ли онъ потерять репутацію?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Вамъ все смѣшно. Смотрите: не пришлось бы поплакать. Весной вонъ натурщица къ Митенькѣ ходила, а сосѣдніе квартиранты обидѣлись. Хорошо, у насъ хозяинъ образованный: понимаетъ, что это не больше, какъ чучело для Митенькиной картины. А вѣдь и всяко бываетъ.

АРИНА.

Это какъ есть! На дворѣ и то ужъ болтаютъ...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Вотъ извольте послушать! (*Пауза*). Налить, что ли, вамъ чашечку? съ лимончикомъ, или съ молочкомъ?

ВѢРА (*съ сердцемъ*).

Не хочу я!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Я не неволю. Что сердитесь? Хотите,—пьете, хотите,—не пьете. Это—ваше дѣло.

ВѢРА.

Видимо, вы рѣшили, что я... въ любовницы къ вашему сыну пріѣхала?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Будто бы ужъ это и не къ лицу вамъ. По знакомству, конечно, но только я говорю, что со стороны-то оно выходитъ не совсѣмъ красиво.

ВѢРА.

Какъ же я не портила репутаціи Дмитрія Константиновича, когда приходила къ нему портретъ писать?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Это, пускай, другое дѣло. Онъ—художникъ. Къ нему вонъ недавно двѣ генеральскихъ дочери приходили. Такъ, вѣдь, онѣ безъ багажу, а вы—со всѣмъ обзаведеніемъ... и даже со своей Ариной! Совсѣмъ другой видъ дѣло имѣетъ...

АРИНА.

Мнѣ что? Меня куда повезутъ, туда я и поѣду. Наше дѣло—второе, мы—при господахъ...

ВѢРА.

Не поймемъ мы, Марья Ниловна, другъ друга. Не стоитъ объ этомъ разговаривать. Повторяю вамъ: не безпокойтесь, я пріѣхала къ Дмитрію Константиновичу не въ любовницы, а просто, какъ къ товарищу.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Товарищи, подумаешь!

ВѢРА.

Завтра или послѣ завтра мы найдемъ комнату и уѣдемъ. И нечего разговаривать.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Да по мнѣ живите хоть два мѣсяца. А только для васъ же говорю я, для вашей репутаціи. Все можетъ быть: ссорятся, бранятся, а потомъ мирятся и опять сходятся. Ну, а ужъ ежели женщина у другого мужчины поживетъ, да къ тому же у холостого, — тогда наврядъ ли. Тогда женщинѣ цѣна совсѣмъ другая...

ВѢРА.

Ахъ, оставьте меня въ покоѣ! Не безпокойтесь о моей судьбѣ. Разбитая посуда не склеивается.

АРИНА (*задумчиво*).

Нынче до всего дошли. Тамъ вонъ, у чиновника-то, почитай, вся посуда склеена. Порошокъ этакій есть. Стекло, конечно, не беретъ, а тарелки, миски, плошки, блюдечки... Трещину, конечно, видать, а крѣпко: силой не раздерешь.

ВѢРА.

Дура! Непроходимая дура! (*Уходитъ въ мастерскую и исчезаетъ за занавѣской*).

АРИНА (*ворчитъ*).

Я сама знаю, что дура...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

На-ка выпей чашечку съ молочкомъ! (*Подаетъ ей чашку и кусокъ сахару; Арина отходитъ и садится въ углу чай пить*). „Дура“. Нечего тутъ, „дура“. Кто самъ не хочетъ, у того, конечно, не склеивается. Народъ нынче пошелъ самый естественный! (*Пауза. Вѣра ходитъ по мастерской*).

АРИНА (*задумчиво*).

Охъ, дѣла, дѣла! Гдѣ я нынче спать-то буду? Больно я не привыкла по людямъ-то... На волосъ не засну...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Твою барыню положимъ, видно, къ Митенькѣ на столъ, а тебя ужъ подъ столъ придется...

ВѢРА (*громко*).

Вотъ придетъ Дмитрій Константиновичъ, возьмемъ у него денегъ и уѣдемъ въ номера! (*Остановившись въ аркѣ, къ Аринѣ*). Собирай узлы! Собирай и вынеси въ переднюю. Я тебѣ тамъ велѣла оставить, а ты здѣсь разложила. (*Отходитъ и останавливается у окна*).

АРИНА (*вставъ*).

Спасибо за чай-сахаръ. (*Ставитъ чашку на столъ*). Я вѣдь думала въ родѣ чулана тутъ у васъ сдѣлано. А въ передней побоялась: всякій народъ приходитъ. У меня и такъ все сердце кровью облилось, какъ я юбки-то хватилась. Ладно спохватилась... Жилетку баринову взяла вотъ, а свою новую кофту посѣяла... Жить не наживешь, а и остальное все растеряешь...

ВѢРА (*сердито*).

Ну перестань! Замолчи!

АРИНА (*ворчитъ*).

Что мнѣ молчать-то? Корова и та мычитъ, какъ же человѣку молчать? (*Идетъ въ мастерскую и укладывается*).

МАРЬЯ НИЛОВНА (*моетъ посуду*).

Прости, Господи, наши согрѣшенія! За что только я Тебя прогнѣвила, окаянная? (*Убираетъ посуду въ буфетъ. Въ передней слышенъ мужской кашель*). Кто тамъ еще? И двери росперли: ходи, кто хочетъ. (*Идетъ въ корридоръ и возвращается оттуда съ дворникомъ*).

ДВОРНИКЪ (*въ дверяхъ*).

Насчетъ паспорта. Женщина къ вамъ съ узлами пріѣхала, такъ прописать ее слѣдуетъ. Нынче—строго.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Не стоитъ ее, милый, прописывать: не сегодня, такъ завтра она выѣдетъ.

ДВОРНИКЪ.

Это ничего не значитъ. Разъ съ узлами,—требуется документъ. Все можетъ случиться: кто знаетъ, что у ней тамъ, въ узлахъ-то?.. (*Арина тащитъ изъ мастерской узелъ въ переднюю*). И у этой женщины долженъ быть свой видъ...

АРИНА.

Я — съ паспортомъ. Я не какая-нибудь, а мужняя жена. Законная! Вотъ что! (*Исчезаетъ въ корридоръ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА (*подходитъ къ аркѣ*).

Вѣра Николаевна, а Вѣра Николаевна! (*Арина проходитъ въ мастерскую за вторымъ узломъ*).

ВѢРА (*отрываясь отъ окна*).

Что тамъ еще случилось?

АРИНА (*пронося второй узелъ*).

А ну ихъ тутъ! Ужъ не заладится, такъ плюнешь да уйдешь! (*Тащитъ узелъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА (*къ Вѣрѣ*).

Паспортъ пожалуйте для прописки.

ВѢРА.

Какой тамъ паспортъ? Кому это понадобилось?

ДВОРНИКЪ

(*къ Аринѣ, идущей въ мастерскую*).

А разъ виду не показываешь,—въ полицію!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Вотъ видите: вы все хотите на особицу. Какой паспортъ! Обыкновенный, какой у всѣхъ бываетъ. Что ужъ это? Съ неба вы, что ли, свалились?

АРИНА

(*таща корзину въ переднюю*).

Никогда я въ полиціи не была, да, Богъ дастъ, и не доведется. (*Скрывается въ корридорѣ*).

ВѢРА.

Мнѣ было не до паспорта...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Ну такъ подите сами да и объясняйтесь! (*Отходитъ къ дворнику*). Нѣтъ у ней паспорта.

ДВОРНИКЪ.

Нехорошо оно...

ВѢРА *(въ столовой).*

Дворникъ, или кто тамъ?..

ДВОРНИКЪ.

Я, барыня, не дворникъ, а въ родѣ управляющаго поставленъ.

ВѢРА.

Ну хорошо. Въ родѣ управляющаго!.. мнѣ рѣшительно все равно.

ДВОРНИКЪ.

Вамъ-то оно все равно, да мнѣ-то обидно. У всякаго человѣка своя должность и своя репутація...

ВѢРА.

И тутъ „репутація"!.. Какой вамъ паспортъ еще?

ДВОРНИКЪ.

Натуральный! Для удостовѣренія предмета личности.

ВѢРА.

Да вѣдь вы меня знаете? И мужа моего знаете? Мы здѣсь бывали часто...

ДВОРНИКЪ.

Можетъ быть, я двадцать разъ васъ видѣлъ, а предметъ требуетъ удостовѣренія личности.

ВѢРА.

И если не завтра, то послѣ завтра мы уѣдемъ, жить здѣсь не будемъ.

АРИНА

(*появившись въ дверяхъ, къ дворнику*).

Что ты сиротой-то прикинулся. Самъ, вѣдь, мнѣ говорилъ, что знаешь насъ, и барина нашего?

ВѢРА (*топнувъ ногой*).

Замолчи!

ДВОРНИКЪ.

Это я отлично понимаю. Слава Богу, не первый годъ.

АРИНА (*къ дворнику*).

Нешто съ гостей-то паспортъ требуютъ?

ДВОРНИКЪ.

Съ родного отца потребуешь. Съ насъ самихъ взыскиваютъ.

ВѢРА (*отходя къ мастерской*).

Нѣтъ у меня никакого паспорта... Потомъ... Погоди,—придетъ Дмитрій Константиновичъ, онъ съ тобой поговоритъ! (*Уходитъ въ мастерскую*).

МАРЬЯ НИЛОВНА (*ей въ слѣдъ*).

Что же онъ, Дмитрій-то Константиновичъ, паспортъ, что ли, вамъ выдастъ? Чай, это—дѣло законнаго мужа (*Вѣра стоитъ въ аркѣ*), а не Дмитрія Константиновича. Отъ мужа вамъ слѣдуетъ отпускную взять.

ВѢРА.

Что я, крѣпостная, что ли?

АРИНА *(вздохнувъ)*.

Дастъ ли еще мужъ свое согласіе-то? (*Уходитъ въ корридоръ*).

ВѢРА.

Замолчи же!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Она правильно говоритъ. Мужъ можетъ по этапамъ черезъ полицію къ себѣ во всякое время потребовать. На то онъ и мужъ.

ДВОРНИКЪ.

Это — правильно! Покуда до свиданья! (*Уходитъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Во всякое время можетъ потребовать...

ВѢРА *(чуть не со слезами)*.

Оставьте, Марья Ниловна! Это у васъ такъ, а у насъ не бываетъ.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

У насъ такъ, а у васъ этакъ. У васъ, должно быть, жена имѣетъ право мужа по этапамъ вытребовать... У васъ свои законы.

ВѢРА.

Ради Христа, оставьте меня въ покоѣ! Вотъ придетъ Дмитрій Константиновичъ, тогда... (*Закрывъ лицо руками, отворачивается къ стѣнѣ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Я васъ не безпокою. Могу я, кажется, въ своемъ домѣ разговаривать? Хм! Будто я къ нимъ пріѣхала и стѣсняться обязана. Все стало шиворотъ на выворотъ.

ВѢРА (*не оборачиваясь*).

Ну что вы на меня накинулись? Что я вамъ сдѣлала?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Никто на васъ не накидывается. Я не собака. (*Уходитъ въ корридоръ*). (*Замѣтно сгущаются сумерки*).

ВѢРА (*идетъ къ корридору*).

Арина! Арина! Гдѣ ты?

АРИНА (*въ дверяхъ*).

Я съ этимъ все ругаюсь... Паспортъ! Идолъ окаянный!

ВѢРА (*срывая съ шеи брошь*).

На! возьми! (*бросаетъ брошь на столъ*). Ступай въ ссудную кассу! Куда носила мою ротонду... Помнишь?

АРИНА (*беретъ брошь*).

Еще бы не помнить. Разовъ пять ходила...

ВѢРА.

Заложи!

АРИНА.

Сколько просить-то?

ВѢРА (*уходя въ мастерскую*).

Все равно. Двадцать, десять... Сколько дадутъ. Потомъ возьми двухъ извозчиковъ и пріѣзжай. Скорѣй!

АРИНА.

Охъ, дѣла, дѣла!.. Гдѣ у меня шаль-то? Неужто посѣяла...

ВѢРА.

Скорѣй! Я не могу больше... Скорѣй же!.. (*топаетъ ногами*).

АРИНА.

Бѣгу, бѣгу! (*Исчезаетъ. Вѣра садится въ мастерской у окна и неподвижно смотритъ на улицу*).

МАРЬЯ НИЛОВНА

(*входитъ изъ корридора съ зажженной лампой*).

Нѣтъ, ужъ, матушка, безъ Митеньки я васъ не могу отпустить. Сами заварили кашу, а я расхлебывай! Много благодарна! (*Подходитъ къ аркѣ*). Вѣра Николаевна!

ВѢРА (*глухо*).

Что вамъ?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

До Митеньки я не могу васъ отпустить.

ВѢРА (*со злостью*).

Да что вамъ, наконецъ, отъ меня нужно? Я сейчасъ уѣду. Дайте мнѣ хоть пять минутъ остаться одной!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Нѣтъ, этого не будетъ. Да Дмитрій, тутъ Богъ знаетъ, что подумаетъ. Подумаетъ, что я васъ не при-

няла или выгнала. Да тогда онъ тутъ такой скандалъ подниметъ, что хоть святыхъ выноси. Онъ вспыльчивый. Онъ не разберетъ да на меня же накинется... Нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ прошу васъ до Митеньки не двигаться. (*Вѣра скрывается за занавѣсью, Марья Ниловна идетъ въ столовую, къ часамъ*). Скоро шесть часовъ, а его нѣтъ. Не ѣвши, не пивши... (*Беретъ носки, садится къ лампѣ и надвязываетъ. Звонокъ*). Ну, пришелъ!.. (*Торопливо идетъ въ корридоръ и возвращается оттуда съ Уховымъ*). Садитесь, пожалуйста!

УХОВЪ (*садясь*).

Такъ вы—его матушка?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Какъ же, какъ же! Родная мать. А вы по какому дѣлу?

УХОВЪ.

Я сотрудникъ газеты. Надо бы кое о чемъ потолковать...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Что же, писать, что ли, про него хотите? Экая жалость!.. Долженъ скоро придти...

УХОВЪ.

Жаль.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

А ужъ онъ какъ жалѣть будетъ! Долженъ скоро придти. Не ѣвши, не пивши. Теперь онъ портреты съ двухъ генеральскихъ дочерей рисуетъ, такъ, должно быть, тамъ, у его превосходительства. Очень имъ тамъ довольны.

УХОВЪ.

Портреты писать онъ большой мастеръ... Что у него вчера за гадость на выставкѣ-то вышла?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Это глаза-то портрету проткнули?

УХОВЪ.

Да. Какая гадость! Вандализмъ!

МАРЬЯ НИЛОВНА (*нагибаясь*).

Да ужъ такая гадость, что и названія ей не придумаешь. Есть тутъ одна... этакая. Она не постѣснится живому человѣку глаза выткнуть, а не то что картинѣ.

УХОВЪ.

Удивительная фантазія. Кому пришло въ голову...

МАРЬЯ НИЛОВНА (*тихо*).

Вотъ та самая, которая нарисована, скандалъ-то этотъ и сдѣлала...

УХОВЪ.

Что жъ, Дмитрій Константиновичъ въ большомъ горѣ?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Очень ужъ онъ добрый. Ничего... Словно такъ и надо... А вѣдь двѣ тысячи ему давали! Ни себѣ, ни людямъ.

УХОВЪ.

Такимъ сыномъ можно гордиться.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Гордиться—грѣшно, но я, слава Богу, довольна. У меня ихъ было семь человѣкъ: три сына, да четыре дочери. А кормилецъ вышелъ одинъ. Только изъ Митеньки толкъ и вышелъ, а тамъ все такъ себѣ... Женскій полъ разлетѣлся. Двѣ замужемъ, одна за дьякономъ...

УХОВЪ.

Сколько же лѣтъ теперь Дмитрію Константиновичу?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Лѣтъ-то?.. Должно быть, тридцатый на исходѣ... Можетъ, писать будете, такъ ужъ я вамъ вѣрно скажу (*идетъ къ буфету*). Отецъ всѣхъ ихъ въ поминанье записывалъ (*возвращается съ книжечкой и садится, надѣваетъ очки съ веревочкой черезъ голову и читаетъ*). Павелъ... Иларіонъ... А вотъ Дмитрій. Рожденъ 1872 года, маія пятнадцатаго, въ три часа и 20 минутъ по полуночи... А крещенъ... (*Уховъ ухмыляется*). У Варвары великомученицы того же года...

УХОВЪ.

Этого не надо... Не безпокойтесь!.. Скажите, гдѣ онъ учился и что̀ натолкнуло его на живопись?..

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Учился онъ сперва въ нашемъ училищѣ, въ селѣ Сухомъ Овражкѣ, а потомъ доучивался ужъ въ столицѣ... Происхожденія мы, конечно, не дворянскаго, да и то сказать: развѣ мало нынче изъ простого званія въ люди выходитъ?..

УХОВЪ.

Конечно, конечно!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Чай, можно про званіе-то и не писать? Кому больно нужно знать всю нашу подноготную-то?

УХОВЪ (*ухмыляясь*).

Это ничего. Тѣмъ больше человѣку чести, если онъ сумѣлъ подняться снизу вверхъ.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

То-то и есть! Какъ бы дѣло-то ему не испортить?

УХОВЪ.

Съ дѣтства, вѣроятно, страсть къ рисованію явилась?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Какое съ дѣтства! Отецъ-то у насъ подрядчикъ былъ по малярной части. Когда много у него было дѣла,— ну заставитъ его краски растирать... Такъ и то, бывало. силой заставляли. А ужъ ежели гдѣ парадный ходъ росписать, тутъ прямо приходилось за волосы брать. Теперь вотъ въ Митиной газетѣ я читаю: все пишутъ, что пороть ребятишекъ вредно. Не знаю. Я такъ думаю, что если бы въ дѣтствѣ отецъ не поролъ его изрѣдка, такъ ничего бы изъ него и не вышло. Рука у отца была легкая. Только ужъ вы про это не пишите. Кто ихъ нынче разберетъ? Все шиворотъ на выворотъ пошло...

УХОВЪ.

А какимъ образомъ Дмитрій Константиновичъ въ академію-то попалъ?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Убѣгъ, убѣгъ! Семнадцати лѣтъ онъ отъ насъ убѣгъ. Отецъ, царствіе ему небесное (*слезливо*), такъ и не ви-

далъ его больше... Не довелось! (*утираетъ рукавомъ глаза*). Не привелъ Господь! Кабы посмотрѣлъ теперь на сынка-то. Съ генеральскихъ дочерей портреты рисуетъ.

УХОВЪ (*смотритъ на часы*).

Мнѣ пора (*встаетъ*). Очень жаль, что не засталъ Дмитрія Константиновича. (*Прощается*).

МАРЬЯ НИЛОВНА

(*провожаетъ его съ лампой*).

А ужъ онъ какъ будетъ жалѣть! Въ другой разъ милости просимъ! Будемъ очень рады и благодарны. (*Уходитъ въ корридоръ*).

ВѢРА

(*выходя изъ-за занавѣски*).

Шесть. Когда же наконецъ это кончится! (*ходитъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА (*возвращаясь*).

Слышали? Насчетъ Митеньки изъ газеты справку наводили. Вѣра Николаевна?

ВѢРА (*равнодушно*).

Слышу! Отлично! Боже мой, какая тоска!

МАРЬЯ НИЛОВНА

(*усаживаясь съ чулкомъ*).

Тоска! Тоска! Дѣлать нечего, вотъ и тоска. Присядьте вотъ да помогите мнѣ Митенькины носки надвязывать.

ВѢРА.

Оставьте вы меня, пожалуйста!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Гордости-то въ человѣкѣ сколько! Я сказала такъ, спросту, а вы сейчасъ же обиду въ сердцѣ почувствовали. А чего плохого въ этомъ занятіи, позвольте васъ спросить? *(Пауза).*

ВѢРА (*ходитъ*).

Ахъ, голова трещитъ!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Взяли бы да поѣхали къ мужу... И голова бы болѣть перестала... Жизнь-то велика: сто разъ поссоритесь и опять помиритесь...

ВѢРА.

Что такое?.. простите: я не слыхала...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Сто разъ, говорю, поссоритесь и опять помиритесь.

ВѢРА (*устало*).

Не будемъ объ этомъ говорить... Надоѣло...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Что имѣемъ, не хранимъ,—потерявши, плачемъ...

ВѢРА.

Не идетъ... Экое наказанье!..

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Онъ человѣкъ занятой: не бросишь да не побѣжишь.

ВѢРА (*съ раздраженіемъ*).—

Да не его мнѣ нужно, а Арину! Отстаньте наконецъ! (*Отвертывается*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Ну и характеръ же у васъ! Самый естественный! Проткнуть глаза картинѣ,—да вѣдь за это ребятишекъ порютъ, а вы—взрослый человѣкъ, приличная все-таки дама... И вдругъ, ни съ того ни съ сего, среди бѣла дня, при всей публикѣ... Трахъ! и готово. Нате! Смотрите, какая я есть!

ВѢРА.

Я вамъ уже сказала: портретъ былъ мнѣ подаренъ, мой онъ былъ! Понимаете?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Да, вѣдь, за него, матушка моя, 2000 давали? Не бараній рогъ, на полу не поднимешь. Чѣмъ портить, взяли бы да продали, а деньги—пополамъ: вамъ тысячу и намъ тысячу... Вотъ на чужомъ горбу и заработали бы...

ВѢРА (*отрывисто*).

Я не желаю на чужомъ горбу зарабатывать, у меня есть свой горбъ...

МАРЬЯ НИЛОВНА (*мотая головой*).

Э, матушка, у насъ, у женщинъ, не съ той стороны горбы-то растутъ... Ну, а не хотѣли себѣ брать, взяли бы да роздали свою часть бѣднымъ. На тысячу-то рублей десять человѣкъ счастливыми можно сдѣлать...

ВѢРА.

Дешевое счастье.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

У всякаго—свое. И ваша дружба хороша: все гово-

рите, что вы съ Митенькой—друзья, а сами какой убытокъ ему сдѣлали!.. Дружба называется...

ВѢРА (*со слезами*).

Ну бросьте! Перестаньте! Надоѣло! (*Уходитъ въ мастерскую и, прислонясь къ стѣнѣ, закинувъ голову, закрываетъ глаза*),

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Кричать начали... Обжились, значитъ... Мнѣ ужъ въ своемъ домѣ и слова нельзя сказать. Извольте радоваться!

ВѢРА (*суетится*).

Гдѣ моя шляпа? (*нервно посмѣивается*). Куда она дѣвалась? потерялась...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Да вы погодите маленько. Какъ это у васъ все скоро. Какъ же съ вашимъ имуществомъ-то?

ВѢРА (*надѣвая шляпку*).

Потомъ, послѣ...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Подождите Арину-то!.. Куда вы?..

ВѢРА (*съ нервнымъ смѣхомъ*).

На улицу! На улицу! (*Идетъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Чѣмъ на улицѣ ждать, поди, въ комнатахъ все-таки лучше. По крайней мѣрѣ въ теплѣ.

ВѢРА (*надѣвая жакетку*).

Не безпокойтесь. Тамъ теплѣе... Прощайте! (*Исчезаетъ; слышно, какъ стукнула дверь. Марья Ниловна беретъ лампу, запираетъ дверь и возвращается въ столовую*).

АРИНА (*входя*).

А гдѣ моя барыня?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

На улицѣ, матушка, на улицѣ...

АРИНА.

Нашто она на улицѣ-то?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Теплѣе ей тамъ...

АРИНА.

Повздорили, видно? Больно ужъ ты прицѣпистая... Вотъ что!.. Нешто съ гостями такъ можно? Ахъ, дѣла... дѣла! Побѣгу искать...

МАРЬЯ НИЛОВНА (*вставая*).

Имущество забирай!.. Потомъ еще кляузы пойдутъ... У меня, чтобы всѣ свои потроха вывезти...

АРИНА.

Увеземъ... Жалко, что ли, тебѣ мѣста-то? Эхъ... Дай тебѣ Богъ здоровья!.. Куда я теперь? а? Связалась я съ вами, прости, Господи, мое согрѣшеніе. Пра-а-во! (*Козыренко входитъ*).

КОЗЫРЕНКО.

Что тутъ за исторія такая?

АРИНА.

Никакой исторіи нѣтъ, а только нехорошо оно выходитъ, вотъ что! Счастливо вамъ оставаться! (*Уходитъ. Козыренко вопросительно смотритъ на мать*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Ничего, Митенька, не случилось, а только обижать меня, старуху, я никому не позволю, и тебѣ грѣхъ, если ты...

КОЗЫРЕНКО.

Вы тутъ опять грызлись? Что брехала эта баба, Арина.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Вѣра-то Николаевна, прости, Господи... Что ужъ между вами тамъ,—я не знаю, а только конфузить семейство нехорошо. (*Плачетъ*).

КОЗЫРЕНКО.

Да вы говорите толкомъ!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Какой ужъ тутъ толкъ!.. Если хочешь жениться, такъ женись законнымъ бракомъ, а такъ эту погань въ домѣ стыдно заводить... На-ко! Пріѣхала со всѣмъ багажемъ—получай ее безъ росписки! А кому нужно?

КОЗЫРЕНКО.

Фу ты! Що вы тутъ мелете?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

А ты не кричи! Постыдись! Мать я тебѣ или нѣтъ?

Она тебѣ ужъ набухвостила видно... Я такъ и знала... (*Со слезами уходитъ въ дальнія комнаты*).

ДВОРНИКЪ (*входитъ*).

Барыня эта васъ велѣла позвать, поговорить... Она на углу, около аптеки дожидается... (*Козыренко беретъ шапку. Дворникъ уходитъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА (*вбѣгая*).

Куда ты? Куда? Дороже она тебѣ матери-то? Постыдись...

КОЗЫРЕНКО.

Ну що вы вздурились? Жениться я, что ли, пошелъ? Приду... Побалакаю да приду.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Не придешь... Знаю, что не придешь...

КОЗЫРЕНКО.

Ахъ ты, Боже мой!

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Поклянись, что ночевать вернешься до дому.

КОЗЫРЕНКО.

А щобъ меня собаки съѣли, если я не приду черезъ 5 минутъ! (*Уходитъ. Марья Ниловна тревожно смотритъ то въ окно, то на часы*).

АПОЛЛОНОВЪ (*входитъ*).

Миръ вамъ!

МАРЬЯ НИЛОВНА (*отирая слезы*).

Ходите-ка къ намъ! Сейчасъ Митенька придетъ. Садитесь.

АПОЛЛОНОВЪ.

Сяду я за столъ да подумаю... (*Садится*).

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Не женаты вы еще?

АПОЛЛОНОВЪ.

Гм! До нѣкоторой степени женатъ.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Лучше это, батюшка мой. Вздору меньше въ голову лѣзетъ. Я вотъ все и Митенькѣ говорю, женился бы, какъ слѣдуетъ, на порядочной барышнѣ, какъ всѣ люди...

АПОЛЛОНОВЪ.

Онъ женится на славѣ.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Убѣжалъ вотъ за этой особой и не идетъ. Она вскружила голову-то.

АПОЛЛОНОВЪ (*разсѣянно*).

Кто это?

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Да эта... Вѣра Николаевна.

АПОЛЛОНОВЪ.

Ага. (*Вздыхаетъ*). Сяду я за столъ да подумаю, какъ безъ денегъ жить, у кого занять.

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Если вы насчетъ денегъ къ Митенькѣ, такъ у насъ нѣтъ. Сегодня послѣднія на базаръ потратила.

АПОЛЛОНОВЪ.

Базаръ житейской суеты... Да-а... Денегъ вообще теперь мало въ обращеніи. Но если хорошенько порядочнаго человѣка потрясти, то всегда высыплется нѣсколько золотыхъ...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Ужъ Митеньку-то, слава Богу, трясутъ хорошо... Вотъ и эта барыня: подожду, говоритъ, Дмитрія Константиновича, возьму у него денегъ и уѣду... Что мы, сами, что ли, деньги дѣлаемъ?

КОЗЫРЕНКО

(*входитъ разстроенный и задумчивый*).

Хм!?. (*Къ Аполлонову*). Чего вамъ?

АПОЛЛОНОВЪ.

На пару словъ: такъ сказать, побыть съ тобою въ tête-à-têt'ѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ...

КОЗЫРЕНКО.

Да говорите прямо...

МАРЬЯ НИЛОВНА.

Денегъ имъ, конечно... А гдѣ у насъ?

АПОЛЛОНОВЪ.

Пять цѣлкашей, поди, у всякаго найдется? Это не пять тысячъ...

КОЗЫРЕНКО.

Нема! (*Задумчиво ходитъ*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Это обидно. А еще извѣстный художникъ!..

КОЗЫРЕНКО (*раздраженно*).

А ну васъ къ чорту! (*Уходитъ въ мастерскую*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Ну, времена! Ну, нравы! Поголовное безденежье... Пойду искать по свѣту... (*поднимается, прощается съ Марьей Ниловной и тихо выходитъ*).

МАРЬЯ НИЛОВНА

(*заглядываетъ въ мастерскую*).

Все ходитъ, ходитъ... Хорошо, хоть домой-то пришелъ... (*садится къ столу*). Уфъ! какъ гора съ плечъ! (*Счастливо улыбается*).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бѣдно обставленная „комната отъ квартирантовъ“. Окно на половину прикрыто газетой. На столѣ—остывшій самоваръ, свѣча въ бутылкѣ. Справа и слѣва кровати: одна пустая и, близъ нея, на стѣнкѣ, виситъ цвѣтная шелковая юбка; въ углу—комодъ и на немъ—слѣды разрушеннаго женскаго туалета. На полу соръ: тесемки, лоскутки, изломанный японскій вѣеръ. Кронинъ, исхудалый, пришибленный, сидитъ на постели и тупо смотритъ на полъ. Нѣкоторое время — молчаливая картина, затѣмъ входитъ Аполлоновъ.

АПОЛЛОНОВЪ

(удивленно озирая комнату).

Что сіе означаетъ? Переѣзжаете? (*Снимаетъ пальто и бросаетъ на пустую кровать*). Гдѣ барыня-то?

КРОНИНЪ.

Уѣхала...

АПОЛЛОНОВЪ

Куда? Я недавно видѣлъ ее на выставкѣ: стоитъ и любуется на свой портретъ... (*Здоровается*).

КРОНИНЪ.

Уѣхала... совсѣмъ. Я—одинъ, совершенно одинъ.

АПОЛЛОНОВЪ.

А что у тебя рука-то горячая?

КРОНИНЪ.

Лихорадка... Садитесь!

АПОЛЛОНОВЪ.

Выпей коньяку, завернись съ головой въ одѣяло и плюнь на все. Сномъ всякая гадость проходитъ... Что же она, барыня-то?.. Черти!..

КРОНИНЪ.

Оставьте пожалуйста!..

АПОЛЛОНОВЪ.

А ты не хнычь! Какой ни на есть, а все-таки мужчина! Съѣхались, перепутались и разъѣхались,—я вотъ какъ гляжу на это дѣло. Обыкновенная вещь. (*Кронинъ идетъ къ окну и стоитъ тамъ, не оглядываясь*). Романъ безъ подкладки!.. (*Увидя на стѣнѣ юбку*). Заторопилась барыня: и юбочку оставила. Значитъ, вернется... И туфли!.. (*Беретъ изъ-подъ кровати туфлю и стукаетъ по подошвѣ*). Вотъ оно гдѣ, подбашмачное-то состояніе! (*Бросаетъ*). Сперва туфелька новая и сидѣть подъ ней такъ пріятно, что и вылѣзать не хочется, а потомъ... Николай! Да плюнь ты на это дѣло! Будетъ тебѣ въ окошко-то глядѣть.

КРОНИНЪ (*не оборачиваясь*).

Что вамъ надо?

АПОЛЛОНОВЪ.

А гдѣ ваша Арина? Неужто съ собой взяла?

КРОНИНЪ.

Взяла.

АПОЛЛОНОВЪ

Вотъ-тѣ фунтъ!.. (*Смѣется*).

КРОНИНЪ.

Что жъ тутъ смѣшного?.. (*Ходитъ*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Баба ничего себѣ. Довольно умная... (*Подходитъ къ столу и стукаетъ по самовару*). Остылъ, мѣдный чортъ! Все остываетъ, а не то, что баба.

КРОНИНЪ.

Оставьте этотъ тонъ! Неужели вы не понимаете, что

въ данный моментъ онъ неумѣстенъ, неделикатенъ?.. (*Опять останавливается у окна*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Я вѣдь не о Вѣрѣ Николаевнѣ, а вообще... Что такое женщина? Мягкій чортъ, не больше! Не даромъ про нее поется: „плачетъ, смѣется, а отвернется“ (*подмигиваетъ*). А чайку не дурно бы!.. Съ коньячкомъ... Угости, драматургъ, коньякомъ!

КРОНИНЪ.

Нѣтъ у меня денегъ.

АПОЛЛОНОВЪ.

Вотъ онѣ, драмы-то съ настроеніемъ!..

КРОНИНЪ.

Оставьте! Ничего не понимаете...

АПОЛЛОНОВЪ.

А ты не огрызайся! Другъ я тебѣ или нѣтъ? Родной или двоюродный? (*идетъ къ двери и, отворивъ ее, кричитъ*). Белла Донна! Пожалуйте-ка сюда! Извольте три цѣлковыхъ и купите полбутылки коньяку. Понимаете, что такое коньякъ? (*голосъ Василисы за дверью: „тамъ, поди, знаютъ“*). Отъ лихорадки. Потомъ фунтъ вареной колбасы, два лимона и булокъ копѣекъ на 20. (*Голосъ Василисы: „роговъ, что ли, или розановъ?“*). Валяй роговъ! Исключительно роговъ! (*отходитъ отъ двери*). Выпьемъ! Талантъ необходимо поливать. Я былъ долженъ тебѣ 50 цѣлковыхъ. Теперь за мной останется 47. Слышишь?

КРОНИНЪ.

Хорошо, хорошо...

АПОЛЛОНОВЪ.

Давно твоя барыня „дирка“ задала?

КРОНИНЪ.

Я васъ еще разъ прошу: оставьте этотъ разговоръ и... дурацкій тонъ!..

АПОЛЛОНОВЪ.

Ну, чортъ съ вами... Тебя же жалѣю...

КРОНИНЪ.

Не жалѣйте! Пожалуйста, не жалѣйте! Прошу васъ.

АПОЛЛОНОВЪ.

Ну наплевать! (*Беретъ со стола самоваръ и выставляетъ за дверь*). Белла Донна! Нагрѣйте эту машину до 80° по R. (*Голосъ отставного губ. секретаря за дверью: „смѣю замѣтить, прислуга не вернулась“*). Прикажите нагрѣть до полнаго кипяченія! (*Отходитъ отъ дверей*). Слышалъ? „Крокодиловы слезы“ провалились! Стрѣльскій убѣжалъ послѣ второго дѣйствія и до сихъ поръ его не могутъ изловить. Вчера въ „Молву“ приходила его жена съ двумя младенцами и слезно просила Ухова отыскать ей законнаго мужа...

КРОНИНЪ (*съ больной улыбкой*).

Гдѣ же онъ, бѣдняга?

АПОЛЛОНОВЪ.

Третьяго дня, ночью, я видѣлъ его въ трактирѣ „Плевна“... Онъ палъ подъ Плевной. Лежалъ на грязномъ диванѣ съ откинутой рукой и на лицѣ его блуждала счастливѣйшая улыбка...

КРОНИНЪ.

Я ему говорилъ...Не повѣрилъ... Подумалъ, завидую...

АПОЛЛОНОВЪ.

А вѣдь вотъ нѣтъ тамъ у него никакого „настроенія“. И все-таки крышка!.. Даже посвистывали изрѣдка... (*Пауза*). Я, Николай, водевиль написалъ... Чортъ его знаетъ... Можетъ, прочитаешь? а?

КРОНИНЪ.

Не могу я... Оставьте меня!

ВАСИЛИСА (*входитъ съ покупками*).

Вотъ вамъ: коньякъ, колбаса, лимоны, булки и сдачи рубь и 12 коп.

АПОЛЛОНОВЪ.

Спасибо, бабенція! 12 возьми себѣ... на первое обзаведеніе... Какъ тебя ругаютъ-то?

ВАСИЛИСА (*съ кокетствомъ*).

Василисой раньше звали, а теперь—не знаю, какъ, забыла...

АПОЛЛОНОВЪ.

Чай пила и булки ѣла, позабыла съ кѣмъ сидѣла? А по батюшкѣ-то какъ?

ВАСИЛИСА.

Кузьмой отца-то звали. На Кузьму и Демьяна именинникъ бываетъ.

АПОЛЛОНОВЪ.

Выходитъ, Василиса Кузьмодемьяновна?..

ВАСИЛИСА.

Шутникъ какой баринъ! (*голосъ за дверью отставного губ. секретаря: „смѣю просить не отвлекать мою прислугу отъ ея прямыхъ обязанностей“*) Бѣжать надо... ворчитъ мой...

АПОЛЛОНОВЪ.

Такъ вотъ что, Василиса Кузьмодемьяновна. (*Василиса останавливается въ дверяхъ*). Возьмите у кума-пожарнаго сапогъ съ длиннымъ голенищемъ, напяльте на самоваръ...

ВАСИЛИСА.

Подогрѣть только... Угли у меня горячіе въ плитѣ... (*Скрывается*).

АПОЛЛОНОВЪ (*въ дверь*).

Штопоръ еще! Штопоръ! (*Пауза*). Про Козыренку читалъ?

КРОНИНЪ.

Нѣтъ.

АПОЛЛОНОВЪ.

Теперь онъ въ ходъ пойдетъ. За портретъ-то Вѣры Николаевны его расхваливаютъ на всѣ корки. Ты на выставкѣ-то былъ?

КРОНИНЪ.

Нѣтъ, не былъ.

АПОЛЛОНОВЪ.

Публики около этого портрета—не продерешься. Словно вора на улицѣ поймали... Не портретъ тутъ важенъ, а бабья мордочка. Черти проклятые! Какъ мухи—на медъ. Все больше нашъ братъ, мужской родъ.

Бабы,—тѣ подойдутъ, скажутъ (*передразнивая*): „ну ужъ! ничего особеннаго“ и рыла воротятъ... А нашъ братъ...

КРОНИНЪ.

Закрылась выставка?

АПОЛЛОНОВЪ.

Вчера. Двѣ тысячи, говорятъ, давалъ какой-то дуракъ за портретъ-то...

КРОНИНЪ.

Почему же вы думаете, что дуракъ...

АПОЛЛОНОВЪ.

Да развѣ умный человѣкъ дастъ двѣ тысячи за бабій портретъ?

КРОНИНЪ.

Продалъ онъ? не знаете?

АПОЛЛОНОВЪ.

Дуракъ, если не продалъ. Счастье чорту проклятому!

ВАСИЛИСА (*съ самоваромъ*).

Вотъ у меня и готово! Я проворная. Теперь у васъ все въ порядкѣ?.. Кушайте себѣ! (*Уходитъ*).

АПОЛЛОНОВЪ.

У насъ все въ порядкѣ... Иди съ миромъ! (*Раскупориваетъ бутылку, хозяйничаетъ съ чаемъ*). Выпьемъ, Николай! Бери,—я налилъ. (*Кронинъ ходитъ, потомъ молча подходитъ, пьетъ и опять ходитъ*).

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ

(*заглядываетъ въ дверь*).

Имѣю честь покорнѣйше просить о разрѣшеніи войти!

АПОЛЛОНОВЪ.

Имѣемъ честь разрѣшить. (*Отставной губернскій секретарь, въ халатѣ и синихъ очкахъ, входитъ*).

КРОНИНЪ.

Что вамъ угодно?

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ

(*раскланиваясь*).

Имѣю честь напомнить вамъ, многоуважаемый Николай Григорьевичъ, что мной до настоящаго времени не получено за квартиру, занимаемую вами...

АПОЛЛОНОВЪ.

А вы—покороче! Какого чорта...

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ

(*обидѣвшись*).

Я имѣю честь говорить съ Николаемъ Григорьевичемъ! (*Продолжаетъ*). Занимаемую вами за время съ 25 декабря с. г.

КРОНИНЪ.

Сейчасъ не могу... Подождите...

АПОЛЛОНОВЪ.

Не пропадетъ.

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ.

Однако, смѣю спросить о продолжительности срока, въ теченіе коего надлежитъ ожидать.

АПОЛЛОНОВЪ.

Ну, сказано — нѣтъ денегъ! Когда будутъ, тогда и получите.

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ.

Смѣю замѣтить, что на непотребства (*указываетъ на бутылку*) деньги имѣются въ надлежащемъ количествѣ, а на уплату долговъ чести...

АПОЛЛОНОВЪ (*крикливо*).

А вы, чортъ васъ возьми, поосторожнѣе! Нынче хорошая плюха—пять цѣлковыхъ, а иногда можно дать и за три...

КРОНИНЪ.

Перестаньте, не вмѣшивайтесь!

АПОЛЛОНОВЪ (*вспыльчиво*).

Другъ ты мнѣ или нѣтъ? Я не позволю! Я плюхъ надаю!

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ.

Смѣю замѣтить, что я — губернскій секретарь и плюхъ никогда не получалъ, а...

АПОЛЛОНОВЪ.

Ну, такъ получите. Недолго!..

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ.

...А, напротивъ, имѣю орденъ св. Станислава 3-й степени и медаль въ память истекшаго...

АПОЛЛОНОВЪ (*обрывая*).

Уходите!

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ

(*пятясь къ двери*).

Вы тамъ изволите сочинять и писать въ газетахъ, что ли... Смѣю замѣтить, что я не боюсь, гг. писатели и читатели. (*Изъ-за двери*). Я самъ выписываю „Русь" и... ничего не боюсь!.. (*Исчезаетъ*).

АПОЛЛОНОВЪ.

А чорртъ! Крыса!..

КРОНИНЪ (*умоляюще*).

Перестаньте!.. Надоѣло! Идите, голубчикъ, домой!

АПОЛЛОНОВЪ.

За тебя обидно! черрти!.. (*Пьетъ чай. Кронинъ садится на кровать*).

ВАСИЛИСА (*заглядывая*).

Тамъ ваша Арина пришла. (*Кронинъ встаетъ*). Пустить ее или прогнать?

КРОНИНЪ.

Позовите! Пусть войдетъ...

ВАСИЛИСА (*оборачиваясь*).

Иди! Допускаютъ!.. (*Пропускаетъ Арину и уходитъ*).

АРИНА (*кланяясь*).

Еще здравствуйте! Чай-сахаръ!

КРОНИНЪ.

Письмо есть?

АРИНА.

Письма никакого нѣтъ. А только мы здѣсь юбку оставили и туфли. (*Аполлоновъ фыркаетъ и давится чаемъ*). Позабыла я...

КРОНИНЪ.

Гдѣ Вѣра? Что съ ней?

АРИНА.

Ничего. Мы, слава Богу, здоровы. Сперва мы къ этому въѣхали... къ пріятелю-то твоему, лохматому... Да ужъ больно у него мать лютая женщина. (*Кронинъ отходитъ къ окну, пораженный этимъ извѣстіемъ*). Заѣла она насъ. Въ номеришкахъ теперь стоимъ... А я хватилась юбки-то, а ея нѣтъ. Инда сердце кровью облилось!.. Ладно еще барыня не хватилась... (*показываетъ на юбку*). Вотъ эта самая!

АПОЛЛОНОВЪ.

Съ новосельемъ значитъ?...

АРИНА.

Такъ если отъ васъ препятствія не будетъ,—я сыму юбку-то?

АПОЛЛОНОВЪ

(*снявъ юбку и встряхивая ее*).

Вотъ тебѣ юбка! Отдай барынѣ: мы народъ честный. (*Отдаетъ юбку и поднимаетъ туфли*). Туфли не отда-

димъ. Не можемъ. Туфли — на память! Такъ и скажи: одну—ему, другую мнѣ. Поняла, чортова кукла? (*Ставитъ туфли на стулъ*).

АРИНА (*свертывая юбку*).

Что же... Отдайте ужъ и туфли! Какая вамъ въ нихъ корысть? а барыня хватится, — меня ругать будетъ... (*Пауза*). Что же, не отдадите?

АПОЛЛОНОВЪ

(*руки въ карманахъ брюкъ*).

Нѣтъ. На память! На память о вѣчной любви. Такъ и скажи своей барынѣ...

КРОНИНЪ (*со злобой*).

Будетъ паясничать! (*Схватываетъ туфли и бросаетъ ихъ къ Аринѣ*). На! Убирайся! Оставьте меня всѣ! (*Къ Аполлонову*). И вы... всѣ вы... всѣ... мнѣ... омерзѣли!.. (*Бросается на постель и отвертывается къ стѣнѣ*).

АРИНА (*поднимаетъ туфли*).

Счастливо оставаться! (*Шопотомъ*). Не взыщите ужъ!

АПОЛЛОНОВЪ (*тихо*).

Кланяйся и благодари!.. (*Арина на цыпочкахъ выходитъ изъ комнаты. Пауза*). Давно бы легъ и успокоился... Есть о чемъ: меня нѣсколько разъ бросали. Меня бросить одна, а я за это—двухъ. И никакихъ трагедій не выходило, а водевили случались. Все чинно, благородно, какъ оно и слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ. (*Ѣстъ, пьетъ чай. Долгая пауза. Кронинъ лежитъ неподвижно. Аполлоновъ встаетъ, идетъ на цыпочкахъ и осторожно накрываетъ Кронина своимъ пледомъ. Потомъ опять садится къ столу. Наступаютъ сумерки. Часы за*

стѣной бьютъ 5. Въ тишинѣ слышенъ голосъ Козыренки „дома?“ Аполлоновъ вскакиваетъ и тихо впускаетъ Козыренку въ комнату. Грозитъ пальцемъ). Тсс!.. Только сейчасъ уснулъ... (*Шопотомъ*). Получите въ приданое юбку и туфли... сверхъ абонемента...

КОЗЫРЕНКО (*сердито*).

Что такое?

АПОЛЛОНОВЪ.

Все, значитъ, къ вамъ переѣхало: и слава, и любовь, и даже... Арина.

КОЗЫРЕНКО (*тихо, но вспыльчиво*).

Бросьте шутки! Надо же знать время! (*Подходитъ къ постели Кронина*).

АПОЛЛОНОВЪ.

Вы его не будите. Только заснулъ. Жалко все-таки... (*Кронинъ садится въ постели и смотритъ въ землю*).

КОЗЫРЕНКО.

Николай! (*протягиваетъ руку. Кронинъ остается неподвиженъ*). Николай! Надо сперва выслушать... (*Съ дрожью въ голосѣ*). Послушай: не оскорбляй! (*Кронинъ молча указываетъ рукой на дверь*). Остановись! Не оскорбляй! (*къ Аполлонову*). Будьте добры: оставьте насъ вдвоемъ!

АПОЛЛОНОВЪ

(*одѣвается, стаскиваетъ съ постели плэдъ*).

А чортъ съ вами и съ вашими водевильными романами! Прощайте! (*Въ дверяхъ*). Николай! Моя подруга велѣла тебѣ сказать: переѣзжай къ намъ! Чортъ съ

ней! (*Уходитъ. Козыренко плотно затворяетъ дверь и садится на пустую кровать. Пауза*).

КОЗЫРЕНКО.

Николай! Я тебя, какъ мать свою, люблю... и глубоко уважаю... (*Кронинъ обидно ухмыляется*). Но за что жъ ты меня оскорбляешь, не желая жъ даже меня выслушать? (*Молчаніе*). Ну, Богъ съ тобой! Я понимаю твое душевное состояніе и... потому... я прощаю тебѣ и оскорбленіе, и сомнѣніе. Ты знаешь. Я не трусъ и не умѣю, и не стану изъ-за угла подличать. (*Пауза*).

КРОНИНЪ (*сдавленно*).

Говорите, говорите...

КОЗЫРЕНКО.

Ты думаешь, что во всемъ этомъ... несчастіи я виноватъ? Да ей-Богу жъ...

КРОНИНЪ.

Я ничего не знаю... Ничего! Если она перестала меня любить, если я сталъ ей противенъ, а вы--милъ... Ну, что жъ? Противъ этого ничего не скажешь и ничего не сдѣлаешь... Пусть такъ, все равно. Но... но зачѣмъ обманъ? ложь? тайна? Это... (*совсѣмъ тихо*) гадко, омерзительно гадко!

КОЗЫРЕНКО.

Погоди!

КРОНИНЪ.

Я—не дикарь, Дмитрій Константиновичъ. Я бы понялъ. Зачѣмъ тайна? ложь? Я этого не заслужилъ. Нѣтъ! Это до глубины души оскорбительно... Какъ бы

тамъ ни было, вы оба знали, что я ее люблю. И вотъ поэтому-то... да. (*Въ голосѣ почти слезы*).

КОЗЫРЕНКО.

Послушай! Не оскорбляй же меня! Ну если бы я могъ выворотить всю свою душу наизнанку, то я сдѣлалъ бы это. Никогда— слышишь? никогда раньше мы не говорили съ ней о томъ, что теперь случилось... (*Подсаживается къ Кронину и кладетъ ему на плечо руку*). Ты не вѣришь? Скажи: ты мнѣ пересталъ вѣрить? За что?

КРОНИНЪ (*нѣжно*).

Я не знаю... Ничего не знаю...

КОЗЫРЕНКО.

Ну, пусть меня Богъ накажетъ, если я тутъ виноватъ хоть въ чемъ-нибудь! Я не зналъ и теперь не знаю, что между вами произошло такое. Только на выставкѣ я замѣтилъ, что Вѣра Николаевна грустна, не слушаетъ... Я спросилъ: „что съ вами?“ Она сказала, что скучаетъ по умершей матери... Потомъ она говорила, что скучно жить, когда никому ненуженъ, и что людямъ надо перестраиваться заново... Теперь-то это понятно, а тогда, ей-Богу, я даже не далъ этимъ словамъ никакого значенія... Больше я ничего не знаю. Тогда же она выкинула эту штуку съ портретомъ...

КРОНИНЪ.

Не говори громко. Тамъ, навѣрно, подслушиваютъ, и это мнѣ непріятно. Ну... давай руку!.. (*Жметъ ему руку*).

КОЗЫРЕНКО (*грустно*).

Э-э, братъ! У тебя совсѣмъ нѣтъ силы... Ты ослабъ... А рука горячая...

КРОНИНЪ.

Все равно... Ты меня, Дмитрій, извини ужъ... Я не владѣю больше собой и... иду за кѣмъ-то страшнымъ, непонятнымъ и сильнымъ, который тянетъ меня въ яму...

КОЗЫРЕНКО.

Полно, Николай! Зачѣмъ такъ говорить? Нѣтъ такой ямы, изъ которой умный и талантливый человѣкъ не выползъ бы.

КРОНИНЪ (*устало*).

Нѣтъ. Надоѣло карабкаться. Усталъ ужъ очень. Только ухватишься за край, а тебя по рукамъ, по головѣ! И обрываются руки... И силенки ужъ больше нѣтъ... (*Беретъ руку Козыренко*). Видишь: сильнѣе этого я не могу сжать тебѣ руку.., Да, братъ... Сколько злобы, зависти, пошлости встаетъ передъ человѣкомъ, когда онъ хочетъ идти своей дорогой!.. Вездѣ такъ, и среди насъ. служащихъ святому дѣлу искусства...

КОЗЫРЕНКО.

Перестань! Никуда ты не падалъ, а просто тебѣ подъ ноги подставили этотъ... „чужой аршинъ“, а ты хотѣлъ его перескочить и споткнулся... И все-таки когда-нибудь перескочишь. Все минется, одна правда останется И ты самъ это увидишь... и напишешь еще много драмъ, сильныхъ, яркихъ, оригинальныхъ...

КРОНИНЪ (*улыбаясь*).

Оставь, Дмитрій! Я — не юноша, и меня незачѣмъ утѣшать.

КОЗЫРЕНКО.

Да я тебя не утѣшаю, а говорю правду, въ которую вѣрю...

КРОНИНЪ.

Если бы я не вѣрилъ въ свое дѣло, я давно писалъ бы „Крокодиловы слезы“. Въ торжество дѣла я вѣрю, но... въ себя нѣтъ... Больше я ничего не напишу и... ничего не увижу... Я думалъ, что я большой (*грустно улыбается*), а я совсѣмъ маленькій! У меня нѣтъ больше ничего: все пропало, улетѣло и теперь я—кожура, только кожура... И наплевать!.. Крестъ такъ крестъ...

КОЗЫРЕНКО.

Да перестань ты!.. Отъ еще, ей-Богу, человѣкъ!

КРОНИНЪ.

Надо умѣть смиряться съ ямой, когда тебя уже свалили туда. Но вотъ, брать, что обидно: зря жизнь потрачена... Обидно!.. Всѣ силы ушли на борьбу мелочную, скучную и грязную, и въ ней... (*махнувъ рукой*) утонулъ я... Ну, все равно. А вотъ Вѣра ушла и ушла такъ нехорошо... точно плюнула мнѣ въ душу... А тамъ, въ душѣ-то, было столько любви къ ней, странной и непонятной... За что я ее люблю? Не знаю... Ничего не знаю...

КОЗЫРЕНКО.

Она вернется. Горячая душа... Огонь. Вспыхнетъ и потухнетъ.

КРОНИНЪ.

Никогда. Она оставила мнѣ только два слова... на лоскуткѣ бумаги... Я ее обидѣлъ, ужасно обидѣлъ... Какъ-то нечаянно я сказалъ, что она... мнѣ... мѣшаетъ... Со злости сказалъ. Проклятая нужда! Въ жизнь любящихъ другъ друга людей она вноситъ страшную прозу, незамѣтную, сѣренькую, но сильную, и въ ней тускнетъ поэзія любви... и вянутъ всѣ ея розы... вянутъ!..

(*Пауза*). Скажи мнѣ, Дмитрій, прямо, искренно, какъ честный человѣкъ честному человѣку: ты любишь Вѣру? (*Молчаніе*). Помнишь: ты когда-то говорилъ, что только этотъ кусочекъ счастья... (*Грустно ухмыляется и замолкаетъ*). Утратилъ ты это желаніе или нѣтъ? Скажи! Прямо!..

КОЗЫРЕНКО (*встряхнувъ головой*).

Да какъ тебѣ сказать? Бредъ-то прошелъ, а теперь такъ, осталось, какъ далекое эхо... Теперь мы съ ней просто друзья и больше ничего...

КРОНИНЪ (*грустно*).

Мнѣ ее жаль, страшно жаль! (*Пауза*). Ты меня прости, Дмитрій! Не помни! Я, вѣдь, совершенно боленъ, пришибленъ.

КОЗЫРЕНКО.

Да перестань же-жъ ты, пожалуйста, прощенья-то просить! За что тутъ прощать? Быть можетъ, на твоемъ мѣстѣ я поступилъ бы хуже... (*встаетъ и ходитъ*). А что жъ его дѣлать?

КРОНИНЪ.

Не знаю. Быть можетъ, ты поѣдешь туда и какъ-нибудь все это уладится. Надо тихо, ласково... Съ ней надо осторожно. Очень осторожно.

КОЗЫРЕНКО.

Не могу. Прямо не могу. Ну какъ я посмотрю ей въ глаза? Ну что я скажу? Я лучше ей напишу... прямо, откровенно.

КРОНИНЪ (*задумчиво*).

Что она надѣлала! Дурочка моя... бѣдная! У ней

нѣтъ ни одного близкаго человѣка... Она—одна, совершенно одна. И ты не знаешь...

КОЗЫРЕНКО.

Вернется.

КРОНИНЪ.

Никогда. Я ее знаю. Она что-нибудь скверное придумаетъ... Боюсь...

КОЗЫРЕНКО.

На выставкѣ-то что продѣлала. Просто удивительно! Все ходила, смотрѣла на свой портретъ. Сядетъ и смотритъ, слушаетъ, что говорятъ. А вчера подошелъ ко мнѣ этотъ... какъ его, чорта?.. меценатъ изъ толстобрюхихъ? Да этотъ... Поярковъ! ну вотъ и сталъ предлагать за портретъ двѣ тысячи... А Вѣра Николаевна услыхала, спугалась она, что ли, что я продамъ,—ужъ не знаю тамъ. Только вдругъ выдернула изъ головы шпильку и трахъ! Пропорола полотно черезъ оба глаза и носъ. Въ одно мгновенье! (*за дверью шумъ и пьяный голосъ Стрѣльскаго. Дверь растворяется*).

СТРѢЛЬСКІЙ (*на порогѣ*).

Ну вотъ и я! Чего же вы удивились? Что страннаго нашли во мнѣ? (*Входитъ*). Привѣтъ, товарищи, свободные художники, непризнанные геніи и развѣнчанные кумиры! (*Подаетъ руку Козыренкѣ*). Великому маэстро Пузыренкѣ!.. (*Кронину*). Такъ храмъ разрушенный все жъ храмъ, кумиръ поверженный все жъ—богъ! О чемъ шумите вы, народные витіи? Ахъ, холодно на улицѣ. Брр!.. Холодно, голубчики, холодно, голодно, родимые, голодно. И грустно.

КОЗЫРЕНКО.

Что такъ?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Мнѣ грустно потому, что весело тебѣ.

КОЗЫРЕНКО.

Не весело... Очень даже не весело.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Зачѣмъ говоришь такъ гордо? Талантъ въ себѣ чувствуешь? а? (*декламируетъ*). „Но намъ ли всѣмъ—подумайте о томъ!—талантами гордиться и умомъ, когда нашъ умъ зависитъ... отъ чего же? Отъ пищи и желудка. Правый Боже“! Такъ сказалъ великій Байронъ... А Байронъ, пожалуй, имѣлъ право гордиться болѣе васъ, г. Пузыренко. А? Нѣтъ ли, господа свободные художники, чего-нибудь съѣстного? Я цѣлый день не ѣлъ. (*Декламируетъ*). „Скорби душевной я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно требуетъ пищи себѣ и меня забывать заставляетъ все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно заботясь“.

КОЗЫРЕНКО.

Хотите колбасы? Вонъ тамъ, на столѣ...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Колбаса... Что жъ, и Байронъ, навѣрно, ѣлъ колбасу... (*ѣстъ*). Такъ сказалъ великій Шекспиръ: „тощъ мозгъ у толстыхъ брюхъ. Кормись роскошной пищей,—такъ растолстѣешь весь, а умъ твой станетъ—нищій!“ (*Ѣстъ, разговаривая съ колбасой*). Свинья отъ свиньи и свиньей будешь съѣдена. Гм... господа! Когда свиньи будутъ въ состояніи взглянуть на небо,—произойдетъ полный переворотъ подъ луннымъ міромъ. (*Ѣстъ*). Но увы! Увидитъ ли когда-нибудь свинья небо?—Вотъ вопросъ!..

КОЗЫРЕНКО.

Вы, Стрѣльскій, не были дома? Васъ ищетъ жена...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Пусть каждый думаетъ о собственной женѣ. Вотъ я смотрю на одръ сей (*указываетъ на пустую кровать*) и думаю: пусть каждый печется самъ о своей женѣ!.. (*Молчаніе*). Гдѣ она? ваша муза-вдохновительница? Ваша женщина съ настроеніемъ? „Ее ужъ нѣтъ, а я страдаю“?

КОЗЫРЕНКО.

Вамъ надо идти домой и хорошенько выспаться.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Спи, кто можетъ, я спать не могу. Да-съ! (*иронически хрипло поетъ*).

Прощай вино въ началѣ мая,
А въ сентябрѣ прощай любо-о-вь.
А въ сентябрѣ прощай любо-о-вь...
А въ сентябрѣ...

ОТСТАВНОЙ ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ

(*заглядывая въ дверь*).

Громкое пѣніе совмѣстно съ бранью, а равно свистъ, пляска и тому подобное въ моей квартирѣ строго...

СТРѢЛЬСКІЙ (*поднимаясь*).

Входъ сюда строго возбраняется! (*Идетъ къ двери, отставной губернскій секретарь скрывается. Стрѣльскій идетъ опять къ столу*). Теперь, если позволите, я выпью, г. Пузыренко, за вашу славу. Виватъ, Пузыренко!

КРОНИНЪ (*ласково*).

Стрѣльскій, не кричите: я не совсѣмъ здоровъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Да, братъ, пришелъ чередъ пить за его славу, потому что твоя испарилась, исчезла, какъ дымъ. Дунулъ вѣтеръ, и дымъ разсѣялся. Ибо что есть слава? Слава есть огонь божественный, на который съ немногими орлами слетаются тучи всякихъ бабочекъ и букашекъ. Букашки обжигаютъ себѣ крылышки и сгораютъ на этомъ огнѣ...

КОЗЫРЕНКО.

Да ну, будетъ философствовать!

СТРѢЛЬСКІЙ (*не слушая*).

И отъ нихъ не остается даже пепла; и только орлы не сгораютъ и подхватываются вихремъ пламени еще выше, туда, къ небесамъ! (*Беретъ бутылку и смотритъ*). Пусто, нечѣмъ даже почтить васъ, мошки, букашки и черные таракашки!

КРОНИНЪ.

Вѣрно... Мошки и букашки...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы хотите сказать, что я букашка?

КОЗЫРЕНКО.

Ну, добре, добре, нехай по вашему: всѣ мы букашки!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Да-съ, я букашка, но и вы, г. Кронинъ, не—орелъ;

нѣтъ! вы — козявка, не больше. Вы вообразили себя Ибсеномъ? Эхъ, лягушка на лугу увидѣвши вола...

КОЗЫРЕНКО.

Слушайте! Я вамъ говорю: довольно!

СТРѢЛЬСКІЙ.

И ну—топорщиться, пыхтѣть и надуваться...

КРОНИНЪ.

Уходите, Стрѣльскій, домой. Вы совершенно пьяны.

СТРѢЛЬСКІЙ.

И кончила, бѣдняжка, тѣмъ, что лопнула и околѣла... Лопнула, г. Кронинъ, околѣла!

КОЗЫРЕНКО.

Вотъ что: нехай тамъ ваша жаба лопнула... Но ежели мое терпѣніе лопнетъ, такъ тогда не прочухаетесь...

СТРѢЛЬСКІЙ.

Что такое-съ?

КОЗЫРЕНКО.

Николай Григорьевичъ нездоровъ. Не кричите!

СТРѢЛЬСКІЙ.

И пусть! Надо смотрѣтъ спокойнымъ взоромъ философа на жизнь и на смерть. Не велика бѣда, если мы съ нимъ издохнемъ. Для искусства это ничто, одинаковое ничто, какъ онъ, такъ и я, (*декламируетъ*). „Ты жилъ, чтобъ ѣсть, сносить презрѣнье и умеръ смертію скота, вдругъ околѣвшаго въ забвеньи... Межъ нами

разница лишь та, что ты имѣлъ пышнѣй корыто и хлѣвъ"... (*озираясь*). А хлѣвъ, братъ, незавидный, не лучше моего...

КОЗЫРЕНКО.

Прошу: уйдите! Ради Бога, уйдите!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вотъ какъ? Вы что же, господа свободные художники съ „настроеніемъ"? Вы полагаете, что за вашу колбасу я буду пѣть вамъ дифирамбы?

КОЗЫРЕНКО.

Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Не кричать! Отставныя знаменитости! Заштатные таланты! Декадентствующіе идіоты! (*Идетъ къ двери и оглядывается*). Вотъ какъ?! (*Показываетъ на пустую кровать*). Передъ пожаромъ тараканы изъ дому выползаютъ, а передъ литературной смертью... любовницы сбѣгаютъ...

КОЗЫРЕНКО.

Вонъ, я тебѣ говорю, сатана! (*Хватаетъ Стрѣльскаго за плечи и вышвыриваетъ за дверь. Вдали крикъ отставного губернскаго секретаря, Василисы, звонъ разбитаго стекла и хриплое, постепенно удаляющееся пѣніе Стрѣльскаго: „прощай вино въ началѣ мая, а въ сентябрѣ прощай любовь". Кронинъ лежитъ въ постели, поджавъ ноги, и безмолвствуетъ. Козыренко долго ходитъ взволнованно и бунчитъ мотивъ: „Віютъ витры, віютъ буйны", потомъ онъ зажигаетъ свѣчу и пишетъ письмо Вѣрѣ*).

КРОНИНЪ (*тихо*).

Дмитрій! Поди сюда, ближе! Я хочу тебя спросить:

не знаешь ты законовъ о литературномъ наслѣдствѣ? (*Конфузливо*). У меня ничего нѣтъ, а все-таки кое-что успѣлъ я написать. Хочу Вѣрѣ... на память...

КОЗЫРЕНКО.

Мм... Это узнаемъ. Голубчикъ, что жъ ты такъ поблѣднѣлъ?

КРОНИНЪ.

Это ничего... пустяки... (*Пауза*).

КОЗЫРЕНКО.

Можетъ, воды тебѣ?

КРОНИНЪ.

Нѣтъ, не надо. (*Козыренко, походивъ по комнатѣ, зажигаетъ свѣчу и садится къ столу писать*). Ты хочешь ей писать? Надо осторожно, мягко. Что она будетъ дѣлать?

КОЗЫРЕНКО.

Ну, она, братъ, энергичная. Богъ дастъ, не пропадетъ... Поступитъ опять на сцену...

КРОНИНЪ.

Ты не знаешь... поди-ка сюда!.. Сядь!.. (*Козыренко садится на постель*). Она... бѣдная... знаешь: она будетъ матерью... (*отворачивается къ стѣнѣ. Козыренко сидитъ, пораженный. За стѣной часы бьютъ 6. Кругомъ очень тихо. Доносится густой и глухой гулъ благовѣста ко всенощной; за стѣной раздается вздохъ Василисы и воскли-*

цаніе вполголоса: „Охъ, Господи!“ Тихо раздаются всхлипыванія Кронина въ подушку, переходящія затѣмъ въ рыданіе. Козыренко печально качаетъ головой).

ЗАНАВѢСЪ.

Евгеній Чириковъ.

ДРУЗЬЯ ГЛАСНОСТИ.

ПЬЕСА ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, редакторъ-издатель.
ДМИТРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, секретарь редакціи.
ЕЗОПЪ (псевдонимъ), сотрудникъ газеты.
КОЗЫРЕВЪ, репортеръ.
ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА, конторщица.
КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.
ИЛЬЯ, редакціонный сторожъ.
МЕТРАНПАЖЪ.
КУДРЯВЫЙ, наборщикъ.
ГУБЕРНАТОРЪ.
ОСИПЪ ФЕДОРОВИЧЪ, голова.
БАШМАКОВЪ, подрядчикъ.
ИВАНОВЪ, старшій совѣтникъ.
КОБЕЛЯНСКІЙ, адвокатъ.
МУСИНЪ.
МУСИНА.
АНТРЕПРЕНЕРЪ.
МЕДВѢДСКІЙ, чиновникъ особыхъ порученій.
МАРЬЯ ПЕТРОВНА.
ЖУРНАЛИСТЪ.
БАРЫШНЯ.
ЛАКЕЙ.
КУРЬЕРЪ.

Обыватели разныхъ профессій и положеній, наборщики.

Дѣйствіе происходитъ въ глухомъ губернскомъ городѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Большая комната; направо дверь съ надписью „Редакція“, въ задней стѣнѣ двѣ двери: одна въ типографію, другая въ переднюю. Посреди большой столъ, приготовленный къ торжественной закускѣ. При поднятіи занавѣса изъ типографіи доносится стукъ работающей типографской машины и смѣшанный шумъ голосовъ, шелеста бумаги, шаговъ. Лакей хлопочетъ около стола, Илья стоитъ у дверей въ типографію; Езопъ и секретарь стоятъ у дверей редакціи.

ЕЗОПЪ (*волнуясь*).

Глупѣйшее положеніе! Не слѣдовало являться... Комедія и больше ничего!

СЕКРЕТАРЬ.

Такъ, голубчикъ, нельзя... Необходима извѣстная тактика... Зачѣмъ открывать свои карты преждевременно?

ЕЗОПЪ.

Вы ихъ откроете! вы ихъ должны открыть въ первомъ же номерѣ газеты!

СЕКРЕТАРЬ.

Постойте, не горячитесь... Я ихъ открою, но...

ЕЗОПЪ (*иронически*).

Послѣ обѣда? Ну, а я не чувствую никакого аппетита...

СЕКРЕТАРЬ.

Откроемъ. Но зачѣмъ же сразу кулакъ показывать?!

ЕЗОПЪ.

По моему, лучше—сразу, чѣмъ—изъ кармана... Когда разные Башмаковы да Осипы Федоровичи торжествуютъ вмѣстѣ со мной,—мнѣ хочется всѣхъ послать къ чорту, плюнуть на дѣло и уйти...

СЕКРЕТАРЬ.

Всюду, батюшка, есть извѣстная условность; безъ нея ничего не подѣлаешь. И тактичность требуетъ, чтобы...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ

(*вбѣгая впопыхахъ*).

Родные мои! Что вы со мной дѣлаете? Идите ради Бога туда!.. Какъ же это,—безъ сотрудниковъ?! Что вы, господа?! (*Исчезаетъ*).

ЕЗОПЪ.

Идите! Мнѣ и здѣсь хорошо. (*Уходятъ: Езопъ въ редакцію, секретарь—въ типографію*).

ЛАКЕЙ.

Что же это у тебя выходитъ? Господинъ губернаторъ двумя вилками должны кушать, а голова прямо руками? Это у васъ изъ одной плошки лакаютъ, а здѣсь этого нѣтъ. (*Наводитъ порядокъ*).

ИЛЬЯ.

Машину пробуютъ. Надо поглядѣть. (*Идетъ въ типографію*).

ЛАКЕЙ.

Говорили на пятнадцать персонъ, а налѣзло больше двадцати.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ

(*входитъ страшно озабоченный*).

Все готово?

ЛАКЕЙ.

Ужъ вы не безпокойтесь.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

А почему кресло для губернатора здѣсь?

ЛАКЕЙ.

Ихъ всегда на этомъ мѣстѣ сажаютъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Почему?

ЛАКЕЙ.

Я ихъ, можетъ быть, разъ двадцать сажалъ. У предводителя прошлый разъ они тутъ же были посажены.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Ага! Ну отлично! Пожалуйста, родной мой, ужъ постарайся!

ЛАКЕЙ.

Да ужъ будьте спокойны!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

...Чтобы все было въ порядкѣ, прилично... (*Озабоченно идетъ въ типографію*).

ЛАКЕЙ.

Я въ порядочныхъ домахъ распоряжался... Не знаю я, гдѣ губернатора посадить! Сказали пятнадцать персонъ, а ихъ вонъ сколько налѣзло.

ИЛЬЯ (*вбѣгая, испуганно*).

Идутъ! (*Встаетъ у двери и замираетъ; лакей съ салфеткою подъ мышкой почтительно отходитъ въ сторону. Входятъ: губернаторъ, рядомъ съ нимъ редакторъ-издатель, далѣе голова, Башмаковъ, Мусинъ, Ивановъ, человѣкъ восемь гостей-обывателей и позади всѣхъ—сотрудники, а съ ними и Карпъ Павлычъ. Сотрудники держатся все время на нѣкоторомъ отдаленіи отъ остальной публики*).

ГУБЕРНАТОРЪ (*обозрѣвая комнату*).

Это что же? редакція?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Нѣтъ. Это—будущая контора, ваше превосходительство, а редакція—здѣсь! (*Губернаторъ заглядываетъ въ редакцію и отходитъ; изъ редакціи выходитъ Езопъ*).

ГУБЕРНАТОРЪ.

Весьма приличное помѣщеніе! весьма!

БАШМАКОВЪ.

Я постарался для нихъ, ваше превосходительство!.. Отдѣлалъ по-барски...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Это вашъ домъ?

БАШМАКОВЪ.

Мой-съ, ваше превосходительство! собственный!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Дорогонько только платить придется...

БАШМАКОВЪ (*смущенно*).

Я, вѣдь, постарался, очень израсходовался. Что же, поживемъ-поглядимъ, потомъ скидочку можно будетъ сдѣлать.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Не откажите, ваше превосходительство, раздѣлить съ нами скромную трапезу!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Къ сожалѣнію, не могу: въ моемъ распоряженіи (*смотритъ на часы*) всего нѣсколько минутъ: сейчасъ я долженъ быть въ продовольственномъ комитетѣ.

ГОЛОВА.

Не о единомъ хлѣбѣ, ваше превосходительство, живъ человѣкъ.

ГУБЕРНАТОРЪ.

Такъ-то оно такъ, но лучше, если своевременно озаботиться.

БАШМАКОВЪ.

Вы хоть маленько посидите съ нами, ваше превосходительство! А то помолились да не закусили и не выпили—это ужъ не по-русски... Не идетъ оно какъ-то.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Покорнѣйше прошу, ваше превосходительство! (*Отодвигаетъ кресло*).

ГУБЕРНАТОРЪ.

Я могу вамъ удѣлить, господа, всего нѣсколько минутъ. (*Голоса обывателей: „Просимъ!“ „Не откажите!“ Губернаторъ приближается къ столу*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ головѣ*).

Осипъ Федорычъ! (*Къ Иванову*). Иванъ Иванычъ! Прошу! господа! прошу! (*Къ сотрудникамъ*). Господа!.. Пожалуйте!.. (*Разсаживаются, губернаторъ между головой и редакторомъ-издателемъ. Лакей вноситъ громадное блюдо; но въ этотъ моментъ губернаторъ встаетъ и крякаетъ и редакторъ-издатель жестомъ руки приказываетъ лакею подождать*).

ГУБЕРНАТОРЪ.

Господа! Сегодняшній день, безъ сомнѣнія, будетъ занесенъ въ лѣтопись нашего края, какъ одинъ изъ его лучшихъ, памятныхъ дней. Завтра выйдетъ у насъ первый номеръ перваго органа гласности... Но, господа, не слѣдуетъ забывать, что пока мы имѣемъ, такъ сказать, одинъ только фундаментъ и на нашей обязанности остается труднѣйшая работа: выстроить зданіе красиво, прочно, а главное—въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями закона, техники, гигіены. Я, господа, не архи-

текторъ. Я только начальникъ губерніи. А потому, не позволяя себѣ вмѣшиваться въ будущую созидательную работу, я считаю долгомъ лишь дать вамъ нѣкоторые совѣты и указанія. (*Лакей уноситъ блюдо*). Я не буду, господа, говорить о великомъ значеніи печатнаго слова: мнѣ пришлось бы въ этомъ случаѣ повторить нѣсколько общихъ мѣстъ, прекрасно извѣстныхъ каждому изъ здѣсь присутствующихъ. Но каждое дѣло, господа, имѣетъ свою оборотную сторону. Печатное слово—это только орудіе въ нашихъ рукахъ, орудіе громаднѣйшей силы и потому въ концѣ-концовъ вопросъ сводится къ тому, какъ этимъ орудіемъ пользуются люди. Не слѣдуетъ забывать, что даже ядъ въ рукахъ врача превращается въ средство врачеванія, т. е. въ полезный для насъ предметъ, между тѣмъ какъ тотъ же ядъ въ рукахъ человѣка несвѣдущаго сплошь и рядомъ влечетъ за собою скоропостижную смерть...

БАШМАКОВЪ.

Правильно!..

ГУБЕРНАТОРЪ

(*сердито взглянувъ на Башмакова*).

Въ каждомъ дѣлѣ, господа, нужна осторожность и осмотрительность, а въ такомъ дѣлѣ, какъ печатное слово, въ особенности: ошибка въ нашихъ словахъ еще не бѣда, если слова эти изошли непосредственно изъ нашихъ устъ, но когда эта ошибка переводится на печатный станокъ, то она сразу превращается въ нѣсколько тысячъ ошибокъ и нерѣдко приводитъ къ массовымъ заблужденіямъ. Этого, господа, не слѣдуетъ забывать. Позволяю себѣ высказать свою увѣренность, что наша первая газета явится полезнымъ факторомъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго подъема ввѣреннаго моимъ заботамъ населенія, а лично мнѣ будетъ лучшимъ помощникомъ въ многотрудномъ дѣлѣ управленія об-

ширнѣйшей изъ губерній *(редакторъ-издатель слегка привстаетъ на стулъ)*. Затѣмъ, господа, пожелавъ вамъ побольше силъ, энергіи и безпристрастія на новомъ поприщѣ служенія родному краю, — имѣю честь кланяться! (*Взрывъ рукоплесканій, шумъ отъ передвигаемыхъ стульевъ; большинство встаетъ и тѣснится къ губернатору; тотъ пожимаетъ протягиваемыя ему руки и въ сопровожденіи редактора-издателя, головы и Иванова уходитъ. У стола безтолковая сумятица*).

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Свѣтлая голова!

ВТОРОЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Ну, еще бы! Какъ онъ говоритъ! ясно, отчетливо...

ТРЕТІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Ну, еще бы! Если бы не онъ, мы еще десять лѣтъ ждали бы газеты!

БАШМАКОВЪ.

Говорилъ хорошо, а закусить да выпить отказался... Это ужъ не по-русски... Это ужъ видно, что онъ все-таки изъ нѣмцевъ... *(Редакторъ-издатель, голова и Ивановъ возвращаются)*.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Господа! Прошу! (*Разсаживаются*).

ГОЛОВА.

Проводили...

БАШМАКОВЪ (*къ головѣ*).

А все-таки закусить да выпить отказался. (*Къ Иванову*). Теперь вы садитесь на кресло-то замѣсто губернатора!

ИВАНОВЪ.

Слишкомъ большая честь.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Садитесь, Иванъ Иванычъ! Вамъ передано попеченіе о насъ и о нашихъ заблужденіяхъ, а потому вамъ вполнѣ умѣстно сѣсть на этомъ креслѣ...

БАШМАКОВЪ.

Что тутъ толковать! Мягко и удобно. Если никто не хочетъ, я возьму да сяду. (*Смѣхъ окружающихъ*).

ИВАНОВЪ.

Если, господа, настаиваете,—я не смѣю отказываться... (*пересаживается на губернаторское кресло. Къ головѣ*). Слѣдовало бы собственно вамъ, Осипъ Федоровичъ, сѣсть здѣсь...

ГОЛОВА.

Мнѣ все равно... Сидите, гдѣ хотите!.. (*Лакей подноситъ блюдо къ головѣ, тотъ кладетъ себѣ на тарелку, лакей хочетъ отойти*). Повремени! Куда торопишься?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Господа! Осетръ плавалъ!

БАШМАКОВЪ.

Правильно! (*Смѣхъ, звонъ рюмокъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Господа! Васъ много, а я одинъ: наливайте, ради Бога, сами! Не стѣсняйтесь, наливайте, господа, сами, кто чего хочетъ... (*Беретъ бутылку; къ головѣ*). Вамъ я все-таки налью!

ГОЛОВА.

А это что такое?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Англійская горькая!...

ГОЛОВА.

Нѣтъ, ужъ вы мнѣ русской, бѣлой... Самъ я человѣкъ русскій и пью только русское...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ Иванову*).

И вамъ я, Иванъ Иванычъ, налью!

ИВАНОВЪ.

Весьма благодаренъ. Но я не пью. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ не пью.

МУСИНЪ (*громко*).

Бываютъ въ жизни моменты, когда невозможно не выпить, грѣхъ не выпить.

БАШМАКОВЪ.

Правильно!

МУСИНЪ.

Я тоже не пью, но когда мы праздновали открытіе нашего общества любителей изящныхъ искусствъ, я выпилъ и выпилъ изрядно... (*Смѣхъ*).

БАШМАКОВЪ.

Слегка до-сыта?!

МУСИНЪ.

Бываютъ, господа, въ жизни моменты... особаго, такъ сказать, внутренняго подъема, когда мы, интеллигентные люди, чувствуемъ себя какъ бы именинниками! (*Голоса: „вѣрно!“ „вѣрно!“*). Мы такъ бѣдны фактами значительнаго общественнаго характера, что когда случается что-нибудь этакое... какъ бы это сказать? принципіальное... болѣе или менѣе этакое, м-м-м...

ГОЛОВА.

Однимъ словомъ, слѣдуетъ выпить!

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

И пьющимъ, и непьющимъ!

МУСИНЪ.

Совершенно вѣрно! Когда мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ и остаются мѣста только въ вагонѣ для курящихъ, мы все равно садимся туда... Сегодня у насъ мѣста только для пьющихъ!..

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ Иванову*).

Да выпейте, родной мой! вѣдь девять лѣтъ мы ждали этого дня.

МУСИНЪ (*вскакивая*).

Предлагаю выпить за великую интеллигентную силу—гласность! Пусть всѣ друзья гласности, такъ сказать, соединятся на одно мгновеніе въ налитыхъ изъ общаго сосуда бокалахъ, какъ въ общемъ братскомъ поцѣлуѣ (*смѣхъ и рукоплесканія*). Иванъ Иванычъ! Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!

ИВАНОВЪ.

Господа! Я васъ всѣхъ уважаю и гласность равнымъ образомъ... Но я не пью вотъ уже пять лѣтъ!

МУСИНЪ

(*вскакивая, подходитъ съ рюмкою къ Иванову*).

Во что бы то ни стало, я долженъ съ вами чокнуться! Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!.. (*Чокается*).

БАШМАКОВЪ.

И что тутъ долго толковать? Выпили и кончено. Пять лѣтъ не пили, а на шестомъ налили да выпили! Чай, изъ этого ничего плохого не выйдетъ?.. (*Голоса: „вѣрно!“*).

ИВАНОВЪ (*къ Мусину*).

Извольте: я выпью одну... Если, господа, безъ этого нельзя, я выпью. Но только—одну!.. (*пьетъ*). Скажите, пожалуйста: недавно я спорилъ съ Степаномъ Прокофьевичемъ, что вы — Мусинъ-Пушкинъ, а не просто Мусинъ?

МУСИНЪ.

Говорятъ, что предки мои, дѣйствительно, подписывались Мусиными-Пушкиными, но теперь... я пишу просто „Мусинъ". (*Идетъ на свое мѣсто*).

АДВОКАТЪ КОБЕЛЯНСКІЙ
(*влетаетъ съ портфелемъ*).

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ
(*встаетъ изъ-за стола*).

Родной мой! Какъ я радъ! Я думалъ, что вы насъ забыли!

КОБЕЛЯНСКІЙ.

Такія вещи не забываются! Меня задержали въ судѣ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Вы тутъ со всѣми знакомы?! (*Обводитъ его вокругъ стола, нѣкоторымъ рекомендуетъ*).

КОБЕЛЯНСКІЙ
(*подойдя къ Башмакову*).

И вы здѣсь?

БАШМАКОВЪ.

А что же такое? Чай, въ моемъ дому редакція-то помѣстилась. (*Крики: „рѣчь!" „просимъ рѣчь!"*).

КОБЕЛЯНСКІЙ (*усаживается*).

Господа! Дайте мнѣ опомниться: я сегодня произнесъ уже двѣ рѣчи. Разрѣшите хоть небольшой перерывъ: я хочу поѣсть и выпить!

ГОЛОВА.

Кого защищали?

БАШМАКОВЪ.

Жулика да вора? (*Общій хохотъ*).

КОБЕЛЯНСКІЙ.

Одинъ мой кліентъ былъ сперва жуликомъ, потомъ сдѣлался купцомъ 2-й гильдіи, какъ и вы называетесь нынѣ, а другой—сперва былъ купцомъ, а потомъ сдѣлался жуликомъ. (*Общій хохотъ*).

БАШМАКОВЪ (*сконфуженно*).

Ну и языкъ же! Жало, а не языкъ!

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Оправдали?

КОБЕЛЯНСКІЙ.

Того, который былъ сперва жуликомъ, а потомъ сдѣлался купцомъ, — оправдали, а другого — закатали въ арестантское отдѣленіе на полгода.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Родной мой! Ужъ мы будемъ на васъ разсчитывать во всѣхъ случаяхъ диффамаціи!

КОБЕЛЯНСКІЙ.

Конечно, конечно! Вашъ подписчикъ, другъ, сотрудникъ, защитникъ...

БАШМАКОВЪ.

Опоздали вы: не слыхали, какую намъ рѣчь сказалъ г. губернаторъ. Не хуже вашего.

МУСИНЪ.

Я не совсѣмъ понялъ, какая это была рѣчь: обвинительная или защитительная.

ВТОРОЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Рѣчь губернатора, господа, не можетъ быть рѣчью той или другой стороны... Онъ говорилъ вообще.

БАШМАКОВЪ.

И безъ гонорару! (*Общій хохотъ*). Адвокаты даромъ слова не скажутъ, а онъ — безплатно! (*Общій смѣхъ*). Слѣдуетъ выпить за здоровье его превосходительства.

ГОЛОВА.

Слѣдуетъ, господа! (*Голоса: „слѣдуетъ!“*). Человѣкъ онъ хорошій, душевный. Другой губернаторъ держитъ себя очень недоступно, а онъ — снисходительный... За его превосходительство! (*Встаетъ и поднимаетъ рюмку*). И супруга его также много добра позволяетъ себѣ дѣлать нашему городу, а потому и за супругу его превосходительства... Ура! (*Слышится жидкое „ура“*).

БАШМАКОВЪ.

Господа сотруднички! Что же это вы голосу не подаете? (*Къ редактору-издателю*). Молчатъ что-то они у васъ.

ГОЛОВА.

Скромны что-то...

ЕЗОПЪ (*громко*).

Наблюдаемъ!

БАШМАКОВЪ.

Въ тихомъ омутѣ черти водятся.

ЕЗОПЪ.

Вѣрно!

ГОЛОВА.

Меня чужія газеты продергиваютъ и этого достаточно. Своя-то, поди, ужъ не будетъ трогать? *(Лакей обноситъ второе блюдо)*. Петръ Николаевичъ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Что, родной мой?

ГОЛОВА.

Меня, говорю, чужія газеты продергиваютъ; неужто и своя этимъ же дѣломъ будетъ заниматься?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ

(какъ бы не разслышавъ).

А вы кушайте, родной мой! Пожалуйста!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Судъ гласности долженъ быть нелицепріятенъ. Я понимаю такъ, что для гласности нѣтъ ни Петрова, ни Сидорова, ни Иванова, — а есть только общественная личность!

МУСИНЪ.

Совершенно вѣрно! Есть, господа, пословица: гласъ народа—гласъ Божій! Судъ гласности,—судъ общества. Здѣсь нѣтъ другого наказанія, кромѣ, такъ сказать, нравственнаго осужденія, т. е. тягчайшаго изъ всѣхъ наказаній! Для интеллигентнаго человѣка нравственное осужденіе—тѣ же каторжныя работы. И, господа, предъ лицемъ гласности—всѣ равны!

ГОЛОВА.

Для краснаго словца не пожалѣютъ ни матери, ни отца? Такъ, что ли? Карпъ Павлычъ?

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Лично я не имѣю никакого отношенія къ гласности, но я полагаю, что родственныя отношенія не могутъ здѣсь стоять преградою. А потому, если провинитесь вы, то и вы должны подвергнуться осужденію наравнѣ со всѣми другими...

ГОЛОВА.

Да вѣдь и на солнышкѣ пятнышки есть?! Меня газеты травятъ за то, что я въ университетѣ курса не окончилъ. Своего они хотятъ посадить. Такъ вѣдь ничего изъ этого не выйдетъ!

БАШМАКОВЪ.

Попробовали ужъ. Много довольны!

ГОЛОВА.

Сидѣлъ у насъ интеллигентный-то господинъ: кромѣ долговъ да безпорядку ничего не оставилъ.

БАШМАКОВЪ.

Надо хозяйство знать, а по французскому говорить, да геометрію всякую намъ не надо. Не требуется. Съ нею только запутаешься.

ЕЗОПЪ.

А вотъ мы посмотримъ, какъ оно безъ геометріи-то выходитъ.

БАШМАКОВЪ.

Не хуже, не лучше, господа корреспонденты!

ГОЛОВА.

Пишите, сдѣлайте такое одолженіе...

БАШМАКОВЪ.

Только не забывайте, что губернаторъ сказалъ.

ЕЗОПЪ.

Я не понялъ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ Езопу*).

Голубчикъ! Оставьте! Послѣ!

БАШМАКОВЪ.

Писать—пиши, отчего же? Только не записывайся!—вотъ что онъ сказалъ! (*Общій смѣхъ*). Нечего смѣяться. Вѣрно. Такъ онъ сказалъ, Иванъ Ивановичъ?

ИВАНОВЪ (*въ затрудненіи*).

Вы... слышали...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ Иванову*).

Выпейте, родной мой! Пожалуйста! Въ знакъ мирныхъ отношеній!

МУСИНЪ.

Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!

ИВАНОВЪ.

Я всѣхъ уважаю и ни съ кѣмъ не желаю ссориться... Если угодно, я выпью, но только послѣднюю: у меня замѣчается головокруженіе...

ЕЗОПЪ (*громко*).

Не можно впречь въ одну телѣгу коня и трепетную лань!

БАШМАКОВЪ (*придирчиво*).

Какъ это понять, позвольте васъ спросить?

ЕЗОПЪ (*иронически*).

Очень просто.

БАШМАКОВЪ.

А вотъ вы мнѣ объясните! Я не понимаю и желаю отъ васъ услышать!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ
(*успокаивающе*).

Господа! Оставьте! (*Встаетъ и идетъ къ Езопу*).

БАШМАКОВЪ.

Какъ это понимать?

ЕЗОПЪ (*съ улыбкой*).

Понимать слѣдуетъ a priori! (*Смѣхъ сотрудниковъ*).

БАШМАКОВЪ (*обиженно*).

Что такое? (*Общій хохотъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Езопъ! Перестаньте, родной мой! Зачѣмъ?! (*Что-то шепчетъ ему на ухо*).

ЕЗОПЪ.

Молчу! молчу! (*Шумъ усиливается. Въ общемъ говорѣ, смѣхѣ и звонѣ посудой выдѣляются отдѣльныя восклицанія гостей*).

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Позвольте-съ! Я самъ глубоко уважаю гласность, но за такую корреспонденцію я собственноручно избилъ бы корреспондента...

ВТОРОЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

А я бы себѣ не позволилъ!..

МУСИНЪ.

Господа! Пресса, какъ говорится, седьмая держава...

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Позвольте-съ! Не седьмая, а восьмая!

МУСИНЪ.

Откуда—восьмая?! Седьмая.

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Восьмая. Считайте: Россія—разъ, Турція—два, Франція—три... *(Общій взрывъ хохота заглушаетъ этотъ разговоръ).*

ГОЛОВА *(встаетъ, отдувается).*

Дамъ нѣтъ, а потому можно дать себѣ льготу второго разряда *(снимаетъ сюртукъ и вѣшаетъ его на пустой стулъ).* Уфъ! Тяжело что-то... *(Безпорядокъ за столомъ усиливается. Въ одномъ изъ угловъ комнаты появляется ломберный столъ, свѣчи и карты. Илья опускаетъ шторы на окнахъ и зажигаетъ огни).*

СЕКРЕТАРЬ

(звонитъ въ стаканъ. Стихаетъ).

Господа! Сегодня мы празднуемъ день рожденія новой газеты,—и, конечно, всякій вправѣ спросить насъ: „что вы за люди и чего вы хотите?“... Прежде всего мы, господа, далеки отъ того, чтобы задаваться какими-либо особенно широкими задачами и стремленіями. Нѣтъ, господа! Наше скромное желаніе, наша завѣтная мечта—честно и добросовѣстно послужить родному краю. Это честное служеніе родному краю и будетъ нашимъ девизомъ. Господа! Это не значитъ, что мы сдѣлаемъ изъ своей газеты спеціальный органъ, имѣющій интересъ только для насъ однихъ. Необходимо, чтобы наша газета была представительницей нашего края въ общемъ голосѣ прессы. А потому мы не будемъ чуждаться обсужденія и тѣхъ сторонъ жизни, которыя не носятъ исключительно мѣстнаго характера.

(*Отдѣльные голоса*: „*вѣрно!*“, „*браво!*“). Но для того, чтобы эта задача оказалась посильною, намъ необходима помощь и мы льстимъ себя надеждой, что интеллигентныя силы края не откажутъ намъ въ своемъ сочувствіи и содѣйствіи...

МУСИНЪ (*нѣсколько пьянымъ голосомъ*).

Безъ сомнѣнія!

СЕКРЕТАРЬ.

Совмѣстная солидарная работа интеллигенціи края является для насъ не только желательной, но и необходимою...

МУСИНЪ.

Безъ сомнѣнія.

СЕКРЕТАРЬ.

Что не подъ силу одному человѣку, то сравнительно легко и удобоисполнимо при содѣйствіи и участіи многихъ. Если одинъ человѣкъ въ состояніи сдвинуть камень, то дружными усиліями многихъ лицъ можно сдвинуть цѣлую гору.

МУСИНЪ.

Сдвинемъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Господа! Мы просимъ васъ не относиться къ намъ въ началѣ нашей дѣятельности слишкомъ строго. Очень естественно, что при первыхъ нашихъ шагахъ возможны различные недосмотры, промахи и ошибки. Но не торопитесь осуждать, такъ какъ несправедливость оскорбляетъ правду. Гдѣ побужденія чисты, тамъ, господа, могутъ быть ошибки, но никогда не можетъ быть лжи и лицепріятія... Укажите намъ ошибки,—мы исправимъ ихъ, скажите намъ слово одобренія,—и мы пойдемъ дальше!.. За васъ, господа, за всѣхъ нашихъ друзей!.. (*Дружный*

взрывъ рукоплесканій, криковъ „браво!“ Лакей приготовляетъ другой столъ для картъ).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*встаетъ*).

Господа! Чувствую, что долженъ сказать что-нибудь и я... Чувствую! (*Голоса: „рѣчь!“ „просимъ!“ „слушайте!“*) Я, господа, не литераторъ и не публицистъ. Прямого отношенія къ прессѣ я не имѣю...

ЕЗОПЪ.

Зато пресса имѣетъ къ вамъ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Позвольте, я не кончилъ. Я не литераторъ, но я всей душой стою за принципъ гласности, глубоко вѣрю въ громадную роль ея въ дѣлѣ общественнаго самосознанія и потому хочу служить этому дѣлу, какъ и чѣмъ могу. Въ каждомъ дѣлѣ, господа, нужны, такъ сказать, чернорабочіе. Безъ нихъ нельзя. Вся тяжесть дѣла пусть ляжетъ на меня, на мою спину: эта спина, господа, не треснетъ. Въ каждомъ дѣлѣ, около котораго группируются общественныя силы, бываетъ такой человѣкъ, который служитъ какъ бы цементомъ... Вотъ такимъ человѣкомъ я могу и хочу быть... Пусть они строятъ, а я буду цементировать...

ЕЗОПЪ.

Позвольте. Имѣю возразить!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Въ такомъ случаѣ я молчу... (*Садится*).

БАШМАКОВЪ.

Тише! Ну и сотруднички: слова своему хозяину сказать не дадутъ! (*Секретарь тихо уговариваетъ порывающагося говорить рѣчь Езопа—сѣсть на мѣсто. Общее*

недовольство. Входитъ Илья, на цыпочкахъ приближается къ редактору-издателю и подаетъ пачку привѣтственныхъ телеграммъ).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ

(*распечатывая телеграммы*).

Господа! Насъ привѣтствуютъ отсутствующіе друзья... съ разныхъ концовъ... Телеграммы, господа! (*Встаетъ и читаетъ*): „Изъ Чухломы: Привѣтъ піонерамъ гласности! Земскіе врачи Ивановъ, Петровъ и Сидоровъ". (*Общія рукоплесканія*). Изъ Сердянска: „Пьемъ здоровье новой газеты! Пьемъ друзей гласности! Пьемъ сѣятелей свѣта!" (*Долгія рукоплесканія*). „Поздравляемъ первымъ органомъ гласности, пьемъ"... (*Общій хохотъ заглушаетъ конецъ телеграммы*).

БАШМАКОВЪ.

Они пьютъ, давайте въ такомъ разѣ и мы еще выпьемъ! (*Смѣхъ, звонъ рюмокъ*).

МУСИНЪ

(*стучитъ въ бутылку штопоромъ*).

Гас-пда! Слова! (*Шумъ не стихаетъ*). Гас-пда! Слова.

БАШМАКОВЪ (*громко*).

Слушайте! Человѣкъ говорить захотѣлъ! (*Шумъ стихаетъ. Сотрудники одинъ за другимъ уходятъ въ редакцію, куда Илья проноситъ нѣсколько бутылокъ пива*).

МУСИНЪ.

Гас-пда! (*Нетвердо декламируетъ*).

Н-нѣтъ на свѣтѣ мукъ
С-сильнѣе муки слова!

Нѣтъ сильнѣе... Такъ сказалъ, гас-пда, нашъ извѣстный поэтъ... умершій... какъ его? (*Щелкаетъ въ воздухъ пальцемъ*).

КОБЕЛЯНСКІЙ.

Надсонъ!

МУСИНЪ.

Вотъ, вотъ! Надсонъ, гас-пда! (*заминается*). Вотъ и нѣтъ... Нѣтъ сильнѣе!.. (*разводитъ руками и улыбается*) и... больше ничего! (*Опускается на стулъ. Продолжительный хохотъ. За ломбернымъ столомъ уже винтятъ и на фонѣ общаго гама и шума плаваютъ отдѣльныя фразы играющихъ*).

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

У меня было три козыря: тузъ, десятка и валетъ.

ВТОРОЙ ОБЫВАТЕЛЬ (*напѣваетъ*).

„Будетъ буря, мы поспоримъ и поборемся мы съ ней"... Ваша сдача!

ПЕРВЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Надо было козырять...

ВТОРОЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Чудакъ, ваше благородіе! У меня на рукахъ двѣ пики, а вы не козыряете!

МАДАМЪ МУСИНА (*заглядываетъ*).

Къ вамъ, господа, можно? (*Прячется. Голова хватаетъ сюртукъ и скрывается въ редакціи. Маленькій переполохъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ
(*идетъ къ дверямъ*).

Агнія Васильевна! Голубушка! Какъ мы рады! У насъ ни одной представительницы прекраснаго пола!.. Пожалуйте! Раздѣвайтесь! (*Скрывается за дверями. Голосъ Мусиной: „Мой супругъ здѣсь?"*).

МУСИНЪ (*идетъ къ передней*).

Я здѣсь... На праздникѣ духа! (*Стоитъ у дверей, придерживаясь за косякъ. Мусина входитъ подъ руку съ редакторомъ-издателемъ, встрѣченная радостными привѣтствіями обывателей. Мусинъ топчется около жены и что-то говоритъ ей, сильно жестикулируя*).

МАДАМЪ МУСИНА

(*къ мужу, вполголоса*).

Отлично! На всѣхъ культурныхъ празднествахъ вы пишете ногами мыслети! Поѣзжайте домой!

ГОЛОВА

(*выходя изъ редакціи въ сюртукѣ*).

А-а! дама! единственная дама! великолѣпнѣйшая женщина! Мое почтеніе! (*Здоровается*). Какъ ваше драгоцѣннѣйшее?

МУСИНЪ.

Она у меня здоровеннѣйшая женщина! а главное,— интеллигентная...

МАДАМЪ МУСИНА (*къ мужу*).

Молчи ужъ, пожалуйста! (*Къ головѣ*). Мерси! вотъ кстати! Осипъ Федоровичъ! (*Садится*). Какъ же вопросъ о субсидіи нашему пріюту?

ГОЛОВА.

Въ комиссіи, сударыня, въ комиссіи!

МУСИНЪ.

Что за комиссія, Создатель, быть мужемъ...

МАДАМЪ МУСИНА.

Молчи, пожалуйста! (*Къ головѣ*). Опять въ комиссіи?! Поторопитесь, ради Бога! У насъ нѣтъ ни копейки и скоро придется выбросить на улицу всѣхъ сиротъ. Городъ обязанъ и вы, какъ городской голова...

ГОЛОВА.

И что вы, барыня, все о чужихъ дѣтяхъ заботитесь? Добро бы своихъ не было, а то, кажется, у васъ своихъ шестеро?

МАДАМЪ МУСИНА (*обиженно*).

Я только пять лѣтъ замужемъ!

МУСИНЪ.

Шесть человѣкъ ребятъ—это уже не ин-те-ллигентно!

БАШМАКОВЪ.

Въ прежнее время дѣтями не стѣснялись, а теперь обижаются, если прибавишь пару ребятишекъ...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

И слава Богу, господа! Это указываетъ на то, что женщина не хочетъ ограничиваться материнствомъ...

МУСИНЪ (*поднявъ кверху палецъ*).

Именно-съ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Предлагаю выпить за всѣхъ такихъ женщинъ въ лицѣ нашей дорогой гостьи, Агніи Васильевны! (*Шумъ, крикъ, чоканье*).

МУСИНЪ (*подходя къ женѣ*).

По-зволь и мнѣ чокнуться! Я тебя прежде всего уважаю, какъ интеллигентную женщину... (*Мадамъ Мусина что-то шепчетъ ему на ухо и, затѣмъ, незамѣтно уводитъ мужа домой*).

ИЛЬЯ (*входитъ, ищетъ что-то*).

Шапочка ихняя потерялась... (*заглядываетъ подъ столъ*). Вотъ она! (*Уноситъ шапку въ переднюю*).

МЕТРАНПАЖЪ (*входитъ*).

Позвольте, господа, и намъ проздравить васъ съ праздникомъ! (*За метранпажемъ вылѣзаетъ человѣкъ 10 наборщиковъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Спасибо вамъ, друзья! (*Публика рукоплещетъ. Редакторъ-издатель жметъ руки наборщикамъ*).

МЕТРАНПАЖЪ.

Дозвольте, Петръ Николаичъ, стихи проздравительные прочитать!

БАШМАКОВЪ.

Цензора спросите! Никакъ онъ спитъ? (*Подходитъ къ Иванову*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Родной мой! Не безпокойте его! Пусть отдохнетъ! (*Голоса*: *„читайте!“ „читайте!“*).

КУДРЯВЫЙ

(*выходитъ впередъ и декламируетъ*):

Я пріѣхалъ къ вамъ изъ Питера
Набирать свинцовы литера;
Правду-матушку пишите, господа,
Богъ увидитъ ее съ неба завсегда!
Вашей правдѣ всей душою мы послужимъ,
О себѣ же мы не плачемъ и не тужимъ!

ВСѢ.

Браво! (*рукоплещутъ. Кудрявый топчется на мѣстѣ и застѣнчиво кланяется, ему жмутъ руку. Изъ редакціи несется хоровая пѣснь сотрудниковъ*):

„Изъ страны—страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой,
Ради славнаго труда“...

И вановъ поднимаетъ съ рукъ голову, тяжело вздыхаетъ и удивленно смотритъ по сторонамъ).

ЗАНАВѢСЪ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Служебный кабинетъ Иванова. Хмурая обстановка. На стѣнѣ телефонъ. Въ глубинѣ входная дверь. При поднятіи занавѣса дверь распахивается и курьеръ пропускаетъ Иванова въ шубѣ, башлыкѣ и калошахъ, а затѣмъ помогаетъ ему раздѣться.

ИВАНОВЪ.

Осторожнѣе! Снѣгу за воротъ не насыпь!

КУРЬЕРЪ (*отряхая брюки Иванова*).

Господинъ Башмаковъ дожидаютъ васъ давно уже.

ИВАНОВЪ.

И подождетъ. (*Подходитъ къ градуснику*). Опять у тебя 13 градусовъ! Я тебѣ неоднократно говорилъ, чтобы въ моемъ кабинетѣ всегда было 14 градусовъ!

КУРЬЕРЪ.

Никакъ не выходитъ. Либо 13, либо 15.

ИВАНОВЪ (*усаживаясь за столъ*).

Гдѣ газета?

КУРЬЕРЪ.

У журналиста. Сейчасъ принесу. (*Выходитъ на цыпочкахъ. Ивановъ протираетъ очки*).

ЖУРНАЛИСТЪ

(*входя съ бумагами и газетой*).

Извините, Иванъ Ивановичъ, поинтересовался газеткой. (*Подаетъ газету и бумаги къ подписи*). На островѣ Критѣ одна женщина разрѣшилась отъ бремени четырьмя младенцами.

ИВАНОВЪ.

Это къ дѣлу не относится! (*Пауза*). Я вамъ неоднократно говорилъ, чтобы ваша подпись стояла ниже. И

[illegible], но слѣдуетъ вамъ расчеркиваться. Кто вы такой? Журналистъ. Я самъ не позволю себѣ ставить такихъ закорючекъ...

ЖУРНАЛИСТЪ (*тихо*).

Привычка...

ИВАНОВЪ.

Отъ дурныхъ привычекъ слѣдуетъ отвыкать. Я старше васъ и потому мнѣ труднѣе бороться съ привычками. Но я никогда не забываю, что я—только старшій сочлѣнникъ, а не вице-губернаторъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я перепишу... Одна минута.

ИВАНОВЪ.

Въ часу только 60 минутъ и всѣ онѣ — казенныя. (*Смотритъ на часы*). Вотъ видите: для того, чтобы разъяснить вамъ все это, потребовалось цѣлыхъ пять минутъ. Идите! Впередъ прошу болѣе дорожить своими и моими минутами! (*Журналистъ выходитъ. Ивановъ просматриваетъ газету и размышляетъ вслухъ*). Гм! Неужели я это пропустилъ?.. Странно.

КУРЬЕРЪ (*въ дверяхъ*).

Господинъ Башмаковъ просятъ напомнить, что они дожидаются.

ИВАНОВЪ (*про себя*).

Чего тамъ ему понадобилось...

КУРЬЕРЪ.

Не могу знать...

ИВАНОВЪ.

Тебя и не спрашиваютъ. Ты только курьеръ, а потому долженъ говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тебя спрашиваютъ. Попроси Башмакова! (*Курьеръ исчезаетъ*).

БАШМАКОВЪ (*входитъ*).

Добраго здоровья!

ИВАНОВЪ.

Садитесь! (*Читаетъ газету*). Что хорошенькаго скажете?

БАШМАКОВЪ.

Хорошенькаго мало. Я на васъ, Иванъ Иванычъ, разсердился.

ИВАНОВЪ (*смотря въ газету*).

Скажите пожалуйста! Ну что жъ, ничего не подѣлаешь: на меня теперь всѣ сердятся... Я никого не обижаю и не трогаю, а на меня всѣ сердятся.

БАШМАКОВЪ.

Обидно, Иванъ Иванычъ. Въ кажнемъ номерѣ протаскиваютъ. Въ моемъ дому квартируютъ и меня же кастерятъ. Кажется, я этого передъ вами не заслужилъ!

ИВАНОВЪ.

Да вѣдь не я—васъ?

БАШМАКОВЪ.

Я хорошо понимаю: безъ вашего согласія они не могутъ. Стало быть и вы такое мнѣніе имѣете. У всякаго есть своя амбиція. А я, слава Богу, служу городу вотъ скоро шесть лѣтъ. Ихняго житья здѣсь всего безъ году недѣля, а я... Что я, въ самомъ дѣлѣ, для потѣхи имъ, что ли, на свѣтѣ живу?

ИВАНОВЪ.

Вы не волнуйтесь. Если вы будете горячиться, и я буду горячиться,—ничего не выйдетъ. Вы сядьте и не махайте руками.

БАШМАКОВЪ.

И лошади-то у меня хвосты съѣли, и бочки-то у меня никуда не годятся, и никакой санитарности нѣтъ. Что я имъ дался?

ИВАНОВЪ.

Позвольте! Не махайте руками!

БАШМАКОВЪ.

Мало ли есть предметовъ разсужденія окромя моего обоза? Если бочка потекла, неужто это означаетъ, что я ее нарочно гвоздемъ проткнулъ, чтобы санитарность по улицамъ разливать?

ИВАНОВЪ.

Позвольте. Они не говорятъ, что вы гвоздемъ протыкаете. Этого нѣтъ. Извольте прочитать! (*Подаетъ Башмакову газету*).

БАШМАКОВЪ (*развертывая газету*).

Что вы мнѣ разсказываете? А это что означаетъ? „Безплатная поливка улицъ“?

ИВАНОВЪ.

Про гвоздь тутъ ничего нѣтъ. Откуда вы взяли? По закону я не могу усмотрѣть здѣсь никакихъ гвоздей, когда о нихъ не упоминается

БАШМАКОВЪ.

Кажется, стараешься для города изо всѣхъ силъ, а выходитъ, что все не угодишь. Всяку лыку въ строку. Ну, возьми да покажи, какъ слѣдуетъ дѣло вести. Фельетоны-то писать трудъ легкій, чистый; нѣтъ, ты попробуй—дѣломъ займись! Они въ моемъ дому квартируютъ: должны видѣть мою санитарность...

ИВАНОВЪ.

Это къ дѣлу не относится.

БАШМАКОВЪ (*не слушая*).

Другіе дозволяютъ себѣ помои подъ ворота выливать. Видали ли они, чтобы я когда-нибудь такимъ способомъ своей чистотѣ способствовалъ?

ИВАНОВЪ.

Однимъ словомъ, я не вижу тутъ никакого преступленія. Худая бочка,—отлично! Почините и больше не о чемъ разговаривать. (*Звонитъ телефонъ; Ивановъ идетъ, слушаетъ и говоритъ строго*). Не могу-съ! Никоимъ образомъ. А? Не могу (*Отходитъ отъ телефона*).

БАШМАКОВЪ.

Кабы такъ, я никакой претензіи не имѣлъ бы. Зачѣмъ они укусить всегда норовятъ? Но только я самъ кусаться умѣю, — вотъ что! Разъ съ вашей стороны я защиты не найду, я долженъ на себя надѣяться. Что же это выходитъ: обращался къ головѣ—не мое дѣло, къ полицеймейстеру—не мое дѣло, къ вамъ послали, а вы тоже — не мое дѣло. Что же мнѣ, неужто губернатора безпокоить? Я тоже деликатность понимаю.

ИВАНОВЪ.

Подите къ редактору и объясняйтесь, а я ничего тутъ не могу...

БАШМАКОВЪ.

Какой съ ними разговоръ? Я уже пробовалъ, знаю. Послѣ еще въ фельетонъ вмажутъ и больше ничего! Съ ними (*показываетъ кулакъ*) вотъ какой разговоръ нуженъ!..

ИВАНОВЪ.

Здѣсь присутственное мѣсто, а потому потрудитесь не размахивать руками и не дѣлать никакихъ рѣзкихъ жестовъ.

БАШМАКОВЪ (*обиженно*).

Въ такомъ случаѣ—будьте здоровы! (*Слегка киваетъ головой и уходитъ, оставляя за собой дверь раскрытой*).

ИВАНОВЪ (*вслѣдъ*).

Прошу затворять двери! Здѣсь присутственное мѣсто!

МЕДВѢДСКІЙ

(*входитъ съ папиросой въ зубахъ и съ руками въ брюкахъ*).

Все воюете?

ИВАНОВЪ.

Посадить бы васъ на мое мѣсто...

МЕДВѢДСКІЙ

(*усаживаясь верхомъ на стулъ*).

Я своевременно говорилъ, что никакой газеты здѣсь не нужно, а нужно было только оживить „Губ. Вѣдомости". Потребность въ чтеніи есть, но необходима доброкачественная пища. Не послушали, вотъ и пошелъ трезвонъ!.. Вы почитайте, какія фантазіи разводятъ эти господа: всеобщее обученіе, больница въ каждой деревнѣ, пожалуй еще и курица въ супѣ у каждаго мужика!.. (*Смѣется*).

КУРЬЕРЪ (*подаетъ папку*).

Изъ редакціи! (*Уходитъ на цыпочкахъ*).

ИВАНОВЪ (*раскрывая папку*).

Опять цѣлый возъ! Помогите-ка вотъ лучше мнѣ почитать эти сочиненія.

МЕДВѢДСКІЙ.

Пожалуй! (*Беретъ нѣсколько оттисковъ*). Кокоревъ не былъ у васъ?

ИВАНОВЪ.

Не былъ. А что такое?

МЕДВѢДСКІЙ.

Онъ недоволенъ, что вы пропустили его дѣло у городского судьи. Говоритъ, что вы способствуете диффамаціи...

ИВАНОВЪ.

Ну и пусть его! И прекрасно! Не я пишу, а гдѣ тамъ выходитъ диффамація, я не могу отгадывать. Самъ подрался, обругался, разбилъ чужое пенснэ,—а я способствую диффамаціи.

МЕДВѢДСКІЙ

(*бросая на столъ оттиски*).

Не были вчера на „Игрушечкѣ“?

ИВАНОВЪ.

Какія тамъ, батюшка, игрушечки!

МЕДВѢДСКІЙ.

Сходите! Благодарить будете. (*Игриво напѣваетъ: „папà, мамà“*).

ИВАНОВЪ (*хватаясь за голову*).

Погодите, сударь мой! Я ничего не понимаю. (*Углубляется въ чтеніе*).

МЕДВѢДСКІЙ (*сладко потягиваясь*).

Плюньте! (*Смотритъ на часы*). Адмиральскій часъ приближается. Въ Петербургѣ скоро брякнутъ въ пушку и пойдутъ пропустить по рюмочкѣ... (*Позѣвываетъ*).

ИВАНОВЪ (*сердито*).

Опять Бебель. (*Чертитъ*). Опять пошли рейхстаги!

МЕДВѢДСКІЙ.

Тамъ у нихъ о недородѣ есть. Я похѣрилъ.

ИВАНОВЪ.

Ну, вотъ видите! Говорилъ, просилъ, упрашивалъ... Какіе тамъ недороды? (*Хватаетъ оттиски*). Это ужъ прямо неделикатно.

МЕДВѢДСКІЙ.

Модная фантазія.

ИВАНОВЪ.

Да, вѣдь, я имъ уже передалъ, что сказалъ его превосходительство! Неймется!

МЕДВѢДСКІЙ.

Все было прекрасно, всѣ жили сытно и весело, а какъ пріѣхали эти господа, такъ сейчасъ же и недородъ открыли.

ИВАНОВЪ.

А о пожарѣ вы прочитали?

МЕДВѢДСКІЙ.

Пробѣжалъ. Кажется, ничего особеннаго нѣтъ.

ИВАНОВЪ.

И тутъ, батюшка мой, надо смотрѣть въ оба: выудятъ какую-нибудь червоточинку и напакостятъ либо брантмейстеру, либо какому-нибудь околоточному. И не замѣтишь сразу-то. А потомъ опять разговоры съ полицеймейстеромъ...

АНТРЕПРЕНЕРЪ (*входитъ*).

Я къ вамъ, уважаемый! (*Здоровается съ Ивановымъ и Медвѣдскимъ*).

МЕДВѢДСКІЙ.

Я, господа, не помѣшаю вамъ?

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Нискольно. Я человѣкъ прямой и скрывать мнѣ нечего.

ИВАНОВЪ (*тревожно*).

Что случилось? Чѣмъ могу служить? (*Откладываетъ работу*).

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Уймите, уважаемый, рецензента!

ИВАНОВЪ.

Въ чемъ-съ дѣло-то?

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Конечно, можно критиковать, но критика критикѣ рознь. Я держу антрепризу, уважаемый, болѣе десяти лѣтъ, имѣю нѣсколько адресовъ отъ публики. А тутъ, съ вашего позволенія сказать, въ какой-то захолустной дырѣ, меня хлещутъ и спереди, и сзади. Вы меня извините, уважаемый. Я къ этому не привыкъ.

ИВАНОВЪ.

По моему, не на что обижаться. Критика ужъ такое дѣло вздорное.

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Нѣтъ, позвольте, уважаемый! Я скажу словами Расплюева: „ударь разъ, ударь два, но зачѣмъ же до безчувствія?“ А, вѣдь, у нихъ — что ни рецензія, то плюха. Я былъ по возможности деликатенъ: далъ имъ во второмъ ряду безплатное кресло. А они садятся въ это безплатное кресло и меня же хлещутъ по физіономіи.

ИВАНОВЪ.

Вы во всякомъ случаѣ все это преувеличиваете.

АНТРЕПРЕНЕРЪ (*съ упрекомъ*).

Уважаемый! Возьмите хотя бы сегодняшній отзывъ объ „Игрушечкѣ“: тамъ мою лучшую актрису, Томилину, такъ отдѣлали, что она плачетъ, буквально плачетъ! Это, уважаемый, женщина высокой нравственности, съ талантомъ, съ искрой Божіей...

МЕДВѢДСКІЙ (*авторитетно*).

Отличная артистка!

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Вотъ-съ, уважаемый! Слышали? Мы не сговаривались. Что значитъ „разнузданная игривость“? Почему „разнузданная“? Вѣдь, „Игрушечку“ сочинялъ не я и не Томилина, артистка только исполнила свою роль...

МЕДВѢДСКІЙ.

Отлично исполнила!.. Я видѣлъ „Игрушечку“ на столичныхъ сценахъ и считаю долгомъ заявить, что г-жа Томилина не уступаетъ столичнымъ звѣздамъ.

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Вотъ-съ, уважаемый! Слышали? Почему „разнузданная“? Она исполняла свою роль по либретто, а тамъ не указано, насколько слѣдуетъ поднимать ногу: на аршинъ, на полъ-аршина или всего на одну четверть...

МЕДВѢДСКІЙ.

Имъ хочется, видимо, чтобы она совсѣмъ не поднимала.

АНТРЕПРЕНЕРЪ (*со смѣхомъ*).

Очевидно! Но, господа-съ! вѣдь, въ такомъ случаѣ придется упразднить оперетку, оперетту, фарсъ, массу водевилей... Вѣдь это же абсурдъ, уважаемый! Какъ вы это смотрите?

ИВАНОВЪ.

Я... я этого не касаюсь. Это не мое дѣло...

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Нѣтъ, однако? слѣдуетъ упразднить?

ИВАНОВЪ.

Я не могу касаться такихъ вопросовъ. Не мое это дѣло. Я ничего не упраздняю, на это есть установленныя власти...

МЕДВѢДСКІЙ.

Они, видимо, желаютъ, чтобы вы угощали насъ одною постнятиной!

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

А именно-съ?

МЕДВѢДСКІЙ.

Ну, разными тамъ Шекспирами, Шиллерами...

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Простите, уважаемые! Здѣсь въ Шекспирѣ ни ухани рыла, какъ говорится, не понимаютъ... Да позвольте-съ! Я поставлю „Виндзорскія кумушки", такъ что выйдетъ совсѣмъ не постное блюдо. И почему надо поститься?!

ИВАНОВЪ.

Мы не будемъ касаться такихъ вопросовъ. Это не мое дѣло и я не могу разсуждать о постахъ и т. п. предметахъ.

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Да какое, уважаемый, имъ дѣло до того, что я ставлю?! Я же не говорю имъ, что пишите вотъ объ этомъ, а о томъ не пишите! Чортъ съ вами! Пишите, о чемъ вамъ вздумается!

ИВАНОВЪ.

Кто писалъ эту рецензію? Не господинъ Езопъ?!

МЕДВѢДСКІЙ.

Нѣтъ. На этотъ разъ на рецензентскомъ мѣстѣ сидѣла какая-то барышня.

ИВАНОВЪ.

А-а! Это у нихъ въ конторѣ служитъ... Изъ хорошей фамиліи, дочь статскаго совѣтника...

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Вотъ извольте видѣть! Барышня! Мышенокъ, не видавшій свѣта. Тутъ барышня не годится. Ужъ если сажать женщину, то вполнѣ взрослую, полноправную, понимающую толкъ въ такихъ вещахъ.

ИВАНОВЪ (*качая головой*).

А какая была скромная дѣвушка! Выдумала ѣхать на какіе-то курсы и ее оттуда выгнали...

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Очень жаль, что писала это дѣвушка. Я никогда себѣ не позволю сказать женщинѣ даже грубое слово. Но съ кѣмъ-нибудь я долженъ же объясниться?

МЕДВѢДСКІЙ.

Тутъ, видите ли, засѣла компанія, которая всѣмъ на свѣтѣ недовольна. Все ей не нравится, никто ничего не понимаетъ и не смыслитъ, а все нужно передѣлать заново, какъ имъ хочется. А чего имъ хочется, — они и сами хорошенько не знаютъ...

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Но при чемъ же тутъ я и Томилина?

МЕДВѢДСКІЙ.

Они все и всѣхъ ругаютъ, а этимъ думаютъ надъ всѣми прочими возвыситься...

ИВАНОВЪ (*серьезно*).

Это—правда, правда... Я не помню, чтобы они когда-нибудь кого-нибудь похвалили за что-нибудь. Положительно не помню.

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

А вотъ вы, уважаемый, и поставлены для того, чтобы на злыхъ собакъ намордники надѣвать. Я покорнѣйше прошу, уважаемый, оградить меня отъ рѣзкихъ дѣйствій.

ИВАНОВЪ.

Въ законѣ на сей случай нѣтъ никакихъ указаній.

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Уважаемый! На каждый случай жизни нельзя сочинить законъ! Законъ должна дополнять логика-съ!

ИВАНОВЪ.

Единственно, что я могу сдѣлать, это смягчать тонъ

АНТРЕПРЕНЕРЪ (*радостно*).

Вотъ-съ! Объ этомъ только я васъ и прошу.

ИВАНОВЪ.

Но воспретить критику я не въ силахъ.

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Не надо, уважаемый! Я самъ не изъ тѣхъ, которые желали бы уничтожить всякую критику. Избави Богъ!

ИВАНОВЪ.

Смягчать могу...

АНТРЕПРЕНЕРЪ (*протягиваетъ руку*).

Спасибо, уважаемый! Большое русское спасибо! Простите, уважаемый, за безпокойство, но я былъ вынужденъ... Имѣю честь кланяться. (*Прощается*). Такъ я буду надѣяться?

ИВАНОВЪ.

Хорошо-съ, хорошо-съ!

МЕДВѢДСКІЙ.

Обѣщаемъ...

АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Смягчайте, уважаемые! Ради Бога, смягчайте! Не доводите меня до рѣзкихъ дѣйствій. (*Кланяется и уходитъ. Пауза*).

МЕДВѢДСКІЙ.

Онъ правъ, безусловно правъ.

ИВАНОВЪ.

Ну и я тоже не виноватъ.

МЕДВѢДСКІЙ.

Я васъ не виню. Вы тоже ничего не можете подѣлать. Тамъ засѣла такая компанія, что всю редакцію не мѣшало бы перевести туда... на загородную площадь, гдѣ стоитъ этакое уютное зданіе съ башнями и высокими стѣнами... И откуда онъ набралъ этихъ бывшихъ студентовъ, бывшихъ семинаристовъ и т. д.?!

ИВАНОВЪ (*таинственно*).

Да... Возьмите у нихъ этого... Езопа! Я давно чувствовалъ, что тутъ что-то неладно. Очень загадочно

пишетъ и все упоминаетъ какую-то торжествующую свинью. Что, думаю, за свинья такая и почему она не даетъ ему покою? Что же оказывается? (*Тихо*). Какъ-то разъ въ клубѣ за картами полковникъ и говоритъ мнѣ: „а вы знаете, что это за фруктъ?“ Оказывается, того... (*Шепчетъ*).

МЕДВѢДСКІЙ.

Да тамъ всѣ темнаго происхожденія... Секретарь тоже такой субъектъ и репортеръ подозрителенъ: прекрасно меня знаетъ, но при встрѣчѣ никогда не кланяется и воротитъ физіономію въ сторону... Мальчишка! Щенокъ! а тоже пропитанъ ядомъ съ головы до ногъ.. (*Пауза*). А что вы, Иванъ Ивановичъ, скверно сдѣлали, такъ это пропустили въ рецензіи про родителей. Это, дѣйствительно, вышло неудобно.

ИВАНОВЪ.

А что же такое? Гдѣ?

МЕДВѢДСКІЙ.

Да тамъ же, гдѣ—про „Игрушечку“. Какъ тамъ сказано? Однимъ словомъ, что нашлись такіе умные родители, которые притащили съ собой подростковъ смотрѣть „Игрушечку“...

ИВАНОВЪ (*тревожно*).

Ну! Такъ что же особеннаго?

МЕДВѢДСКІЙ.

А Марья Петровна была въ ложѣ съ дочками!

ИВАНОВЪ.

Неужели?

МЕДВѢДСКІЙ.

Я самъ ее видѣлъ, былъ даже у нихъ въ ложѣ.

ИВАНОВЪ.

Ахъ! Ну, что жъ? Я не могу читать между строкъ: законъ воспрещаетъ это. Я дѣйствовалъ согласно указаніямъ закона...

МЕДВѢДСКІЙ.

Такъ-то оно такъ, а все-таки вышло неловко.

ИВАНОВЪ (*упавшимъ тономъ*).

Я не знаю, ничего не знаю... Я не могъ быть на „Игрушечкѣ". Я не могу ходить на всѣ оперетки и не могу знать, кто тамъ былъ и кто не былъ... (*Отираетъ платкомъ лысину*).

КУРЬЕРЪ (*входитъ*).

Господинъ ледакторъ просятся войти.

МЕДВѢДСКІЙ (*махнувъ рукой*).

Пусть подождетъ! Намъ некогда. (*Курьеръ уходитъ. Медвѣдскій ковыряетъ въ зубахъ. Ивановъ подходитъ къ печкѣ и грѣетъ спину*).

ИВАНОВЪ.

Наказаніе Божіе! За ночь отлежишься, успокоишься и думаешь провести день тихо, безъ волненій. А какъ сюда явишься,—такъ и начинается эта исторія. Во всемъ я виноватъ.

МЕДВѢДСКІЙ.

Плюньте!

ИВАНОВЪ.

И никакъ не найдешь этой точки, на которой можно было бы держаться твердо, безбоязненно и спокойно. Все время стоишь словно въ сраженіи какомъ-то. Самъ! не сражаешься, а кругомъ, и туда и сюда, летятъ пули и, того гляди, убьютъ...

КУРЬЕРЪ (*входя, къ Медвѣдскому*).

Васъ просятъ къ телефону! (*Исчезаетъ*).

МЕДВѢДСКІЙ.

Ага! (*Напѣвая вселенькій мотивчикъ, уходитъ. Ивановъ долго ходитъ по комнатѣ, потомъ звонитъ*).

КУРЬЕРЪ (*входя*).

Что прикажете?

ИВАНОВЪ.

Редакторъ все еще не ушелъ?

КУРЬЕРЪ.

Никакъ нѣтъ. Сидятъ.

ИВАНОВЪ.

Ну... Зови ужъ! (*Усаживается за столъ и дѣлаетъ строгое лицо*).

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦІИ

(*входитъ съ папкой въ рукахъ и кланяется*).

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!

ИВАНОВЪ.

Садитесь. Мое почтеніе! Мнѣ сказали, что редакторъ... Я думалъ,—самъ Петръ Николаичъ...

СЕКРЕТАРЬ.

Я по его порученію. Онъ въ судѣ и просилъ меня.

ИВАНОВЪ.

Все вы, господа, судитесь... И какъ только не надоѣстъ,—не понимаю.

СЕКРЕТАРЬ.

Ничего не подѣлаешь. Насъ привлекаютъ, а не мы...

ИВАНОВЪ.

Гм... Меня вотъ не привлекаютъ... Надо писать такъ, чтобы никого не оскорблять, и тогда никто не будетъ привлекать.

СЕКРЕТАРЬ

(*вынимаетъ изъ папки оттиски*).

Почему, Иванъ Иванычъ, вы не пропустили эту статейку? (*Подаетъ оттискъ*). Вѣдь, тутъ ничего особеннаго нѣтъ...

ИВАНОВЪ.

Надоѣлъ вашъ Бебель и я его знать не хочу... Кто онъ такой? Бебель, Бебель, Бебель!.. Что намъ до него за дѣло?

СЕКРЕТАРЬ.

Я не понимаю, Иванъ Иванычъ, что вы имѣете противъ Бебеля?.. О немъ пишутъ рѣшительно во всѣхъ газетахъ...

ИВАНОВЪ.

Ну и пусть ихъ пишутъ. А мы не будемъ. И никто отъ этого ничего не потеряетъ...

СЕКРЕТАРЬ.

Но... чѣмъ вы руководствовались... мнѣ это необходимо знать, чтобы въ будущемъ имѣть въ виду и не дѣлать затрудненій для типографіи...

ИВАНОВЪ.

Значитъ, чѣмъ-нибудь да руководствовался!..

СЕКРЕТАРЬ.

Статья 21-я ясно говоритъ, что вы должны...

ИВАНОВЪ (*перебивая*).

Я-съ не 21-й, а 23-й руководствовался. А эта статья предписываетъ мнѣ вникать въ смыслъ и духъ сочиненія!

СЕКРЕТАРЬ.

Да тутъ изложены факты! Тутъ нѣтъ никакихъ комментарій! Какой тутъ духъ?

ИВАНОВЪ.

Скверный-съ! И больше ничего.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ такомъ случаѣ я не понимаю...

ИВАНОВЪ (*перебивая*).

А я понимаю-съ! Отлично понимаю! Давно понялъ-съ! А затѣмъ кто вы такой?

СЕКРЕТАРЬ (*смущенно*).

Вы знаете: секретарь редакціи...

ИВАНОВЪ.

Я васъ не знаю. Я знаю редактора, Петра Николаича, и больше никого не обязанъ знать. Кто вы такой? Съ вами я не желаю объясняться и... и... и... прошу васъ передать господину Езопу вашему, чтобы и онъ былъ поосторожнѣе! чтобы онъ оставилъ въ покоѣ какую-то тамъ торжествующую свинью! Я ее не знаю, никогда не видалъ и нечего о ней толковать...

СЕКРЕТАРЬ.

Петръ Николаичъ просилъ васъ хоть статью о городскомъ бюджетѣ оставить!

ИВАНОВЪ.

Не мо-гу-съ! Прошу оставить Осипа Федоровича въ покоѣ!.. Вы всѣмъ недовольны. Осипъ Федоровичъ сдѣлалъ для города очень много. А что сдѣлали вы съ вашимъ господиномъ Езопомъ?! Осипъ Федоровичъ человѣкъ почтенный и нечего ему зря непріятности дѣлать! Не пожимайте, пожалуйста, плечами: здѣсь присутственное мѣсто!

СЕКРЕТАРЬ (*вставая*).

Въ такомъ случаѣ мы вынуждены обратиться въ главное управленіе...

ИВАНОВЪ.

Съ Богомъ. На меня всѣ жалуются. Я привыкъ... (*Секретарь уходитъ*).

КУРЬЕРЪ (*заглядывая*).

Ваше высокоблагородіе!

ИВАНОВЪ.

Убирайся вонъ! Надоѣли!

КУРЬЕРЪ.

Барыня тамъ сидитъ. (*Протягивая визитную карточку*).

ИВАНОВЪ.

Барыня?! (*Беретъ карточку и читаетъ*). Марья Петровна! Такъ и есть! Что они со мной дѣлаютъ?! (*Хватается за голову*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА

(*входитъ и гордо раскланивается*).

Мнѣ надо поговорить съ вами серьезно...

ИВАНОВЪ

(*подвигая кресло и низко раскланиваясь*).

Прошу! Я очень радъ! Къ вашимъ услугамъ! Какъ здоровье Петра Петровича?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ здоровъ. Я удивляюсь, какимъ образомъ въ газету попадаютъ такія возмутительныя вещи, какъ сегодня... Это ужъ слишкомъ! Я этого оставить не могу.

ИВАНОВЪ.

А именно?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

И вы не знаете? Это меня удивляетъ, крайне удивляетъ... Это все равно, если бы я... напримѣръ... не знала... Ну, напримѣръ...

ИВАНОВЪ.

Если я не ошибаюсь, вы изволите говорить про „Игрушечку“?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Не ошибаетесь. Это уже слишкомъ! Я одинъ разъ спустила, но теперь довольно! Есть предѣлы!.. Это оскорбительно. *(Вынимаетъ платокъ и прикладываетъ къ глазамъ).*

ИВАНОВЪ (*растерянно*).

Марья Петровна, я понимаю и приму мѣры... Успокойтесь!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Не понимаете! Не понимаете! Если бы вы понимали вы никогда не позволили бы... Я сейчасъ поѣду къ его превосходительству... Есть предѣлы!.. Вы обязаны... Вы не имѣете права! Вы... вы... (*Звонокъ въ телефонѣ).*

ИВАНОВЪ.

Марья Петровна! Позвольте-съ! Дайте мнѣ сказать... Я... (*Въ телефонѣ звонокъ рѣзко).*

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Кто вы такой?.. Ну, кто вы такой?! Какъ вы рѣшаетесь?! (*Звонокъ въ телефонѣ звенитъ сердито и настойчиво*).

ИВАНОВЪ.

Виноватъ! Сію минуту! (*Подбѣгаетъ къ телефону и слушаетъ*) Я, ваше превосходительство! Слушаю, ваше превосходительство! (*Почтительно раскланивается передъ телефономъ*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА

(*сорвавшись съ мѣста, уходитъ; Ивановъ жестомъ проситъ ее остаться, продолжая слушать въ телефонъ*).

Его превосходительство пойметъ... Онъ вамъ объяснитъ... Нѣтъ. Есть всему предѣлы!.. (*Исчезаетъ*).

ИВАНОВЪ (*слушая въ телефонъ*).

Слишкомъ мрачныя краски, ваше превосходительство? Виноватъ. Такъ точно. Слушаю-съ, ваше превосходительство! (*Кладетъ рупоръ телефона на мѣсто, отходитъ, опускается въ кресло*). Эхе-хе-хе! Часъ отъ часу не легче... (*Опускаетъ на грудь голову*).

ЗАНАВѢСЪ.

АКТЪ ТРЕТІИ.

Редакція: двѣ двери—одна въ типографію, другая въ контору. Послѣдняя дверь распахнута и изъ конторы доносится щелканье счетовыхъ косточекъ и разговоръ репортера съ конторщицей. Нѣсколько мгновеній на сценѣ пусто, затѣмъ входитъ репортеръ Козыревъ и, озабоченно ероша волосы, ходитъ взадъ и впередъ, потомъ останавливается у окна и барабанитъ въ стекло пальцами.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА

(*появляясь въ дверяхъ*).

У тебя всего 732 строчки. (*Тихо входитъ, приближается къ Козыреву и облокачивается на его плечо*). Что же будемъ дѣлать?

РЕПОРТЕРЪ,

Возьму авансомъ рублей пятьдесятъ... Сколько надо заплатить батюшкѣ?

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА.

Я, дружокъ, никогда еще не выходила замужъ, не знаю...

РЕПОРТЕРЪ.

Красненькую, полагаю, достаточно...

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА.

А метрическое свидѣтельство нашелъ?

РЕПОРТЕРЪ.

Нѣтъ...

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА.

Поищи хорошенько въ своихъ бумагахъ. Ты вѣдь большой неряха: засунулъ куда-нибудь и забылъ. (*Въ конторѣ звонитъ входная дверь; Людмила Васильевна озабоченно устремляется въ контору; слышенъ разговоръ. Репортеръ озабоченно ходитъ и бурчитъ*).

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА (*входитъ*).

Учитель Новиковъ пришелъ: проситъ напечатать, что онъ у насъ не сотрудничаетъ и никакого отношенія къ намъ не имѣетъ.

РЕПОРТЕРЪ.

Пусть напишетъ письмо, а мы подтвердимъ.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА.

Я говорила. Онъ не хочетъ писать письмо...

РЕПОРТЕРЪ.

Боится?

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА.

Я не знаю. Поди, поговори съ нимъ!

РЕПОРТЕРЪ.

А, можетъ быть, онъ и этого боится? (*Людмила Васильевна уходитъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*входитъ*).

Васъ-то мнѣ, родной мой, и надо!

РЕПОРТЕРЪ.

Я давно здѣсь.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Что это у васъ хроника-то сегодня какая тощая? (*Беретъ со стола газету*). „Молебствіе“, „Кража“, „Загорѣвшаяся въ трубѣ сажа“ и больше ничего!

РЕПОРТЕРЪ.

А гдѣ мнѣ ее взять, если въ этомъ городѣ нѣтъ никакой хроники?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да неужели, родной мой, такъ-таки ничего больше, кромѣ кражи да сажи, вчера у насъ не случилось? А засѣданіе въ кружкѣ?

РЕПОРТЕРЪ.

Не состоялось. Пришелъ одинъ только Карпъ Павлычъ да я...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ

(*смотря въ газету*).

А гдѣ же пожаръ?

РЕПОРТЕРЪ (*раздраженно*).

Какой пожаръ? Самому, что ли, мнѣ поджигать?!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да-а! вѣдь это третьяго дня былъ пожаръ! Простите, родной мой! Я все перепуталъ. А засѣданіе въ обществѣ Милосердія?

РЕПОРТЕРЪ.

Не состоялось. Пришелъ одинъ Карпъ Павлычъ да я.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Экая досада! А все ругаются, что мало хроники. Сами не даютъ пищи, а требуютъ!

СЕКРЕТАРЬ

(*входитъ угрюмый, молча здоровается и беретъ газету*).

Ну и хроника же у насъ сегодня!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Что вы, Дмитрій Григорьичъ, какой сердитый?

СЕКРЕТАРЬ.

Вы спали, а я ушелъ въ четыре часа ночи. У меня мигрень. Весь номеръ опять переверстывали.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ репортеру*).

А сегодня есть у васъ что-нибудь?

РЕПОРТЕРЪ

(*вынимая изъ кармана нѣсколько клочковъ бумаги*).

Больше ничего!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*просматривая*).

Родной мой! Опять два подкинутыхъ младенца и двѣ драки! Неужели нѣтъ ничего поинтереснѣе?

РЕПОРТЕРЪ.

Извольте — я сочиню! Убійство, самоубійство... Грабежъ!..

СЕКРЕТАРЬ.

А засѣданіе комитета трезвости?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Не состоялось. Вчера они провожали Пузикова и, должно быть, на прощанье выпили... (*Секретарь уходитъ въ типографію*).

РЕПОРТЕРЪ (*не оборачиваясь*).

Петръ Николаичъ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Что, родной?

РЕПОРТЕРЪ.

Мнѣ надо авансъ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Денегъ нѣтъ. Вчера только за бумагу заплатили...

РЕПОРТЕРЪ.

Займите! Мнѣ крайне необходимо.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Что у васъ случилось, родной мой?

РЕПОРТЕРЪ.

Я женюсь.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*съ укоризной*).

Голубчикъ! Время ли теперь? Передъ самою подпиской!

РЕПОРТЕРЪ.

Это уже мое дѣло. Я самъ знаю, время или не время мнѣ жениться.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да вы не сердитесь, родной мой! Женитесь съ Богомъ! Конечно, это дѣло не мое. Я только боюсь, что хроника у насъ еще больше ослабнетъ... Ужъ до хроники ли вамъ будетъ?!

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА (*въ дверяхъ*).

Петръ Николаичъ! Сейчасъ получены 180 руб. за годовое объявленіе...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Ну и слава Богу! Значитъ, вамъ можно теперь жениться. Вы мнѣ, родной мой, по крайней мѣрѣ скажите, на комъ вы женитесь! (*Людмила Васильевна проворно скрывается*).

РЕПОРТЕРЪ.

Это вамъ рѣшительно все равно! Хоть бы я на козѣ женился,—это дѣло мое!..

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Больно вы сердитый! (*Подходитъ къ двери въ контору*). Людмила Васильевна! Выдайте Козыреву авансомъ 75 рублей!.. (*Изъ конторы звучитъ радостное „хорошо, хорошо!“ Козыревъ уходитъ въ контору*).

СЕКРЕТАРЬ.

На кой чортъ, Петръ Николаевичъ, вы сдали въ наборъ повѣсть Храповицкой? Вѣдь это — галиматья... Я вамъ говорилъ, что я не согласенъ печатать эту бабью дребедень!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да не могу я, родной мой, не напечатать! Съ меня взято слово. Поймите, что не могу!

СЕКРЕТАРЬ.

Ну, а я тоже не могу, а въ противномъ случаѣ отказываюсь... работать.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Ахъ, родной мой! Вы-то хоть меня маленько жалѣйте! Смотрите на это, какъ на неизбѣжный компромиссъ, какъ на жертву обстоятельствамъ, какъ на самопожертвованіе!

СЕКРЕТАРЬ.

Я не понимаю такихъ компромиссовъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Храповицкая женщина сильная, она намъ нужна; если случится какая-нибудь пакость съ газетой или съ вами,—она намъ пригодится...

СЕКРЕТАРЬ

Удивляюсь.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Не удивляйтесь, родной мой. Пора бы ужъ перестать удивляться. (*Пауза. Вздыхаетъ*). Правду сказалъ тогда Мусинъ: „нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова и больше ничего!“ Вы знаете, что сегодня меня опять тянутъ по начальству?

СЕКРЕТАРЬ.

Зачѣмъ это?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да ужъ, конечно, не для того, чтобы погладить по головкѣ.

СЕКРЕТАРЬ.

А въ судъ-то когда?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Я ужъ отсудился: 25 руб. штрафу!

СЕКРЕТАРЬ.

Надо подавать апелляцію. (*Рѣжетъ ножницами газету*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Нѣтъ, не буду... Больно ужъ надоѣло мнѣ судиться-то...

СЕКРЕТАРЬ.

Дѣло не въ васъ, а въ принципѣ...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Ужъ мнѣ надоѣло больно принципомъ-то быть!

СЕКРЕТАРЬ.

Кобелянскій защищалъ?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Самъ я защищался. Кобелянскій не пришелъ... Должно быть, онъ обидѣлся на насъ...

СЕКРЕТАРЬ.

За что это?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Не надо было сокращать его рѣчь...

СЕКРЕТАРЬ.

Да въ ней было больше 500 строкъ! Нельзя же всѣ рѣчи печатать полностью? У насъ не листокъ ораторскаго краснорѣчія!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Ну и обидѣлся... Чортъ съ ней, пустили бы полностью... Все-таки онъ говоритъ очень недурно...

РЕПОРТЕРЪ

(*входитъ взволнованный*).

Не даютъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Что такое?

РЕПОРТЕРЪ.

Въ городской управѣ былъ. Ничего не даютъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Какъ не даютъ?

РЕПОРТЕРЪ.

Очень просто: городской голова запретилъ со мною разговаривать!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Прогнали, родной мой? Ахъ, головятины. Нѣтъ, такъ нельзя... Я это выясню... (*Уходитъ*).

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА (*въ дверяхъ*).

Козыревъ! Подите-ка сюда на минуту! (*Скрывается, Козыревъ уходитъ въ контору. Секретарь затворяетъ дверь и садится работать*).

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ (*заглядывая въ дверь*).

Никого.

СЕКРЕТАРЬ.

А-а, Карпъ Павлычъ! Идите! Я одинъ.

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ

(*входитъ и пробуетъ запереть дверь*).

Не дѣйствуетъ... Нехорошо. Если не почините замка, я перестану ходить къ вамъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Починимъ, Карпъ Павлычъ, починимъ.

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ

(*заставляя дверь кресломъ*).

Какъ это не починить замка? (*Загородивъ дверь, отходитъ и здоровается*). Миръ вамъ! (*Садится у стола*). Ну что новенькаго на бѣломъ свѣтѣ дѣлается?

СЕКРЕТАРЬ (*ухмыляясь*).

Много, много!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Напримѣръ?

СЕКРЕТАРЬ.

Убили около двухъ тысячъ китайцевъ!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Жалко. Ну, Богъ съ ними! Мертвымъ не стыдно, какъ говорится, а живымъ—тѣмъ болѣе!..

СЕКРЕТАРЬ.

Султанъ выражаетъ намъ свои наилучшія чувства и увѣряетъ въ неослабной дружбѣ...

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Избави Богъ отъ друзей, а съ врагами мы сами какъ-нибудь справимся, какъ говорится... А нѣтъ ли чего новенькаго въ родныхъ палестинахъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Есть: завтра у насъ появится произведеніе мѣстнаго автора, подающаго громадныя надежды!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Ну!.. Шутите?

СЕКРЕТАРЬ.

Повѣсть мадамъ Храповицкой!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

У-у! Женщина, какъ говорится, съ вѣсомъ. Теперь вы будете, какъ у Христа за пазухой... Съ нею будетъ весело и не страшно...

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ ли вотъ у васъ чего-нибудь новенькаго? для хроники? Не о чемъ писать,—вотъ положеніе! Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь интереснаго въ общественномъ смыслѣ?

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Есть, есть кое-что... А я вотъ думаю все, что лучше мнѣ къ вамъ сюда не ходить.

СЕКРЕТАРЬ.

Струсили?! Развѣ есть причины побаиваться?

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Въ томъ-то и дѣло. У нихъ, чортъ ихъ побери, какъ говорится,—собачій нюхъ какой-то. Стали намеки дѣлать... Я, конечно, и носомъ не веду, а мѣры принять надо. Во-первыхъ, мы съ вами незнакомы и потому вы мнѣ, ради Бога, не кланяйтесь... А потомъ вотъ что...

СЕКРЕТАРЬ.

Что потомъ?

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Проберите-ка меня завтра въ газетѣ!

СЕКРЕТАРЬ.

Вотъ тебѣ разъ!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Да, не откажите ужъ въ этой просьбѣ!

СЕКРЕТАРЬ.

Это можно. Езопъ васъ такъ отдѣлаетъ, что всякое подозрѣніе исчезнетъ и вы опять сдѣлаетесь порядочнымъ человѣкомъ!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ (*шутливо*).

Вы ужъ обрадовались? Нѣтъ, вы все-таки ужъ не очень. Не пересолите!

СЕКРЕТАРЬ.

За что бы васъ только прохватить—вотъ вопросъ!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

За что-нибудь. Обругайте хоть постановку дѣла народныхъ развлеченій, а такъ какъ я суечусь тамъ больше

всѣхъ, то этого вполнѣ довольно: они примутъ это за оскорбленіе моей личности! (*Хохочетъ*). Они догадливые! А я вамъ возраженіе напишу, и тоже обругаю: скажу, что вы ничего не понимаете и т. д.

СЕКРЕТАРЬ.

Однако вы Ли-хун-чангъ порядочный!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Ничего, батенька, не подѣлаешь. Будьте, какъ говорится, мудры, какъ зміи, и кротки, какъ агнцы! (*Пауза*). Такъ вамъ фактъ! (*Закуриваетъ*). У нашего пристава есть собака, Полканъ. Видали?

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ. Незнакомъ.

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

И лучше! Вотъ этакій жирный чортъ. На казенныхъ хлѣбахъ воспитанъ. Вчера подъ вечеръ эта собака выскочила изъ воротъ и кинулась на босого мальчика. Она всѣхъ босыхъ пріучена кусать. А мальчикъ упалъ и ударился головой о столбушку. Да такъ ударился, что потерялъ сознаніе...

СЕКРЕТАРЬ.

Ну-съ!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Все! Чего же вамъ еще нужно? Это, какъ говорится, голый фактъ. А вотъ освѣщеніе. Всѣ собаки у насъ въ городѣ обязаны имѣть намордники; иначе ихъ убиваютъ. Полканъ намордника не имѣетъ, но живъ и здоровъ, чего и вамъ желаетъ. Поняли?

СЕКРЕТАРЬ.

Понялъ-то понялъ, только...

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Спрашивается, на чемъ основана сія собачья привилегія? Это разъ. А вотъ вамъ второй голый фактъ, еще болѣе возмутительный... (*Раздается стукъ въ дверь. Карпъ Павлычъ вскакиваетъ, безпокоится; кресло отъѣзжаетъ отъ двери и просовывается голова Езопа*). Фу ты! Какъ вы меня, Езопъ, напугали!

ЕЗОПЪ (*влѣзаетъ въ редакцію*).

Какого лѣшаго вы забаррикадировались? (*Здоровается*). Здравствуйте, тайный ученикъ нашъ, Іосифъ Аримафейскій!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ

(*придвигая кресло къ двери*).

Береженаго, какъ говорится, Богъ бережетъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Про Полкана того-съ... Пожалуй, ничего не выйдетъ. Полканъ кусается.

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

А вы не прямо, а какъ-нибудь обходомъ! Выбѣжалъ, молъ, изъ дома № 20 по Панской улицѣ большой, неизвѣстно кому принадлежащій песъ и т. д.

ЕЗОПЪ.

Конечно! Бездымнымъ порохомъ!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Именно, Езопъ, бездымнымъ! Вы это дѣло отлично понимаете... А сегодняшняго вашего фельетона я не понялъ. Очень ужъ вы загадочно...

ЕЗОПЪ.

Надо умѣть читать на езоповскомъ языкѣ...

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Переезопили, батюшка! Не одинъ я не понялъ: жена

моя тоже не поняла; читалъ Степанъ Иванычъ,—и тоже не догадался.

ЕЗОПЪ *(всѣмъ).*

Вамъ, господа, все разжуй да въ ротъ положи! А если жевать я не могу? Если у меня выдернуты всѣ зубы? Можно ли мнѣ писать иначе, когда тамъ фигурируютъ разныя Марьи Петровны, Мусины, Гущины и т. п. господа?..

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

А-а! Вотъ оно въ чемъ дѣло! Ну теперь понятно, а сразу прочитаешь и въ голову не придетъ...

ЕЗОПЪ.

Привыкайте читать на моемъ языкѣ, неграмотные!

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Я понимаю, что для васъ, господа, езоповскій языкъ неизбѣженъ, какъ греческій въ гимназіяхъ. Но надо же, чтобы и другіе хоть съ усиліемъ да понимали. А то получается волапюкъ какой-то! (*Стукъ въ дверь*).

ИЛЬЯ

(*просовываетъ въ дверь газеты и письма).*

Почту принесъ! (*Езопъ беретъ газеты и кидаетъ ихъ на письменный столъ*).

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Переезопили, переезопили, батюшка!

ЕЗОПЪ.

Это просто означаетъ, что я начинаю мастерски говорить на этомъ языкѣ, а вы отстаете...

ИЛЬЯ (*заглядывая*).

Барышня эта опять пришла... Пустить ее?

СЕКРЕТАРЬ.

Пусть войдетъ...

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Мнѣ лучше въ типографію... (*Встаетъ*).

СЕКРЕТАРЬ.

Сидите! Она безвредная.

БАРЫШНЯ

(*входитъ и въ страшномъ смущеніи останавливается*).

Я тутъ... прислала вамъ...

СЕКРЕТАРЬ.

Стихотворенія? Садитесь!

БАРЫШНЯ.

Ничего. Будетъ напечатано хоть одно?

СЕКРЕТАРЬ.

Къ сожалѣнію, нѣтъ...

БАРЫШНЯ (*тихо*).

Не нравится вамъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Слабовато... Хотя въ общемъ ничего...

ЕЗОПЪ.

Что вы все про луну? Бросьте вы эту луну! Не такое теперь время. Грошъ ей теперь цѣна...

СЕКРЕТАРЬ.

Попробуйте что-нибудь посерьезнѣе...

БАРЫШНЯ.

Хорошо. Попробую... Извините. (*Проворно выскакиваетъ изъ редакціи*).

ЕЗОПЪ.

Жаритъ себѣ про луну... и ничего больше не видитъ.

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Это ничего. Всѣ съ луны начинаютъ... Это ужъ порядокъ такой... Сирень, соловей, луна, звѣзды и... онъ—„всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ!“ Хе-хе-хе!..

СЕКРЕТАРЬ.

Господа! Любопытное письмо. (*Читаетъ*). „М. г. г. Редакторъ! Позвольте чрезъ посредство вашей уважаемой газеты довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что казенная водка куда хуже смирновской. Будучи любителемъ водки и потребляя не менѣе 10 рюмокъ въ день, я естественно желаю, чтобы водка доставляла мнѣ удовольствіе и пользу. Такъ оно и было, когда мы пили водку Смирнова. Но съ введеніемъ монополіи я сталъ замѣчать, что удовольствіе съ каждымъ днемъ теряется: нѣтъ прежняго изящнаго маслянистаго привкуса и нѣтъ той бархатистости, какая ощущалась раньше. Поэтому не слѣдуетъ ли обратить на это вниманіе и приготовлять мѣстному складу такую водку, чтобы она не заставляла жалѣть о минувшихъ дняхъ?“ (*Смѣхъ*).

ЕЗОПЪ.

Кѣмъ подписано?

СЕКРЕТАРЬ.

„Умѣренный потребитель“. (*Хохотъ*).

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Вотъ мы смѣемся, а вѣдь за этимъ письмомъ кроется, господа, большущая драма!

ЕЗОПЪ.

Въ сорокъ градусовъ.

КАРПЪ ПАВЛЫЧЪ.

Вы подумайте и тогда поймете... Какимъ серьезнымъ тономъ написано это: видно, что вопросъ этотъ

у человѣка—самый главный въ жизни и, быть можетъ, единственный... Написано довольно гладко, видно, что когда-то человѣкъ имѣлъ и другіе вопросы... (*Встаетъ*). Ну, я пойду... До свиданья! Я лучше черезъ типографію, дворомъ... (*Уходитъ черезъ типографію*).

МЕТРАНПАЖЪ

(*входитъ съ оттисками*).

Семь полосъ, а двѣ надо сызнова набирать.

СЕКРЕТАРЬ.

Это почему же?

МЕТРАНПАЖЪ.

Васька Кудрявый разсыпалъ... Вы его, Дмитрій Григорьичъ, урезоньте: съ нимъ никакого сладу нѣтъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Пьянъ что ли?

МЕТРАНПАЖЪ.

Съ похмелья и народъ у меня мутитъ. Стоитъ у кассы, да свои стишки набираетъ...

СЕКРЕТАРЬ.

Позови его ко мнѣ! (*Метранпажъ уходитъ*).

КУДРЯВЫЙ

(*входитъ съ веселымъ видомъ*).

Пришелъ я, Дмитрій Григорьичъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Что вы тамъ, милый человѣкъ, метранпажа обижаете?

КУДРЯВЫЙ.

Онъ самъ всякаго обидитъ, Дмитрій Григорьичъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Зачѣмъ вы наборъ разсыпали?

КУДРЯВЫЙ.

Набиралъ я, а никто другой; получаю я сдѣльно, съ тысячи, а не помѣсячно, а стало быть, убытокъ мой. Самъ набралъ, самъ и разсыпалъ!..

СЕКРЕТАРЬ.

Да зачѣмъ вамъ это понадобилось?

КУДРЯВЫЙ.

Статья мнѣ эта не нравится и я не желаю, чтобы она изъ-подъ моихъ рукъ выходила. Пусть набираетъ другой!

СЕКРЕТАРЬ.

Вы, милый человѣкъ, выпивши. Идите домой спать,— этакъ будетъ лучше и для васъ и для насъ.

КУДРЯВЫЙ.

Для васъ-то, милый человѣкъ, можетъ быть,— лучше, а мнѣ резону нѣтъ: я набирать могу. Пускай за мной кто угонится! Поставьте трезваго и меня,— и поглядимъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Да, вѣдь, вы все равно не набираете, а занимаетесь пустяками.

КУДРЯВЫЙ.

Какіе же это пустяки? Метранпажъ дуракъ. По его понятію, это пустяки, а по моему, можетъ быть, самое настоящее дѣло? Пушкинъ стихи писалъ и Лермонтовъ писалъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Да, вѣдь, вы не Пушкинъ и не Лермонтовъ?

КУДРЯВЫЙ.

Это ничего не значитъ. А если я могу сочинять, то значитъ эта мнѣ способность дана. Я вотъ стихи сочинилъ, хочу ихъ набрать и вамъ подать, потому

вы толкъ понимаете, а метранпажъ—дуракъ! (*Приближается и декламируетъ*):

„Мнѣ, Дмитрій Григорьичъ, цензура говорила:
По-мни красныя чернила!
И отвѣтилъ я, Дмитрій Григорьичъ, цензурѣ:
Любо...“ (*Гримасничаетъ*).

а дальше нельзя! Напечатайте,—скажу! Только вѣдь вы не напечатаете, гдѣ вамъ! Вы настоящую правду не можете... Что вы печатаете!

СЕКРЕТАРЬ.

Ну ладно, ладно! Это ужъ не ваше дѣло. Идите домой спать...

КУДРЯВЫЙ.

Прикажите, Дмитрій Григорьичъ, четвертакъ мнѣ на похмелье дать. Иначе не пойду. Лягу подъ кассой и буду стихи говорить; я ихъ много знаю...

„Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На невѣдомый гранитъ...“

СЕКРЕТАРЬ.

Уходите!

КУДРЯВЫЙ (*дирижируя рукой*).

„Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ...
Гдѣ... гдѣ...“

позабылъ, драть ее!

ЕЗОПЪ.

Нате вамъ, Кудрявый, четвертакъ! (*Даетъ деньги*).

КУДРЯВЫЙ.

Вотъ, г. Езопъ, умѣютъ человѣка понимать! (*Прячетъ деньги*). Беру взаймы. Христа ради не принимаю, а за это я вамъ, Езопъ, стихи сочиню. Мнѣ это ничего не стоитъ!

„Четвертакъ деньги—пуст-ы-я,
Давай выпьемъ вмѣстѣ—ты, я!“

СЕКРЕТАРЬ.

Ну. довольно. Идите домой!

КУДРЯВЫЙ.

„Фонарики—сударики—горятъ себѣ, горятъ,
Что видѣли,—что слышали, про то не говорятъ".

(*Скрывается за дверью типографіи*).

ЕЗОПЪ (*бросая письмо*).

Одинъ подписчикъ пишетъ, что бумага у насъ очень плохая!

ИЛЬЯ (*заглядывая за дверь*).

Дмитрій Григорьичъ! Публику допускаете?

СЕКРЕТАРЬ.

А кто тамъ?

ИЛЬЯ (*входитъ*).

Мѣщанинъ онъ, что ли... А, можетъ, и дворянинъ. Нынче не разберешь. Говоритъ, очень нужно.

СЕКРЕТАРЬ.

Ну, попроси. (*Илья уходитъ и пропускаетъ мѣщанина*).

МѢЩАНИНЪ (*кланяясь*).

Мое почтеньице! (*Оглядывается*).

СЕКРЕТАРЬ.

Что скажете?

МѢЩАНИНЪ.

Вы ледакторъ будете?

СЕКРЕТАРЬ.

Редактора нѣтъ, но вы можете говорить со мной. Это все равно.

МѢЩАНИНЪ (*мнется*).

Надо бы промежду себя покалякать... Позвольте васъ попросить въ трактеръ чайку попить!

ЕЗОПЪ.

Меня не стѣсняйтесь: мы съ нимъ заодно.

МѢЩАНИНЪ.

Ну, это другого сорту дѣло! Видите ли, въ чемъ оно дѣло-то... (*Садится*) пробрать бы мнѣ хорошенько одного господина надо...

СЕКРЕТАРЬ.

А что случилось? За что? Кого?

МѢЩАНИНЪ.

Моя фамилія Соковъ. На Ляховой улицѣ собственный домъ и лавка. Слыхали, поди?

СЕКРЕТАРЬ.

Ну такъ что же? далѣе?

МѢЩАНИНЪ.

Квартируетъ у меня дворянинъ одинъ (*тихо*), жена у него—бабенка молоденькая, а самъ онъ...

ЕЗОПЪ.

Насчетъ жены ничего не можемъ...

МѢЩАНИНЪ.

Жить живутъ, а за квартиру третій мѣсяцъ не платятъ. И въ лавкѣ забрали рублей на сорокъ.

СЕКРЕТАРЬ (*нетерпѣливо*).

Это не наше дѣло... Ничего не можемъ.

МѢЩАНИНЪ.

Бабенка молоденькая и какъ только ея супругъ со двора, такъ она, шельма...

СЕКРЕТАРЬ (*обрывая*).

Не наше дѣло. Извините. Мнѣ некогда. (*Встаетъ*).

МѢЩАНИНЪ.

А вы погодите! Я вѣдь не даромъ прошу; для меня четвертной билетъ ничего не составляетъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Пожалуйста, уходите! Ничего не можемъ...

ЕЗОПЪ.

Онъ не можетъ, а я могу. И денегъ съ васъ не возьму. Читайте воскресный фельетонъ, тамъ про васъ будетъ... Идите пока! (*Мѣщанинъ уходитъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*почти вбѣгаетъ*).

Ну, господа, и положеніе. (*Хохочетъ*). Вотъ, я вамъ скажу, штука! Всякіе, господа, со мною казусы случались, но такого не было!.. (*Плотно затворяетъ двери*).

ЕЗОПЪ.

Да вы говорите, что ли!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Я отъ губернатора. Уфъ! Словно изъ бани! (*Отираетъ платкомъ лицо*). Пріѣзжаю туда,—ба! и Иванъ Иванычъ тамъ же. Что, думаю, за очная ставка? И Иванъ Иванычъ тоже былъ, видимо, пораженъ этою встрѣчей. Приглашаютъ насъ въ кабинетъ. Все это деликатно такъ, обворожительно. Подаютъ кофе. А ужъ какой тутъ кофе?! (*Хохочетъ*).

МЕТРАНПАЖЪ (*входитъ*).

Матеріалу пожалуйте!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Погоди! Потомъ! (*Метранпажъ уходитъ. Редакторъ-издатель затворяетъ за нимъ дверь и снова усаживается въ кресло*). Хорошо-съ! Что, думаю, сей сонъ означаетъ? Выходитъ губернаторъ, здоровается съ нами и приглашаетъ садиться. Въ рукахъ у него сегодняшній номеръ

газеты. Развертываетъ онъ этотъ номеръ, подаетъ его Ивану Иванычу и говоритъ: „будьте добры—прочитайте намъ вслухъ вотъ эту статью“. Иванъ Иванычъ беретъ газету, руки у него трясутся, губа трясется, очки трясутся... „Вслухъ, ваше превосходительство?“—спрашиваетъ. „Вслухъ“. Началъ Иванъ Иванычъ читать, у меня сердце такъ и оборвалось... Вашъ фельетонъ, Езопъ.

ЕЗОПЪ.

Ну, такъ что же?

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Прочиталъ Иванъ Иванычъ. Конечно, очень скверно. Губернаторъ и спрашиваетъ его: „поняли?“ Иванъ Иванычъ молчитъ, ни слова! (*Езопъ и секретарь смѣются*). Онъ ко мнѣ: а вы поняли?.. Вотъ положеніе! Именно хуже губернаторскаго! Ну что я ему скажу? Какъ скажу?! Не совсѣмъ, говорю, ваше превосходительство! (*Общій смѣхъ*). А самъ опустилъ глаза и думаю: что же дальше-то будетъ?

ИЛЬЯ (*заглядывая въ дверь*).

Ледактора требуютъ.

ЕЗОПЪ.

Да погоди! Не лѣзь! (*Захлопываетъ дверь*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Онъ всталъ и говоритъ; „я тоже ничего не понимаю“. Что же, говоритъ, выходитъ: одинъ написалъ и не понимаетъ, другой пропустилъ и не понимаетъ, а я читаю и не понимаю. А потомъ вдругъ громко этакъ, индо мы съ Иваномъ Иванычемъ вздрогнули: „впредь прошу, чтобы мы трое всегда понимали, что печатается!“ Повернулся и ушелъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Вотъ такъ штука!..

ЕЗОПЪ.

Онъ меня, видимо, понялъ!..

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

А мы съ Иваномъ Иванычемъ сидимъ и смотримъ другъ на друга и такъ, господа, смотримъ, словно сдѣлались вдругъ самыми закадычными пріятелями...

ЕЗОПЪ.

Несчастіе сближаетъ людей...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Вмѣстѣ мы вышли, вмѣстѣ одѣлись и вмѣстѣ поѣхали: я его довезъ до дому, потому что съ нимъ что-то скверное сотворилось... (*Въ конторѣ громкій голосъ Мусина*).

ИЛЬЯ (*заглядывая*).

Проситель сердятся...

СЕКРЕТАРЬ.

Ну, пусть войдетъ. Вѣдь сегодня не пріемный день...

МУСИНЪ (*гордо входитъ*).

Я желаю говорить съ г. Езопомъ!

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ
(*оффиціальнымъ тономъ*).

Езопъ—это псевдонимъ. Всѣ объясненія по дѣламъ редакціи даются мною или вотъ... секретаремъ редакціи.

МУСИНЪ.

Мнѣ рѣшительно все равно! Пусть выйдутъ лишніе!

ЕЗОПЪ (*сердито*).

Здѣсь нѣтъ лишнихъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ (*къ Езопу*).

Позвольте, родной мой! Уйдите, если просятъ!

ЕЗОПЪ.

Отлично! (*Уходитъ*).

МУСИНЪ.

Въ сегодняшнемъ фельетонѣ, подписанномъ г. Езопомъ, оскорблена моя жена. Хотя тамъ не названа ея фамилія, но мы—люди интеллигентные и прикрываться намъ такими фокусами стыдно...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Вы успокойтесь. Будемъ говорить тихо и вѣжливо.

МУСИНЪ (*возвышая голосъ*).

Я вѣжливъ съ тѣми, кто вѣжливъ со мной! И прошу не перебивать. Вы—человѣкъ интеллигентный и потому должны знать правила приличія...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да я ихъ, родной мой, наизусть знаю...

СЕКРЕТАРЬ.

Петръ Николаевичъ! Позвольте ужъ мы объяснимся съ г. Мусинымъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Да объясняйтесь, господа, только не горячитесь... Я не буду мѣшать. (*Тихо выходитъ въ контору и закрываетъ за собой дверь*).

МУСИНЪ.

Я нахожу оскорбленіе моей жены въ томъ, что...

СЕКРЕТАРЬ.

Присядьте, пожалуйста.

МУСИНЪ.

Прошу не безпокоиться. Вы, отлично зная, что моя жена женщина интеллигентная и что она безкорыстно трудится въ пріютѣ на пользу ближняго...

СЕКРЕТАРЬ.

Позвольте. Что ребенка высѣкли въ пріютѣ крапивой,—это фактъ? Скажите: это фактъ или вымыселъ?

МУСИНЪ.

Кто-съ высѣкъ? Кто? Моя жена?

СЕКРЕТАРЬ.

Мы этого не писали. Кто высѣкъ, намъ все равно, но разъ попеченіе о дѣтяхъ добровольно приняла на себя ваша супруга, она нравственно отвѣтствуетъ передъ обществомъ. А ваша супруга защищала на собраніи истязателя.

МУСИНЪ.

Ложь! Она говорила, что надзирательница по существу женщина добрая и что это—исключительный случай. Вѣроятно, эта женщина была убѣждена, что она исправляетъ ребенка... Моя жена не можетъ отвѣчать за чужіе взгляды и убѣжденія! Все это вы раздули и состряпали такую исторію, что вышелъ пасквиль...

СЕКРЕТАРЬ.

Прошу васъ выражаться деликатнѣе.

МУСИНЪ.

Вы отлично знали, что моя жена не можетъ одобрить сѣченіе, потому что она женщина интеллигентная... Мы только и слышимъ, что одну вашу критику... Вы мягкосердечные люди, жалѣющіе дѣтей, считаете насъ за варваровъ, а сами палецъ о палецъ не ударите, чтобы помочь этимъ дѣтямъ...

СЕКРЕТАРЬ.

Пресса имѣетъ свои задачи. Напрасно вы думаете, что наше дѣло легче вашего...

МУСИНЪ.

Пресса, пресса!.. Съ такой прессой жутко работать. Можетъ быть, завтра я проснусь,—и вы меня назовете воромъ за то, что моя кухарка украдетъ что-нибудь на базарѣ!

СЕКРЕТАРЬ.

Позвольте, позвольте...

МУСИНЪ.

На такую прессу мнѣ плевать! (*Выскакиваетъ въ контору, гдѣ начинается громкій разговоръ. Езопъ входитъ въ редакцію. Крикъ въ конторѣ усиливается, слышенъ стукъ отъ паденія стула, звонъ разбившейся лампы и истерическій визгъ Людмилы Васильевны. Секретарь и Езопъ намѣреваются выбѣжать въ контору, но въ этотъ моментъ въ редакцію влетаетъ редакторъ-издатель и, захлопывая дверь, налегаетъ на нее плечомъ*).

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Господа! помогите! Онъ... этотъ интеллигентъ... лѣзетъ съ кулаками!.. Потребуй суда чести, вызови, наконецъ, на дуэль, но...

ЕЗОПЪ

(*схвативъ изъ угла трость и подойдя къ двери*).

На насиліе я отвѣчаю насиліемъ! (*Отстраняетъ редактора-издателя отъ дверей и отворяетъ ихъ,—въ дверяхъ Мусинъ. Молчаливая картина*).

ЗАНАВѢСЪ.

Евгеній Чириковъ.

ЕВРЕИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПЬЕСЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛЕЙЗЕРЪ ФРЕНКЕЛЬ, старикъ лѣтъ 60-ти, съ большой серебряной бородой и густыми нависшими бровями; фигура, напоминающая библейскаго патріарха. По профессіи—часовщикъ.

БОРУХЪ (Борисъ), его сынъ, 22 лѣтъ, студентъ, исключенный изъ университета за участіе въ безпорядкахъ.

ЛІЯ, его дочь, дѣвушка 18 лѣтъ, курсистка, исключенная за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

ШЛОЙМЕ, юноша 19 лѣтъ, подмастерье въ часовомъ магазинѣ Френкеля.

НАХМАНЪ, 26 лѣтъ, человѣкъ невысокаго роста, худой брюнетъ съ лихорадочно-горящими глазами, экзальтированный. Многіе считаютъ его нервно-больнымъ.

БЕРЕЗИНЪ, товарищъ Боруха, русскій, бывшій студентъ. Худой высокій блондинъ, говоритъ спокойно, иногда вяло, но всегда разсудительно; любитъ сопровождать свою рѣчь фразою: „это—вѣрно“.

ИЗЕРСОНЪ, рабочій механическаго завода, молчаливый, угрюмый человѣкъ; говоритъ басомъ; носитъ синюю блузу и смотритъ въ землю; возбуждаясь, начинаетъ кричать и махать худыми длинными руками.

ФУРМАНЪ, лѣтъ 40, докторъ медицины; плотный и упитанный человѣкъ; во всей фигурѣ, жестахъ и въ голосѣ—спокойная самоувѣренность и довольство сытаго человѣка; носитъ цилиндръ и куритъ только сигары.

СРУЛЬ, разносчикъ газетъ, рыжій, высокій и тонкій, на лицѣ блуждаетъ ироническая улыбка; сильно жестикулируетъ и часто пожимаетъ плечами.

Евреи.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

АРОНЪ, братъ Лейзера Френкеля, старикъ лѣтъ 55, торговецъ изъ сосѣдняго „мѣстечка“.

ХАНЕ, его жена, худая, суетливая старуха.

ТЕТКА САРРА, сестра Лейзера Френкеля, полная женщина съ добродушнымъ лицомъ.

ГОСПОДИНЪ въ крылаткѣ.

ПАНЪ
МУЖИКЪ } посѣтители часового магазина.

МАША, прислуга въ домѣ Лейзера Френкеля.

Прохожіе, полицейскій, толпа чернорабочихъ и крестьянъ.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городовъ, лежащихъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, въ Сѣверо-Западномъ Краѣ.

Евреи.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Квартира часовщика Лейзера Френкеля. Большая низкая комната въ полуподвальномъ этажѣ, раздѣленная аркою на двѣ половины: правая отъ зрителя половина обращена подъ часовой магазинъ, имѣетъ два окна на улицу и между ними дверь со стеклами и автоматическимъ звонкомъ. Стѣны увѣшаны разнокалиберными часами, наполняющими воздухъ безпокойнымъ тиканьемъ маятниковъ; подъ окнами — столики, за которыми работаютъ Лейзеръ Френкель и его подмастерье Шлойме; лѣвая часть комнаты служитъ заломъ и имѣетъ двѣ двери: налѣво — въ комнату Боруха и въ задней стѣнѣ — въ другія жилыя комнаты, откуда есть черный ходъ, ведущій на дворъ. Время—около полудня. При поднятіи занавѣса Лейзеръ и Шлойме работаютъ и продолжаютъ бесѣду; изъ комнаты Боруха время отъ времени доносятся голоса спорящихъ людей.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Нѣтъ, Шлойме, я уже не дождусь, не увижу!.. Но, можетъ быть, мои внуки или правнуки будутъ снова жить въ Палестинѣ...

ШЛОЙМЕ.

Дай Богъ, ребъ Лейзеръ!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

И у нихъ будетъ, наконецъ, своя родина, какъ у каждаго человѣка!..

ШЛОЙМЕ.

Дай Богъ, ребъ Лейзеръ!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Да-а... А я... я останусь здѣсь, въ чужой землѣ.

ШЛОЙМЕ (*вздохнувъ*).

Что дѣлать?!

ЛЕЙЗЕРЪ (*послѣ небольшой паузы*).

Можетъ быть, Шлойме, кто-нибудь привезетъ потомъ изъ Палестины немного Святой земли,—и тогда на мою могилу тоже бросятъ горсточку...

ШЛОЙМЕ.

Когда человѣкъ умретъ, то ему все равно: онъ никогда не узнаетъ, что дѣлается на свѣтѣ, ничего не увидитъ и ничего не услышитъ... Нехорошо, что людямъ надо непремѣнно умирать...

ЛЕЙЗЕРЪ.

А, можетъ быть, и хорошо, Шлойме... Если бы люди никогда не умирали сами, то хлѣбъ сталъ бы такой дорогой, что намъ съ тобой все равно пришлось бы умирать съ голоду... (*Послѣ небольшой паузы*). И когда человѣкъ очень долго живетъ, то ему жизнь не кажется такой вкусной, какъ тебѣ, Шлойме!.. да!..

ШЛОЙМЕ (*конфузливо*).

Я очень люблю жить, ребъ Лейзеръ!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Любишь?.. Когда я былъ совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, то мы бѣгали въ луга за рѣку и собирали тамъ дикій лукъ. И тогда мнѣ казалось, Шлойме, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вкуснѣе этого лука!.. Ты, Шлойме, еще совсѣмъ молодой еврей... Тебя еще очень мало били!..

ШЛОЙМЕ

(*тихо, со страхомъ въ голосѣ*).

Знаете, что, ребъ Лейзеръ, я вамъ скажу? Когда я шелъ вчера утромъ по базару, то одинъ пьяный человѣкъ схватилъ меня за шею и ударилъ... Я его совсѣмъ не трогалъ, шелъ себѣ потихоньку... А когда я побѣжалъ, то кто-то бросилъ въ меня камнемъ... Слава Богу, негодяй промахнулся!.. Очень большой камень!.. Что я имъ сдѣлалъ?! Я шелъ себѣ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Лѣтъ десять тому назадъ пропалъ въ нашемъ городѣ гимназистъ и тоже начали говорить, что мы, евреи, зарѣзали его къ своей пасхѣ. Слава Богу, что гимназистъ нашелся... Оказалось, что онъ убѣжалъ изъ дому и захотѣлъ поѣхать въ Америку... Слава Богу, Шлойме, что онъ не доѣхалъ до Америки,—его поймали... А если бы его не такъ скоро поймали, то опять стали бы насъ бить и грабить...

ШЛОЙМЕ.

Когда былъ погромъ у насъ въ Вильнѣ,— я былъ очень маленькій и ничего не помню... У меня убили мамашу... (*Со вздохомъ*). Я совсѣмъ не помню свою мамашу...

ЛЕЙЗЕРЪ.

А гдѣ былъ тогда твой отецъ?

ШЛОЙМЕ.

Папаша?.. Папаша уѣхалъ въ Америку... Онъ говорилъ, что когда разбогатѣетъ, то возьметъ насъ тоже въ Америку... Но когда онъ туда уѣхалъ, онъ совсѣмъ забылъ насъ... Мамаша очень плакала... Кто можетъ знать? Можетъ быть, папаша тоже давно померъ.. Я— одинъ... (*Входитъ мужикъ, снимаетъ шапку*).

МУЖИКЪ (*добродушно*).

Богъ-помощь тому, кто въ этомъ дому! Не здѣсь ли живетъ рудый жидъ Янкель?

ЛЕЙЗЕРЪ
(*не отрываясь отъ работы*).

Жидъ Янкель? Такого нѣтъ...

МУЖИКЪ (*причмокнувъ губами*).

Эхъ! Куда жъ онъ, проклятый жидюга, заховался? Шукаю, шукаю... (*Надѣвая шапку*). Можетъ, рядомъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Не знаю...

МУЖИКЪ.

Онъ думаетъ,—что я его, жидюгу, бить буду.. А я жъ ничего!.. Пусть отдастъ мои гроши...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Янкеля здѣсь нѣтъ... Ступай себѣ, куда хочешь...

МУЖИКЪ.

Хм! Вотъ чортова жидюга!.. Прощайте, дай вамъ Богъ здоровья! (*Уходитъ*).

ШЛОЙМЕ (*послѣ небольшой паузы*).

А я, ребъ Лейзеръ, все-таки жду... Можетъ быть, когда нибудь почтальонъ принесетъ мнѣ письмо... и вдругъ это письмо окажется отъ папаши!.. Все можетъ быть!.. Тогда я не буду—одинъ... Очень скучно, когда живешь на свѣтѣ одинъ!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Я, Шлойме, три раза въ жизни терялъ все, что у меня было, и три раза начиналъ строить свою жизнь снова. Я, какъ пчела, собиралъ медъ по каплѣ, а когда въ моемъ ульѣ набиралось достаточно меду, то мой улей ломали и вынимали все, что я собралъ... И вотъ здѣсь, на щекѣ, у меня есть печать: одинъ разбойникъ ударилъ меня косаремъ по лицу и я упалъ; онъ думалъ, что я уже мертвый, плюнулъ мнѣ въ ротъ и ушелъ. А я лежалъ себѣ и лежалъ, очень долго лежалъ... Я притворился, что совсѣмъ уже умеръ. Лицо у меня было въ крови, и когда кто-нибудь проходилъ мимо, то я не дышалъ...

ШЛОЙМЕ.

Ай-ай-ай!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Тогда Борухъ и Лія были въ хедерѣ *), а моя покойная жена уѣзжала въ Кіевъ къ своей матери... Кто знаетъ? Если бы они были дома,—можетъ быть, я былъ бы теперь тоже совсѣмъ одинъ, какъ и ты... Ты знаешь, что случилось съ Іовомъ?

ШЛОЙМЕ.

Какъ же этого не знать?!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Пришелъ вѣстникъ и сказалъ: „сыновья твои и дочери твои ѣли и пили вино, и вотъ большой вѣтеръ

*) Еврейское училище.

пришелъ отъ пустыни и домъ упалъ и задавилъ отроковъ“...

ШЛОЙМЕ.

И вы, ребъ Лейзеръ, были раньше богаты, какъ Іовъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ну! Такимъ богатымъ я никогда не былъ, но у меня былъ въ Могилевѣ хорошій магазинъ и мнѣ не приходилось такъ много работать и бояться, что завтра никто не принесетъ въ починку часовъ... И все пропало!.. Пришелъ вѣтеръ отъ пустыни и все унесъ... И я вотъ уже десять лѣтъ смотрю съ утра до вечера въ часы и боюсь, что вдругъ кто-нибудь придумаетъ такіе часы, которые никогда не будутъ портиться!..

ШЛОЙМЕ (*ухмыляясь*).

Но этого, ребъ Лейзеръ, никогда не можетъ случиться...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Тогда намъ съ тобой, Шлойме, будетъ совсѣмъ плохо... Такъ же плохо, какъ было бы плохо нашему доктору Фурману, если бы люди вдругъ перестали совсѣмъ хворать...

ШЛОЙМЕ (*съ улыбкой*).

Что вы говорите, ребъ Лейзеръ!.. Развѣ можно, чтобы кто-нибудь не хворалъ никогда въ жизни?!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Да, Шлойме, я тоже такъ думаю... потому что человѣкъ, какъ и часы, всегда хочетъ или немножко побѣжать впередъ, или очень много отстаетъ... И человѣка тоже надо и чистить, и вывѣрять, и чинить...

ШЛОЙМЕ.

Вашъ сынъ говоритъ, что человѣка надо сломать и сдѣлать совсѣмъ новаго... Вашъ сынъ—очень умный человѣкъ!

ЛЕЙЗЕРЪ (*вздохнувъ*).

Когда человѣкъ бываетъ очень умнымъ, то это такъ же плохо, какъ если бы онъ былъ совсѣмъ дуракъ... Тогда человѣкъ хочетъ думать, что онъ уже умнѣе самого Бога... (*Голосъ Боруха*: *„Это раньше думали, что человѣкъ рождается свободнымъ... Теперь думаютъ, что онъ рождается скованнымъ... Но ему надоѣли всякіе кандалы и человѣкъ долженъ ихъ сбросить!..“*). Слышишь, какъ кричитъ мой Борухъ?

ШЛОЙМЕ.

Почему они все ссорятся?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Борухъ хочетъ, чтобы люди стали жить по его законамъ... Онъ не хочетъ знать, что Богъ давно придумалъ для людей законъ.

ШЛОЙМЕ.

Борухъ не вѣритъ, что евреи вернутся въ Палестину. Онъ говоритъ, что все это—сказки, которыя очень пріятно слушать тому, кто въ нихъ хочетъ и можетъ вѣрить.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Да, Шлойме, это—большое горе,—сдѣлать дѣтей своихъ такими умными, что они не вѣрятъ въ эти сказки. Это большое горе, потому что, если еврей не вѣритъ въ эти сказки, то онъ очень скоро перестаетъ быть евреемъ...

ШЛОЙМЕ (*послѣ нѣкоторой паузы*).

Я, ребъ Лейзеръ, вѣрю... Я вѣрю, что все, что вчера говорилъ Нахманъ,—правда!.. И я тоже далъ шекель *): пусть и на мои деньги купятъ немного Святой земли...

*) Членскій взносъ у сіонистовъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Надо, Шлойме, вѣрить. Больше у насъ, евреевъ, ничего не осталось.

ШЛОЙМЕ.

И когда я пришелъ вчера съ собранія и легъ спать, то я долго не могъ уснуть: я все думалъ о томъ, что говорилъ Нахманъ и докторъ Фурманъ... Докторъ Фурманъ тоже немножко не вѣритъ... Онъ тоже говоритъ очень хорошо, но я чувствую, что правда—у Нахмана, а не у доктора...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Докторъ Фурманъ не вѣритъ ни въ ни въ чорта...

ШЛОЙМЕ.

Я очень долго не могъ уснуть, а когда заснулъ, то мнѣ приснился сонъ... Хе! Очень пріятный сонъ! (*Входитъ Березинъ*).

БЕРЕЗИНЪ

(*молча поклонившись Лейзеру*).

Борисъ Лазаревичъ дома?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Кто такой Борисъ? Я не знаю. У меня есть сынъ, но его зовутъ не Борисъ, а Борухъ... Онъ—еврей!..

БЕРЕЗИНЪ (*смущенно*).

Дома онъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

А гдѣ же ему быть? Его тоже прогнали изъ университета и теперь ему тоже нечего дѣлать. Ступайте къ нему,—вамъ будетъ веселѣе... Они тамъ кричатъ и ссорятся. (*Березинъ проходитъ чрезъ магазинъ и залъ въ комнату Боруха; когда дверь туда растворяется,—врывается шумъ спорящихъ; въ этомъ шумѣ выдѣляется голосъ Нахмана: „Слава Богу, живъ еще еврейскій народъ!*

Мы съ вами умремъ, а еврейскій народъ останется!"). И этотъ молодой человѣкъ тоже очень любитъ спорить... Но онъ, слава Богу, не кричитъ... Вотъ, Шлойме! Я думалъ, что Борухъ и Лія кончатъ свое ученье, и тогда мнѣ, старику, будетъ легче... А они устроили тамъ какіе-то безпорядки, и теперь не на что надѣяться... (*Шумъ въ комнатѣ Боруха замѣтно стихаетъ*).

ШЛОЙМЕ (*со страхомъ*).

А зачѣмъ приходилъ господинъ приставъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Онъ сказалъ, что мои дѣти никуда не могутъ уѣзжать изъ города и заставилъ подписать бумагу. Я думалъ, что они кончатъ свое ученье, и тогда могутъ ѣхать и жить, гдѣ лучше, а вмѣсто этого вышло еще хуже: они теперь не могутъ никуда уѣхать даже изъ нашего города...

ШЛОЙМЕ.

Говорятъ, что и сынъ банкира Сакера тоже дѣлалъ безпорядки и папаша прогналъ его изъ дому... Такой богатый человѣкъ и все-таки дѣлалъ безпорядки... (*Пауза*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ну, что же ты не сказалъ мнѣ, Шлойме, что ты видѣлъ во снѣ?..

ШЛОЙМЕ (*отрываясь отъ работы*).

Я? Я видѣлъ очень хорошій сонъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ну!.. Что же ты видѣлъ?..

ШЛОЙМЕ.

Будто бы я шелъ-шелъ, очень долго шелъ. И ноги мои болѣли и мнѣ очень хотѣлось кушать. И вдругъ я пришелъ въ городъ, очень большой и хорошій го-

родъ! Уже была ночь и на улицахъ никого не было. Я очень боялся, что въ этомъ городѣ тоже нельзя жить евреямъ, и когда увидалъ на углу господина полицейскаго, то очень испугался... Я думалъ себѣ: вотъ онъ сейчасъ подойдетъ ко мнѣ и скажетъ: „дайте вашъ паспортъ".

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ну!

ШЛОЙМЕ.

Я уже хотѣлъ убѣжать, ребъ Лейзеръ, но господинъ полицейскій закричалъ мнѣ: „не бойся! и я тоже—еврей"! (*Радостно смѣется и потираетъ руки*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Это, Шлойме, очень хорошій сонъ! Такихъ сновъ я никогда въ своей жизни не видалъ и, навѣрно, не увижу... И что же было дальше?

ШЛОЙМЕ.

Я сказалъ: „позвольте васъ спросить, какой это городъ, куда я пришелъ?"

ЛЕЙЗЕРЪ (*перебивая*).

То былъ Іерусалимъ?

ШЛОЙМЕ.

Э, нѣтъ! И я тоже думалъ,—Іерусалимъ! А то былъ Іерихонъ... И мое сердце такъ сильно забилось, что я проснулся и думалъ, что умру отъ радости... И я не могъ больше спать,—такъ мнѣ было хорошо и тревожно на душѣ!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

И потому ты сегодня такъ лѣниво работаешь?..

ШЛОЙМЕ (*задумчиво*).

Я думаю, что когда-нибудь поѣду въ Палестину и увижу этотъ хорошій городъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

А покуда ты, Шлойме, кончай часы аптекаря! (*Подъ окнами магазина слышенъ голосъ мужика: „Тетка! Не знаешь ли ты, матка, гдѣ живетъ рудый жидъ Янкель? Шукаю, шукаю...“*)

ШЛОЙМЕ (*принимаясь за работу*).

Одинъ еврей говоритъ, что когда придетъ Мессія, то всѣ евреи, которые живутъ въ разныхъ земляхъ: и въ Польшѣ, и у насъ, и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, и въ Англіи, и вездѣ,—всѣ пройдутъ подъ землей въ Палестину *). Это тоже правда, ребъ Лейзеръ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Правда, правда... Все правда... Эхе-хе!..

ШЛОЙМЕ.

Но зачѣмъ же, ребъ Лейзеръ, ходить подъ землей? Можно поѣхать на пароходѣ и на желѣзной дорогѣ или идти своими ногами...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Подъ землей, Шлойме, ходить еврею лучше: тамъ тебѣ не встрѣтится никакого начальства и можно будетъ спокойно дойти до Святой Земли. А если ты пойдешь или поѣдешь по землѣ или по водѣ, то у тебя спросятъ паспортъ и, когда посмотрятъ въ твой паспортъ, то скажутъ: „иди назадъ, потому что по нашей землѣ нельзя ходить жидамъ!“ И тогда ты никакъ не попадешь въ Святую Землю... (*Дверь изъ комнаты Боруха распахивается, вырывается нестройный шумъ спора, — выходитъ въ залъ Нахманъ, Борухъ, Березинъ, Лія и Изерсонъ; Лія садится близко къ авансценѣ, Изерсонъ — въ дальній уголъ, Борухъ держится около Березина.*

---

*) Еврейское народное повѣрье.

НАХМАНЪ

(*сильно жестикулируя и горячась*).

И пусть! пусть! Если ваши права требуютъ, чтобы я продалъ свою душу,—мнѣ ихъ не надо! Не надо!

БЕРЕЗИНЪ (*махнувъ рукой*).

Чудакъ вы, Нахманъ! право!..

НАХМАНЪ (*обиженно*).

Я—чудакъ... А вы—кто такой?.. Пусть я чудакъ, но свою духовную свободу я не продаю, господа, ни за какія деньги!.. Не продажная!

ЛІЯ.

Нахманъ! Вы не поняли...

БЕРЕЗИНЪ (*съ пренебреженіемъ*).

Да отъ васъ никто и не требуетъ этого отреченія...

НАХМАНЪ (*перебивая*).

Кто не требуетъ? Это вы—не требуете, а жизнь требуетъ. (*Злобно*). Что такое вы? Вы мнѣ ничего не можете дать и ничего не можете у меня взять!.. Жизнь требуетъ! Борисъ Лазаревичъ указалъ на Германію, на Францію... Но вы, господа, не знаете, что представляютъ изъ себя эти евреи въ Германіи и во Франціи. Тамъ, гдѣ намъ, евреямъ, даютъ нѣкоторыя права, тамъ у насъ отнимаютъ душу... Какіе тамъ евреи? Они стыдятся своего еврейства и пляшутъ подъ чужую дудку... Они скрываютъ свои чувства, подавляютъ ихъ... и обманываютъ и другихъ, и самихъ себя...

БЕРЕЗИНЪ (*резонерски*).

И очень скверно дѣлаютъ... (*Садится около Ліи*).

НАХМАНЪ.

Въ Германіи еврей—нѣмецъ, во Франціи—французъ, т. е. не нѣмецъ и не французъ, а еврей, который при-

творяется то нѣмцемъ, то французомъ... Они скверно дѣлаютъ... Но вы научите ихъ, какъ имъ оставаться евреями!..

ИЗЕРСОНЪ (*изъ угла, очень громко*).

Развѣ еврей лучше нѣмца, или нѣмецъ хуже еврея?!.. Я знаю только двѣ націи: одна много работаетъ и мало ѣстъ, а другая — очень мало работаетъ и очень много ѣстъ.

БЕРЕЗИНЪ.

Почему вамъ такъ хочется оставаться именно евреемъ? Придетъ время, когда...

НАХМАНЪ (*перебивая, со злостью*).

Почему я хочу быть евреемъ? Это очень странный вопросъ. Я же васъ не спрашиваю, почему вы, г. Березинъ,—сынъ своей матери и своего отца?.. (*Небольшая общая пауза*).

ИЗЕРСОНЪ (*изъ угла*).

У меня убили и отца, и мать, когда я былъ груднымъ младенцемъ... Я принадлежу къ голодной націи...

НАХМАНЪ.

Вы, господа, указываете на Францію. Но развѣ въ этой свободной странѣ не травятъ „жида“, какъ и всюду? Развѣ въ Дрейфусѣ не олицетворилась судьба всего еврейства?

ЛІЯ.

А Эмиль Золя? Золя?

НАХМАНЪ.

Это одна ласточка! Она не дѣлаетъ весны евреямъ! Права! Въ Германіи евреи имѣютъ ваши права, но что изъ этого? Голосъ еврея никому не нуженъ. Этимъ голосомъ партіи пользуются только въ случаяхъ крайности, съ брезгливостью пользуются этимъ голосомъ! Мы,

какъ голодныя бродячія собаки, ходимъ двѣ тысячи лѣтъ по чужимъ землямъ и у насъ нѣтъ ни дома, ни хозяина!

ИЗЕРСОНЪ (*изъ угла*).

Хозяина?! Ха-ха-ха! Хотите: я вамъ подарю своего хозяина?! Ха-ха-ха!.. Онъ мнѣ давно уже надоѣлъ...

БЕРЕЗИНЪ.

Зачѣмъ вамъ непремѣнно хозяинъ? Въ томъ-то и дѣло, Нахманъ, что вы не хотите насъ понять...

ЛІЯ (*стараясь убѣдить*).

Неужели вы думали, что всегда будетъ такъ, какъ теперь? Неужели вы думаете, что человѣчество никогда не сдвинется съ этой мертвой точки?..

НАХМАНЪ.

Человѣчество! человѣчество! Что такое человѣчество? Я его никогда не видалъ.

ЛІЯ.

Я его тоже не видала... Это—не важно. Но я вѣрю, что все хорошее, доброе, чистое,—что есть въ каждомъ человѣкѣ, будетъ расти вмѣстѣ съ знаніями, которыя даетъ намъ наука... И наступитъ время, когда это доброе и разумное, что есть у всѣхъ людей вмѣстѣ...

НАХМАНЪ (*перебивая*).

А куда вы дѣваете все дурное, подлое, звѣрское, что есть у всѣхъ людей вмѣстѣ?..

ИЗЕРСОНЪ.

Когда хозяинъ будетъ кушать другого хозяина, то онъ скушаетъ всю дрянь! Хозяинъ—жадный! Онъ все жретъ! Потомъ онъ обожрется, подавится и самъ сдохнетъ!..

НАХМАНЪ (*упрямо*).

Я совсѣмъ не знаю, какъ будетъ черезъ тысячу лѣтъ,

но теперь всякій человѣкъ непремѣнно еще или русскій, или полякъ, или негръ, или жидъ!..

ИЗЕРСОНЪ

(*вставая и вмѣшиваясь въ группу спорящихъ*).

Кто понялъ, почему одинъ человѣкъ грызетъ за горло другого человѣка,—тотъ уже не русскій, не полякъ и не жидъ!.. Онъ просто человѣкъ!.. Развѣ Марксъ или Бебель жиды? Развѣ они нѣмцы?

НАХМАНЪ.

Я съ ними не былъ знакомъ... (*Къ Березину*). Не улыбайтесь! Вашъ Бебель сказалъ, что соціалъ-демократы возмущаются и негодуютъ при всякомъ проявленіи антисемитизма, но еще добавимъ, что антисемитизмъ помогаетъ торжеству соціалъ-демократіи...

БЕРЕЗИНЪ.

Что же отсюда слѣдуетъ?

БОРУХЪ.

Развѣ можно отрицать историческіе факты?

НАХМАНЪ (*горячась все сильнѣе*).

Отрицать ихъ нельзя, но заявлять „мы негодуемъ!“ и при этомъ утѣшаться, что „намъ же будетъ лучше!“— это значитъ не имѣть сердца!.. Когда люди возмущаются, они не могутъ такъ разсуждать!

ЛІЯ (*удивленно*).

Но что же, Нахманъ, долженъ былъ сказать Бебель?

НАХМАНЪ.

Во всякомъ случаѣ умолчать о той пользѣ, которая получается въ исторіи отъ жидовскаго пота, слезъ и жидовской крови! Наша кровь такая же красная!

БЕРЕЗИНЪ.

Позвольте, Нахманъ! Вы не имѣете ни права, ни

логическаго основанія обвинять Бебеля... (*Встаетъ; но когда выступаетъ Изерсонъ,—снова садится около Ліи*).

ИЗЕРСОНЪ

(*подскакивая къ Нахману*).

Зачѣмъ молчать? Бебель долженъ былъ это сказать! Онъ говорилъ это предъ лицомъ всего міра... Онъ говорилъ отъ имени всѣхъ насъ... Можетъ быть, дома Бебель плачетъ горькими слезами, когда бьютъ жидовъ, но тутъ ему надо быть спокойнымъ... Зачѣмъ плакать и бить себя въ грудь кулаками? Развѣ отъ этого будетъ легче людямъ?.. Бебель не актеръ! И вы не имѣете права говорить такъ про нашего Бебеля!

НАХМАНЪ (*съ дрожью въ голосѣ*).

Я не имѣю никакихъ правъ! Никакихъ! и мнѣ ихъ не надо! А моя логика здѣсь, въ сердцѣ. (*Бьетъ себя кулакомъ въ грудь*). Здѣсь! Здѣсь! И если вашъ Бебель можетъ такъ спокойно разсуждать, то это значитъ, что онъ не просто „человѣкъ", а еще и „не-жидъ"! да! Если бы онъ былъ еврей... (*Махнувъ рукой, отходитъ къ столу, трясущимися руками наливаетъ изъ графина стаканъ воды, садится и пьетъ, стуча зубами о стекло стакана. Лейзеръ Френкель, встревоженный крикомъ, встаетъ съ мѣста и подходитъ къ аркѣ, ведущей въ залъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Напрасно вы, ребъ Нахманъ, волнуетесь и портите свою кровь... Они давно уже не вѣрятъ въ наши сказки!..

НАХМАНЪ

(*встаетъ, возбужденно ходитъ по комнатѣ и, нарушая долгую паузу общаго молчанія, говоритъ съ паѳосомъ:*)

Но придетъ, господа, конецъ и нашему пути. Когда-нибудь и мы придемъ домой! (*Декламируетъ:*)

Да, я прозрѣлъ, и вижу снова
Вокругъ себя однихъ враговъ.

Пусть будетъ страшенъ и суровъ
Мой путь,—я не хочу иного,
Хотя-бъ и легкаго пути,—
Хочу я къ родинѣ идти!

(*Во время декламаціи Шлойме бросаетъ работу, подслушиваетъ, радостно улыбается, вздыхаетъ и опять садится къ столику*). Помните, что сказалъ пророкъ Захарія... „Настанетъ день, когда десять человѣкъ разныхъ племенъ ухватятся за одежду еврея и скажутъ ему: веди насъ въ Іерусалимъ!“

ИЗЕРСОНЪ (*изъ угла, мрачно*).

Это уже сбылось... Пришелъ пророкъ! Всѣ гонимые люди разныхъ племенъ идутъ за нимъ... Слѣпые и глухіе пусть дожидаются, когда ихъ поведутъ въ Іерусалимъ.

ЛЕЙЗЕРЪ (*сердито*).

Да! И будемъ ждать! будемъ вѣрить!..

БОРУХЪ.

Одинъ вѣритъ въ одно, другой—въ другое... Но одной вѣры мало... Пожалуй, жди!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Да! И будемъ ждать! А что будете ждать вы? а? вамъ нечего ждать! Нечего!

ЛІЯ.

Не кричи, отецъ!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Я хочу знать, что будете ждать вы? Вамъ, такимъ, какъ ты и Борухъ, евреямъ нечего ждать!

НАХМАНЪ.

Это, ребъ Лейзеръ, не такъ: они тоже ждутъ... Они ждутъ, когда на землѣ будетъ рай, какой былъ въ Месопотаміи... Но тогда было только двое—Адамъ и Ева, а теперь людей очень много: нѣмцы, французы,

русскіе, англичане, поляки, армяне, жиды!.. И не пересчитаешь!..

БОРУХЪ.

Я сказалъ только, что одной вѣры мало. Есть еще исторія, экономическія формы, есть богатые и есть бѣдные, есть сытые и есть голодные... И тутъ одной вѣрой ничего не подѣлаешь... Исторіи нѣтъ никакого дѣла до того, что думаетъ и во что вѣритъ Нахманъ...

ЛЕЙЗЕРЪ (*качая головой*).

Какъ онъ говоритъ!.. (*Шлойме говоритъ въ дверяхъ магазина съ мужикомъ*).

НАХМАНЪ.

А развѣ нашъ рай на землѣ построенъ не на той же вѣрѣ? Развѣ можно жить человѣку безъ вѣры? Всякій человѣкъ долженъ во что-нибудь вѣрить. Мы вѣримъ въ возрожденіе *своего* народа, а вы вѣрите въ возрожденіе *всего* человѣчества. Но почему же ваша вѣра вѣрнѣе моей!..

БОРУХЪ.

Потому, что она основана на историческомъ фундаментѣ, а не на больной фантазіи забитаго и затравленнаго человѣка...

НАХМАНЪ.

И вы хотите у этого затравленнаго человѣка отнять послѣднюю надежду? Вѣдь это—его послѣдняя надежда, послѣдній кусокъ хлѣба! Вы не можете этого дѣлать! Не имѣете права! Если вы нашли новую дорогу,—идите по ней, но не ведите за собой другихъ, потому что вы не можете знать, куда приведетъ эта дорога.

ИЗЕРСОНЪ.

Дальше Сіона!

БОРУХЪ.

Можете быть попутчикомъ... Довеземъ!..

ЛІЯ.

Борисъ! Говори серьезнѣе!..

НАХМАНЪ.

Пока ваша дорога никуда не привела, и мы вездѣ и всюду попрежнему—„жиды“!

ЛІЯ (*кротко*).

Это невѣрно, Нахманъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Вѣрно, ребъ Нахманъ!

НАХМАНЪ.

Вѣрно! Въ Галиціи въ шестидесятыхъ годахъ еврейская интеллигенція думала такъ же, какъ думаете теперь вы! Она браталась съ поляками, смѣшивала свою кровь съ ихъ кровью и не только въ бракѣ, а... а въ битвахъ... (*Почти кричитъ*). Тогда цвѣтъ нашей молодежи думалъ, что еврейскій вопросъ разрѣшится вмѣстѣ съ польскимъ... И что же вышло? Что вышло, ребъ Лейзеръ? А вышло вотъ что: когда поляки стали господами въ Австріи, они прежде всего стали травить „жида“, какъ собаку!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Такъ, такъ!..

НАХМАНЪ

(*со слезами въ голосѣ и въ глазахъ*).

А эта собака проливала за нихъ свою кровь! да! кровь! Мы обнищали, умирали съ голоду и... дома разврата переполнили нашими дѣвушками!.. какъ только поляки стали хозяйничать... (*Круто обрывая*). Ну! все равно!.. Вы не хотите меня понимать...

БЕРЕЗИНЪ

(*послѣ нѣкотораго общаго молчанія*).

Вы, Нахманъ, безпокоитесь, что у васъ нѣтъ хозяина.

А я вамъ повторяю, что онъ есть, и все дѣло въ томъ, что онъ есть!..

НАХМАНЪ.

Гдѣ онъ? Есть только враги, но хозяина нѣтъ...

БЕРЕЗИНЪ.

Общій хозяинъ и у васъ, и у насъ...

НАХМАНЪ.

Ну гдѣ же онъ? Я его не вижу и не знаю!..

ИЗЕРСОНЪ.

(*выкрикиваетъ изъ угла*).

Буржуй!

БЕРЕЗИНЪ.

И пока онъ—хозяинъ, ваши мечты о Сіонѣ не сбыточны. Какое дѣло вашей буржуазіи до Сіона!

ИЗЕРСОНЪ.

Ей и такъ тепло!

БЕРЕЗИНЪ.

А когда людямъ бываетъ тепло, то они думаютъ, что всѣмъ тепло. Когда человѣкъ стоитъ у печки, то онъ не хочетъ знать, что на улицѣ морозъ... Въ этомъ смыслѣ вашъ буржуй и нашъ буржуй вполнѣ солидарны... Ну-ка, попробуйте пригласить въ Палестину вашего банкира Сакера, который одинаково ловко обсасываетъ и русскихъ, и евреевъ.

НАХМАНЪ (*наступая*).

А кто ему помогаетъ? Я спрашиваю, кто Сакеру помогаетъ? Если бѣдный еврей наживетъ лишній гривенникъ, то всѣ кричатъ: „мошенникъ“!.. а когда Сакеръ беретъ подряды на желѣзную дорогу и грабитъ казну на сотни тысячъ, то всѣ молчатъ и пожимаютъ ему руку! Кто Сакеру помогаетъ? Съ кѣмъ Сакеръ дѣлится? Съ евреями?..

БЕРЕЗИНЪ.

Это совершенно другой вопросъ и такимъ вопросомъ вы только подкрѣпляете нашу позицію... Когда дѣло идетъ о наживаніи и выжиманіи соковъ, то и еврей, и русскій, и нѣмецъ забываютъ свою національность и устраиваются по-товарищески! Я говорю совершенно о другомъ.

БОРУХЪ.

Березинъ предложилъ вамъ пригласить Сакера въ Палестину!

БЕРЕЗИНЪ.

Да! попробуйте!

БОРУХЪ.

И онъ пошлетъ васъ ко всѣмъ чертямъ! Денегъ онъ вамъ дастъ, одобритъ, приметъ званіе почетнаго сіониста, но переѣхать въ Палестину...

НАХМАНЪ.

Но я вовсе и не желаю приглашать его въ Палестину.

ИЗЕРСОНЪ.

Мнѣ извѣстно, что Сакеръ—почетный сіонистъ! Онъ гордится этимъ званіемъ!

БОРУХЪ.

И втихомолку посмѣивается надъ вами и вашими планами переселенія!

БЕРЕЗИНЪ.

Переселиться онъ не переселится, но отдѣленіе своей банкирской конторы въ Палестинѣ откроетъ съ удовольствіемъ! (*Всѣ, кромѣ Нахмана, смѣются. Нахманъ пожимаетъ плечами*).

НАХМАНЪ.

И, слава Богу, что онъ не поѣдетъ. Намъ такихъ, какъ Сакеръ, не надо!

ИЗЕРСОНЪ.

Свои разведутся!

НАХМАНЪ.

Мы отдадимъ ихъ вамъ!..

ИЗЕРСОНЪ.

Мы ихъ не боимся! *Они* насъ боятся!..

НАХМАНЪ.

Намъ нужны борцы! И они у насъ есть! Они будятъ еврейскій народъ отъ тысячелѣтней спячки, воспламеняютъ въ немъ потухающую вѣру... И, слава Богу, въ народѣ еще осталось много силы! Послѣ всѣхъ гоненій и страданій, которыя сыпались на голову евреевъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, народъ откликнулся на зовъ этихъ борцовъ! Мы должны пойти навстрѣчу его сознанію... Мы должны вести его къ возрожденію! (*Къ Боруху*). Если народъ еще не окрѣпъ и не сильно вѣритъ въ свое возрожденіе, мы должны воодушевлять его! Это должно быть первымъ дѣломъ нашей интеллигенціи! Вы должны поднять свой голосъ въ защиту несчастнаго народа!

ЛЕЙЗЕРЪ (*качая головой*).

Такъ, такъ!..

НАХМАНЪ.

Вы должны громко кричать на весь міръ, что живъ еще еврейскій народъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Такъ, такъ!

НАХМАНЪ.

Да! Кричать! А вы—молчите!

ИЗЕРСОНЪ

(*выскакивая изъ угла впередъ, къ Нахману*).

А что вы, сіонисты, можете дать намъ, рабочимъ и

ремесленникамъ? Вы требуете, чтобы мы работали и приносили жертвы для вашего идеала, чтобы мы стояли въ первомъ ряду вашего движенія...

НАХМАНЪ.

Да! Если вы—еврей, вы это должны понять!

ИЗЕРСОНЪ.

Я—еврей, но все-таки не понимаю... Что ваши идеалы могутъ дать намъ, еврейскимъ рабочимъ и ремесленникамъ? Вы утѣшаете насъ счастливой жизнью въ Палестинѣ... Но почему она для *насъ* будетъ счастливая?.. Вы не указываете, какъ намъ быть *теперь*... А мы не можемъ дальше такъ жить! не можемъ! Мы вымираемъ съ голоду, насъ заставляютъ кушать другъ друга... Наши дѣти не имѣютъ молока!

НАХМАНЪ.

Я уже говорилъ вамъ, что причина вашей нужды лежитъ въ неестественномъ положеніи еврейскаго народа.

БЕРЕЗИНЪ.

Мы думаемъ, что положеніе это неестественно не у однихъ евреевъ...

НАХМАНЪ.

Гдѣ же, наконецъ, это положеніе естественно?...

ИЗЕРСОНЪ.

На лунѣ, господинъ Нахманъ! (*Смѣхъ окружающихъ*).

НАХМАНЪ (*сердито*).

Тогда вамъ остается одно: переселиться на луну.

ИЗЕРСОНЪ.

Зачѣмъ? Мы будемъ пробовать сдѣлать кое-что здѣсь, на землѣ.

НАХМАНЪ.

Ну вотъ. я вамъ и предлагаю попробовать это сдѣлать въ Палестинѣ!..

ИЗЕРСОНЪ.

Почему только въ Палестинѣ? Намъ все равно. Вамъ, сіонистамъ, хочется имѣть свое государство, но что намъ до вашего государства, если и тамъ мы будемъ глодать кости? Мы лучше пойдемъ къ тѣмъ, которые тоже глодаютъ кости,—кто бы они ни были,—и будемъ вмѣстѣ жить и работать... Вы не указываете никакихъ средствъ помочь намъ теперь и хотите утѣшать насъ своими мечтами...

НАХМАНЪ.

Почему—„своими"? Сіонизмъ—идеалъ всего еврейскаго народа, а вы вѣдь тоже, если я не ошибаюсь,—еврей...

ИЗЕРСОНЪ

(*махнувъ рукой, отходитъ въ уголъ и садится*).

Намъ все равно, гдѣ ни жить нищими: здѣсь или въ Палестинѣ!..

БЕРЕЗИНЪ.

Я совершенно согласенъ съ Изерсономъ!

ИЗЕРСОНЪ.

Мы хотимъ *здѣсь* жить и *здѣсь* работать! У насъ есть свой идеалъ!

ЛІЯ (*подсаживаясь къ Нахману*).

Я, Нахманъ, не вѣрю, чтобы мы, евреи, могли сдѣлать что-нибудь большое для своего народа... Сами, одни! Когда всѣмъ людямъ будетъ лучше, тогда будетъ лучше и нашему народу...

НАХМАНЪ.

Всѣмъ лучше! Всѣмъ! Только намъ все такъ же скверно, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ. Развѣ мы

живемъ не въ гетто, какъ жили въ средніе вѣка? Развѣ насъ не бьютъ, какъ били въ средніе вѣка? Развѣ для насъ есть на землѣ справедливость, законъ, уваженіе къ нашей личности? Нѣтъ ихъ! Не было и нѣтъ! И не будетъ, пока мы останемся въ изгнаніи... Помогайте народу вернуться домой. Кричите, что пора ему домой и ведите его туда! А вы... вы молчите!

БОРУХЪ.

У голодныхъ главная забота—поѣсть и не имъ толковать о возрожденіи! Ваше возрожденіе это только масло, съ которымъ хлѣбъ кажется еще вкуснѣе. Народъ голоденъ, его поманили въ Палестину хлѣбомъ, онъ и пошелъ... Въ этомъ все ваше „возрожденіе"! А теперь оттуда бѣгутъ... Оказалось, что „возрождаться" возможно только при наличности нѣкотораго оборотнаго капитальца!..

НАХМАНЪ (*вскакивая съ мѣста*).

Вы клевещете на свой народъ! Вы его не знаете. Вы не имѣете права такъ говорить! Это... это нечестно!

БОРУХЪ (*запальчиво*).

Что вы сказали? Нечестно? Я требую, чтобы вы извинились. (*Присутствующіе группируются около поссорившихся Нахмана и Боруха*).

ЛІЯ.

Борисъ! Оставь!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ты забылъ, что ребъ Нахманъ — нашъ гость?

БЕРЕЗИНЪ.

Такъ, господа, нельзя!..

НАХМАНЪ (*упавшимъ голосомъ*).

Ну, простите меня! Я — виноватъ!

БОРУХЪ.

Я не хочу съ вами говорить!

НАХМАНЪ

(*протягивая Боруху руку*).

Ну, я виноватъ, я забылся... Я извиняюсь передъ вами... Но вѣдь я почувствовалъ въ сердцѣ *большую* обиду, и эта обида еще горче потому, что она — отъ еврея... (*Борухъ протягиваетъ Нахману руку*).

ЛІЯ.

Ты, Борисъ, самъ нѣсколько разъ говорилъ Нахману рѣзкости... (*Отходитъ и садится, за ней слѣдуетъ Березинъ, Нахманъ ходитъ по комнатѣ*).

НАХМАНЪ.

Э, что тутъ рѣзкости?! Развѣ можно быть спокойнымъ, когда говоритъ не языкъ, а душа человѣка? Нельзя!.. У всякаго человѣка есть такое мѣсто, до котораго ему больно дотрогиваться. Я тоже говорилъ рѣзко... Но вѣдь дѣло не въ словахъ... (*Устало садится на стулъ и опускаетъ голову*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*насмѣшливо*).

Вы совсѣмъ хотѣли подраться изъ-за Сакера!..

НАХМАНЪ (*тихо и задумчиво*).

Такихъ, какъ Сакеръ, намъ не надо... Если продать душу,—можно не ѣздить въ Палестину...

БОРУХЪ.

Однако мы не продали души и все-таки не ѣдемъ? Или мы, по вашему, тоже продали свою душу?

НАХМАНЪ (*устало*).

Что вы?! что вы?! Я никогда этого не думалъ...

ЛЕЙЗЕРЪ (*къ Боруху*).

Ты всегда хочешь найти петлю, чтобы зацѣпиться

своимъ крючкомъ! У тебя очень плохой характеръ. Тебѣ будетъ плохо жить на свѣтѣ...

БОРУХЪ.

Какой ужъ есть! Проживу какъ-нибудь...

НАХМАНЪ.

Я сказалъ это совсѣмъ въ другомъ смыслѣ... Въ Галиціи еврей лишенъ всякихъ правъ, ему закрываютъ двери школъ, его облагаютъ непосильными налогами, ему отказываютъ въ правосудіи... Но зато богатый еврей, Морицъ Штернъ, давно продавшій душу дьяволу, трижды судившійся за скверныя преступленія, гуляетъ подъ ручку съ самимъ губернаторомъ! Если продать душу (*Всхлипывая*) можно никуда не ѣздить! (*Утираетъ платкомъ слезы*).

БЕРЕЗИНЪ.

Однако у васъ нервы-то не въ порядкѣ...

НАХМАНЪ.

Э! Развѣ у еврея есть нервы?! У него нѣтъ ни нервовъ, ни сердца, ни души... ничего у него нѣтъ!... (*Многочисленные часы въ магазинѣ начинаютъ бить „12“. Послѣ этого—небольшая общая пауза. Лія о чемъ-то шепчется съ Березинымъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*вздохнувъ*).

Десять лѣтъ я хочу, чтобы всѣ часы били у меня сразу, и никогда этого не случалось... Они, какъ люди, никогда не могутъ быть согласны... (*Задумчиво идетъ въ магазинъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

Евреи.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Та же декорація. Вечеръ. Въ магазинѣ, за столикомъ, при свѣтѣ низкой лампы подъ зеленымъ колпакомъ, работаетъ одинъ Шлойме. Лія и Березинъ сидятъ въ залѣ, окутанной сумерками вечера. Черезъ стѣну глухо доносятся минорные аккорды фисгармоніи, — кто-то играетъ прелюдію Мендельсона. При поднятіи занавѣса изъ дальнихъ комнатъ выходитъ Маша съ зажженною лампою въ рукахъ.

МАША

(*ставя лампу на столъ передъ Лiей и Березинымъ*).

Барышня! Вы меня разсчитайте...

ЛIЯ (*удивленно*)

Ты хочешь уйти отъ насъ?.. Почему? Развѣ ты чѣмъ-нибудь недовольна?

МАША.

Зачѣмъ—недовольна? Довольна, а только... Кто ихъ знаетъ! Болтаютъ разное... Боюсь я...

ЛIЯ.

Не понимаю... (*Шлойме, оторвавшись отъ работы, прислушивается къ аккордамъ музыки и вздыхаетъ*).

МАША.

Болтаютъ вонъ, что жидовъ бить будутъ... А мнѣ что же? Всякому, барышня, жизнь дорога... Начнутъ бить,—не станутъ разбирать... (*Пауза*). Бросить васъ, я не брошу, вамъ тоже безъ человѣка остаться нельзя, а только вы подыскивайте...

ЛIЯ.

Хорошо. (*Маша уходитъ. Большая пауза*). Всякiй разъ, когда я услышу, что гдѣ-нибудь бьютъ евреевъ, я чувствую, что я—жидовка... И въ моей душѣ начинаетъ шевелиться непрiязнь къ... вамъ, русскимъ, которые бьете насъ... И тогда я начинаю чувствовать связь со

своимъ народомъ, которой въ обыкновенное время не чувствую... Вотъ и теперь: въ Бессарабіи, говорятъ, ждутъ погрома...

БЕРЕЗИНЪ (*грустно*).

Да. Я слышалъ...

ЛІЯ.

И я начинаю чувствовать непріязнь... даже... къ тебѣ...

БЕРЕЗИНЪ.

Развѣ я въ чемъ-нибудь виноватъ, Лія? Развѣ я не тотъ же „жидъ"? Меня тоже гнали всю жизнь, начиная съ гимназической скамейки. Я выросъ въ бѣдной семьѣ. Я видѣлъ, какъ сильные люди унижали отца, унижали мою мать... Я зарабатывалъ хлѣбъ всегда съ униженіемъ. За гроши, которые мнѣ платили за всѣ эти уроки, переписки, чертежи—отъ меня требовали нагнутой шеи... Меня держали въ передней, какъ лакея, на каждомъ шагу давали понять, что я нищій, и что мой, горбомъ заработанный, грошъ есть благодѣяніе... Вотъ кого я ненавижу!.. Они исковеркали мою душу! Они вскармливали во мнѣ подлую трусость, гнали меня за каждую попытку, каждый порывъ къ свободѣ... У меня нѣтъ сильной воли, но ненависти къ нимъ у меня много! Я—тоже „жидъ"... Я ни въ чемъ не виноватъ предъ тобою...

ЛІЯ.

Не виноватъ. Я это знаю и все-таки не могу заглушить въ своей душѣ этой непріятной нотки. Я тебя люблю, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то сержусь на тебя... И что-то отравляетъ мою искренность къ тебѣ... Ты не сердись, Владиміръ!.. Я не виновата... (*Неловкая пауза; аккорды фисгармоніи глухо звучатъ за стѣной*). Ты сердишься?

БЕРЕЗИНЪ (*встряхнувъ головой*).

Нѣтъ. Такъ... скверно что-то. Мнѣ грустно, что люди успѣли заронить въ твою душу искорку этой безсмысленной вражды... Кто это тамъ играетъ, словно плачетъ о чемъ-то?

ЛІЯ.

Больной мальчикъ, сынъ нашего сосѣда... еврей... Однажды его поймали мальчики-христіане и продѣлали надъ нимъ злую шутку: они крестили его въ грязномъ чану съ дождевой водой. Была осень... Стояли холода. Онъ захворалъ и лишился ногъ...

БЕРЕЗИНЪ (*вздохнувъ*).

Да, нашимъ ребятамъ чуть ли не съ пеленокъ прививаютъ эту ужасную вражду... (*Музыка замолкаетъ*).

ЛІЯ.

Когда я была подросткомъ и училась въ гимназіи, со мной былъ одинъ случай... Я его никогда не забуду, до самой смерти... И теперь я не могу выкинуть его изъ головы...

БЕРЕЗИНЪ.

Что же съ тобой случилось?... (*Пауза*) Лія!

ЛІЯ.

Пропалъ христіанскій ребенокъ, мальчикъ лѣтъ 4-хъ, и по городу стали вотъ такъ же говорить, что его убили евреи.

БЕРЕЗИНЪ.

Римляне въ этомъ же обвиняли первыхъ христіанъ...

ЛІЯ.

Мои подруги заспорили о томъ, употребляемъ мы христіанскую кровь или нѣтъ. Одна подошла ко мнѣ и спросила: „правда ли?“ Личико у нея было задорное. Оно до сихъ поръ стоитъ въ моей памяти... Я сказала,

что это ложь. Дѣвочка настаивала, другія слушали и всѣ пожирали меня любопытными взорами, словно смотрѣли на какого-то звѣря... Я предложила спросить учителя. Я пошла вмѣстѣ съ ними въ классъ и сѣла рядомъ съ той дѣвочкой... Когда въ классѣ сдѣлалось тихо, эта дѣвочка встала и громко спросила учителя: правда ли?...

БЕРЕЗИНЪ.

Что же онъ сказалъ?

ЛІЯ.

Онъ? Онъ сказалъ, что это дѣло темное и что онъ не можетъ этого утверждать, но не можетъ отрицать... Такъ и сказалъ!.. Тогда моя сосѣдка обернулась въ мою сторону и довольно громко прошептала: „что? чья правда?“ Мнѣ сдѣлалось такъ больно и обидно, что я разрыдалась... Учитель спросилъ, что случилось, и я разслышала, какъ кто-то изъ дѣвочекъ тихо отвѣтилъ ему: „она—жидовка“. (*Шопотомъ*). Со мной сдѣлался истерическій припадокъ... (*Смолкаетъ; чрезъ стѣну снова доносятся аккорды фисгармоніи*).

БЕРЕЗИНЪ.

Лія! Ты, кажется, плачешь? (*Беретъ ея руку*). Не стоитъ, голубка, плакать...

ЛІЯ.

Нѣтъ, не плачу, но мнѣ тяжело это разсказывать... Точно все это случилось только вчера... Это была большая трагедія моей маленькой души... И теперь я вспомнила эту трагедію и мнѣ кажется, что она не кончилась до сихъ поръ... и никогда не кончится... до самой смерти...

БЕРЕЗИНЪ (*цѣлуетъ у Ліи руки*).

Зачѣмъ такъ говорить?.. Не надо!.. Пора это забыть...

ЛІЯ.

Пока мы жили въ Петербургѣ, я успѣла забыть, что—„жидовка“. А теперь я не могу выкинуть этого изъ головы. Право! Должно быть, въ глубинѣ души у человѣка всегда живетъ безсознательная привязанность къ своей національности, религіи...

БЕРЕЗИНЪ.

Религіи?

ЛІЯ.

Да. Меня не трогаетъ наша религія и многое въ ней кажется... нелѣпымъ. Но временами, когда я слышу, какъ отецъ читаетъ свои субботнія молитвы, что-то вдругъ шевельнется въ душѣ, далеко-далеко гдѣ-то тамъ, что-то вспомнится свое, близкое, родное, чего-то станетъ жалко (*Тихо*), и сердце вдругъ заноетъ-заноетъ... захочется плакать. (*Опускаетъ голову*).

БЕРЕЗИНЪ.

Ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ хочешь плакать? Перестань!..

ЛІЯ.

Нѣтъ. Такъ. Мнѣ грустно что-то. Мнѣ жаль Нахмана... Должно быть, онъ уже понялъ... (*Аккорды фисгармоніи обрываются*).

БЕРЕЗИНЪ.

Ты съ нимъ не объяснилась еще?.. Надо сказать ему... Нехорошо...

ЛІЯ.

Я все откладываю. Посмотрю на него и мнѣ сдѣлается такъ жалко этого человѣка, что я не могу... Онъ очень хорошій человѣкъ. Отецъ относится къ нему съ какимъ-то благоговѣніемъ... Когда-то и я благоговѣла передъ нимъ... Я ему очень многимъ обязана...

БЕРЕЗИНЪ.

Человѣкъ онъ хорошій, но ему не хватаетъ знаній. Онъ то и дѣло „открываетъ Америки“. Ты объяснись съ нимъ поскорѣе... Мнѣ кажется, что онъ догадывается... Онъ какъ-то странно смотритъ на меня... Онъ меня ненавидитъ... И отцу ты тоже скажи...

ЛІЯ.

Вотъ это для меня—мука! Для отца это будетъ большой ударъ... Сказать ему всю правду,—это все равно, что взять ножъ и своими руками вонзить ему въ сердце... Но вѣдь это тоже мука: любить и прятаться и каждую минуту бояться!.. Я словно преступница: живу подъ вѣчнымъ страхомъ, что мое преступленіе раскроется...

БЕРЕЗИНЪ.

Да, любить исподтишка—это и мнѣ не нравится.

ЛІЯ.

Я завидую своей сестрѣ: она безъ всякихъ колебаній крестилась, вышла замужъ за русскаго и живетъ теперь своей жизнью... Она совершенно порвала съ семьей и ей не жалко отца... Отецъ запрещаетъ произносить ея имя...

БЕРЕЗИНЪ.

Она—молодецъ! Какое намъ дѣло до родителей? У насъ—своя жизнь и мы одни имѣемъ право тратить ее, какъ намъ вздумается. Надо ломать все, что мѣшаетъ жить... Всѣ эти отрепья современнаго благополучія связываютъ насъ по рукамъ и ногамъ... Это — вѣрно!..

ЛІЯ.

Ты такъ говоришь, когда ты—около меня. Дома ты, навѣрное, считаешься съ родителями... Я знаю, что имъ не нравятся наши отношенія...

БЕРЕЗИНЪ (*со вздохомъ*).

Какое мнѣ дѣло? „Уходя въ новый міръ, нельзя брать съ собою ничего изъ стараго міра“... Это—вѣрно!

ЛІЯ (*задумчиво*).

Дома ты, навѣрно, доказываешь, что я такая хорошая, что совсѣмъ не похожа на еврейку!.. Странно. Когда вы видите хорошаго еврея, котораго вы не можете упрекнуть ни въ чемъ дурномъ, вы говорите: „онъ не похожъ на еврея“. Почему? Вѣдь онъ все-таки—еврей?..

БЕРЕЗИНЪ.

Лія! Кто это—„вы“? О комъ ты говоришь?

МАША (*появляясь въ двери*).

Самоваръ, барышня, поданъ! (*Хочетъ уйти*).

ЛІЯ.

Маша! Постой!

МАША.

Что, барышня?

ЛІЯ.

Ты меня ненавидишь?

МАША.

Что вы это, барышня! Господь съ вами! За что мнѣ васъ ненавидѣть?..

ЛІЯ.

За то, что я—жидовка!..

МАША.

Вотъ ужъ и нѣтъ! Да вы у насъ такая распрекрасная!.. Да въ васъ жидовскаго-то (*Показываетъ на кончикъ своего мизинца*) вотъ настолько нѣтъ. Да ей-Богу! Никто и не скажетъ, что вы жидовка...

ЛІЯ (*съ иронической улыбкой*).

Не похожа?

МАША.

Да нисколько! Характеръ у васъ самый русскій!

ЛІЯ (*съ хохотомъ*).

Вотъ спасибо! Иди! иди!

МАША.

Да, ей-Богу! Развѣ кто-нибудь скажетъ, что...

ЛІЯ.

Ладно! ладно! иди! Спасибо за комплиментъ! (*Маша уходитъ*). Вотъ видишь?

БЕРЕЗИНЪ.

Нашла доказательство! (*Лія продолжаетъ смѣяться*). Это Лія, мелочь, съ которой, право, стыдно считаться.

ЛІЯ (*оборвавъ смѣхъ, серьезно*).

А ты никогда не говорилъ такъ? Припомни?

БЕРЕЗИНЪ.

Я?

ЛІЯ.

Припомни!

БЕРЕЗИНЪ.

Нѣтъ, не помню...

ЛІЯ.

Зимой, на студенческомъ вечерѣ... Гинцбургъ попросилъ тебя познакомить его съ какой-то барышней... Блондинкой. Помнишь? Она спросила: „онъ жидъ?“ А ты ей сказалъ: „хотя онъ, дѣйствительно, еврей, но *такой* хорошій, *такой* хорошій, что совсѣмъ не похожъ на еврея!“

БЕРЕЗИНЪ (*смущенно*).

Что-то подобное, кажется, было...

ЛІЯ.

Не подобное, а именно такъ и было...

БЕРЕЗИНЪ.

Ты, Лія, во всемъ *хочешь* найти оскорбленіе и потому находишь... Неужели такому пустяку можно придавать значеніе?.. У тебя болѣзненно настроенное самолюбіе...

ЛІЯ.

Вѣроятно. Не знаю... Твой отвѣтъ кольнулъ меня въ самое сердце... И я всю ночь напролетъ проплакала и мнѣ было такъ оскорбительно, такъ больно!.. Я старалась убѣдить себя, что не люблю тебя... (*Въ магазинъ входитъ посланный отъ аптекаря за часами, Шлойме вытираетъ часы замшей, завертываетъ въ бумагу и отдаетъ; посланный уходитъ*).

БЕРЕЗИНЪ (*цѣлуетъ руку у Ліи*).

Но ты не убѣдила? да? не убѣдила? Ты меня любишь... Я знаю... (*Шлойме заглядываетъ въ залъ, укоризненно качаетъ головой и, вздохнувъ, идетъ опять къ столику, но время отъ времени отрывается отъ работы и прислушивается*).

ЛІЯ (*тихо*).

О, если бы я могла не любить тебя!.. (*Опускаетъ голову; Березинъ, стоя рядомъ, гладитъ Лію по головѣ и заглядываетъ въ глаза Ліи*). Люблю себѣ на муку! (*Встрепенувшись*). Постой! Отойди! Кажется, кто-то идетъ... Отецъ...

БЕРЕЗИНЪ.

Никого нѣтъ... Чего ты такъ испугалась?.. все равно...

ЛІЯ.

Охъ, какъ я испугалась!.. (*Пауза*). Я хочу тебѣ сказать еще... Я не религіозна... У меня нѣтъ вѣры... Но креститься я не могу... Вѣдь ты и такъ будешь любить меня?

БЕРЕЗИНЪ.

Что за вопросъ!

ЛІЯ.

Ну, вотъ и хорошо! вотъ и хорошо! Пусть такъ...

БЕРЕЗИНЪ.

Если я какъ-то заговорилъ объ этомъ, то, конечно, не потому, чтобы считалъ это важнымъ въ нашихъ отношеніяхъ...

ЛІЯ.

Да, конечно! я знаю... Не сердись!..

БЕРЕЗИНЪ.

Я говорилъ тебѣ только, что иначе на нашемъ пути будетъ стоять тысяча преградъ и терній и я боюсь, что ты, голубка, устанешь!

ЛІЯ.

Не устану. А если устану,—умру и буду отдыхать... Я не могу креститься... Все мое существо противится этому и мнѣ кажется, что если я сдѣлаю *это*, то... потеряю и себя, и тебя... (*Въ магазинѣ—автоматическій звонокъ, туда входитъ Нахманъ. Лія испуганно обрываетъ и вскакиваетъ*).

ЛІЯ.

Это онъ... отецъ!.. (*Исчезаетъ въ дальнихъ комнатахъ. Березинъ, нервно ероша на головѣ волосы, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*).

НАХМАНЪ.

(*отвѣчая на поклонъ Шлойме*).

Здравствуй, Шлойме! Работаешь?

ШЛОЙМЕ.

Работаю. Какъ же, ребъ Нахманъ? Не буду работать,— не буду кушать...

НАХМАНЪ.

Ребъ Лейзеръ дома?

ШЛОЙМЕ.

Ихъ нѣтъ. Они ушли по дѣлу, — скоро вернутся... Правда ли, что въ Бессарабіи очень тревожно и что тамъ хотятъ сдѣлать погромъ?..

НАХМАНЪ.

Въ газетахъ пока ничего нѣтъ. Но говорятъ, что это — правда. Мой знакомый получилъ письмо... На югѣ большая тревога: евреи, вотъ уже двѣ недѣли, живутъ въ страхѣ, богатые прячутъ деньги въ банкъ и уѣзжаютъ, а бѣднымъ нечего прятать и некуда уѣзжать...

ШЛОЙМЕ.

Ай-ай-ай!.. За что насъ бить? Развѣ бѣдные евреи живутъ лучше бѣдныхъ поляковъ и русскихъ?.. Кто имѣетъ одну подушку и одну селедку въ день, тѣхъ будутъ бить... За что?

НАХМАНЪ.

Да, Шлойме, Богъ хочетъ почаще напоминать намъ, что мы—*евреи* и живемъ въ голусѣ *), что намъ пора подумать о Святой Землѣ! (*Проходитъ въ залъ*).

ШЛОЙМЕ.

Правда, правда, ребъ Нахманъ! (*Садится снова за работу. Нахманъ молча здоровается съ Березинымъ; оба ходятъ по комнатѣ, непріязненно избѣгая другъ друга*).

НАХМАНЪ.

Слышали хорошія новости?

БЕРЕЗИНЪ.

Ничего не слыхалъ. Какія новости?

НАХМАНЪ.

Въ Бессарабіи опять скоро будутъ бить жидовъ.

*) Въ изгнаніи.

БЕРЕЗИНЪ.

Не слыхалъ. Очень печально.

НАХМАНЪ.

И очень больно!

БЕРЕЗИНЪ.

Вѣроятно. Меня не били...

НАХМАНЪ.

Очень печально!..

БЕРЕЗИНЪ.

Развѣ вамъ было бы пріятно, если бы меня избили? Странно!

НАХМАНЪ.

Тогда вы лучше поняли бы, какъ это скверно, когда людей бьютъ только за то, что они родились евреями... А другіе говорятъ, что это „очень печально"!.. Больно, господинъ Березинъ! Очень больно! А вамъ, вѣроятно, стыдно...

БЕРЕЗИНЪ.

За другихъ?

НАХМАНЪ.

Конечно!.. (*Пауза*). Я хочу предложить вамъ одинъ вопросъ. Я боюсь только, что вы можете опять обидѣться...

БЕРЕЗИНЪ.

Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте!

НАХМАНЪ.

Вы никогда не видали, какъ бьютъ насъ, жидовъ?

БЕРЕЗИНЪ.

Не доводилось... И очень радъ...

НАХМАНЪ.

Это очень красивая картина... Можетъ быть, и у насъ будетъ погромъ,—тогда и вы посмотрите...

БЕРЕЗИНЪ.

Меня удивляетъ вашъ тонъ...

НАХМАНЪ.

Я хотѣлъ бы узнать, что вы будете дѣлать, когда увидите, что бьютъ жидовъ?

БЕРЕЗИНЪ.

Вамъ это интересно?

НАХМАНЪ.

Очень. Если ваши единовѣрцы будутъ на вашихъ глазахъ бить жидовъ, что вы будете дѣлать?

БЕРЕЗИНЪ (*уклончиво*).

Не знаю...

НАХМАНЪ.

Вы же должны что-нибудь дѣлать! Или вы будете стоять въ сторонкѣ и смотрѣть? Или это „не ваше дѣло“? Пускай человѣчество возрождается, а жидовъ бьютъ себѣ на здоровье, какъ собакъ?!

БЕРЕЗИНЪ.

Вы, во что бы то ни стало, желаете, чтобы я былъ виноватъ въ томъ, что дѣлаютъ другіе?

НАХМАНЪ.

Я васъ ни въ чемъ не обвиняю. Я только хотѣлъ бы знать, что должны дѣлать въ такихъ случаяхъ такіе люди, какъ вы. Не могутъ же они молча смотрѣть и думать, что еще однимъ шагомъ ближе къ торжеству соціалъ-демократіи?

БЕРЕЗИНЪ.

Что вамъ, наконецъ, отъ меня надо?!

НАХМАНЪ.

Пойдете вы въ толпу, когда она вздумаетъ насъ бить и станете останавливать дураковъ и негодяевъ?

БЕРЕЗИНЪ (*раздраженно*).

Я самъ знаю, что мнѣ дѣлать, и не имѣю надобности совѣтоваться съ вами. Это—неделикатно... лѣзть въ чужую душу... (*Въ дверяхъ появляется Лія, встревоженная близкой ссорой*).

ЛІЯ.

Здравствуйте, Нахманъ! Владиміръ Николаевичъ! Вы опять, господа, сцѣпились?.. Вы спорите такъ не хорошо, что можно подумать—ссоритесь!..

НАХМАНЪ.

Я, Лія Лазаревна, несчастный человѣкъ: когда я хочу поговорить по душѣ, другимъ кажется, что я лѣзу ногами въ душу. А я никогда себѣ этого не позволяю, потому что я знаю по опыту, какъ это скверно, когда въ твою душу лѣзутъ съ ногами. Вѣдь въ еврейскую душу только такъ и заглядываютъ, ногами въ грязныхъ калошахъ!..

ЛІЯ.

Будетъ вамъ! Оба вы хорошіе люди... Зачѣмъ вѣчно вздорить между собою?.. Словно враги...

НАХМАНЪ.

Я только спросилъ Владиміра Николаевича, что онъ будетъ дѣлать, когда на его глазахъ начнутъ бить евреевъ. Неужели мой вопросъ неделикатенъ? Я вовсе не имѣлъ въ виду личность; я хотѣлъ узнать, какъ это у *нихъ* разрѣшается. Я никогда не видалъ, не слыхалъ и не читалъ, чтобы русская интеллигенція когда-нибудь пыталась останавливать избіеніе евреевъ. Всѣ прячутся, торопятся засвидѣтельствовать чрезъ полицію, что они христіане и что имущество у нихъ христіанское... Въ лучшемъ случаѣ *ихъ* геройство проявляется въ томъ, что иногда наиболѣе храбрые позволяютъ такъ называемымъ „приличнымъ“ евреямъ спрятаться подъ своей кровлей. Вы говорите, что такихъ людей, какъ вы, т. е. вашихъ

единомышленниковъ — много. Но гдѣ же бываютъ эти люди, когда убиваютъ, безчестятъ и грабятъ евреевъ?

БЕРЕЗИНЪ.

Въ этомъ отношеніи я такъ же безсиленъ, какъ и вы. Я такой же жидъ среди своихъ единовѣрцевъ, какъ вы—среди русскихъ! Вы это отлично понимаете... Интересно узнать, что будете дѣлать вы?

ЛІЯ.

Положеніе, положимъ, не совсѣмъ одинаковое...

НАХМАНЪ.

Меня будутъ бить, а вы будете смотрѣть. И я вамъ все-таки скажу, что я буду дѣлать... (*Горячо*). Я не буду отрекаться отъ своего народа, не надѣну на шею креста и не возьму въ руки иконы, чтобы спрятаться за спину вашего Бога! Нѣтъ! Если понадобится умереть,—я умру евреемъ! Я буду *ихъ* проклинать и тоже бить, пока мои руки не упадутъ вмѣстѣ со мной! Я возьму въ руки револьверъ (*Выхватываетъ изъ кармана револьверъ*) и буду защищать свой народъ, свою религію, самого себя! У меня есть вѣрный защитникъ! Ему все равно: еврей я, или христіанинъ! И когда я увижу, что надо умирать, я самъ убью Нахмана! самъ!..

БЕРЕЗИНЪ.

Револьверомъ не разрѣшаются такіе вопросы... Какъ только толпа увидитъ въ вашихъ рукахъ револьверъ,—она остервенѣетъ, и тогда начнется кровавая расправа... Плохую услугу вы можете оказать своему народу...

НАХМАНЪ.

Что же вы хотите? Вы хотите, чтобы я издохъ, какъ теленокъ?

БЕРЕЗИНЪ.

Я этого вовсе не хочу!

НАХМАНЪ.

Даже бродячія собаки, когда ихъ ловятъ, отгрызаются, а вы не велите мнѣ защищаться?

ЛІЯ.

Кто это—„вы“? Зачѣмъ, Нахманъ, обращать свои обвиненія на Владиміра Николаевича?

НАХМАНЪ.

Но Владиміръ Николаевичъ находитъ лишнимъ мою самозащиту. Всякій имѣетъ право защищаться. Если на человѣка нападаютъ разбойники съ намѣреніемъ убить или ограбить,—всякій по закону можетъ стрѣлять... Только мы, евреи...

БЕРЕЗИНЪ.

Я говорилъ не о правѣ, а о продуктивности поступка.

ЛІЯ.

Нахманъ! Много ли такихъ, какъ вы? Подите въ еврейскіе кварталы: тамъ вы увидите, способны ли эти люди защищаться...

НАХМАНЪ.

Я знаю эти кварталы, очень хорошо знаю... Я жилъ тамъ, а не только бывалъ!..

ЛІЯ.

Еврейская бѣднота не будетъ защищаться. Она способна только стенать и вопить отъ ужаса.

БЕРЕЗИНЪ.

Объ этомъ я и толкую. Когда мы разсуждаемъ принципіально, мы должны выкинуть съ вѣсовъ всѣ личныя ощущенія, вспышки, настроенія минуты. Мы должны смотрѣть съ точки зрѣнія наибольшей продуктивности силъ и поступковъ...

НАХМАНЪ.

Вы очень хладнокровны. Это значитъ, что не васъ будутъ бить.

БЕРЕЗИНЪ.

Такъ невозможно говорить... Одинъ—про Ѳому, другой—про Ерему... (*Подходитъ къ Ліи, о чемъ-то съ ней тихо говоритъ, затѣмъ молча прощается съ обоими и уходитъ*).

ЛІЯ (*вслѣдъ Березину*).

Я буду ждать!

БЕРЕЗИНЪ.

Хорошо! (*Уходитъ чрезъ магазинъ*).

МАША (*въ дверяхъ*).

Вы, барышня, позабыли про самоваръ? (*Уходитъ*).

ЛІЯ.

Хотите чаю? Пойдемте!

НАХМАНЪ.

Благодарю. (*Идетъ вслѣдъ за Ліей въ дальнія комнаты*).

СРУЛЬ

(*заглядывая въ окно магазина*).

Можетъ быть, желаете узнать, что дѣлается на свѣтѣ?

ШЛОЙМЕ.

Какъ же не желать? Заходите! (*Сруль входитъ въ дверь*). Есть что-нибудь интересное?

СРУЛЬ.

Какъ же не быть? Свѣтъ очень большой и каждую минуту гдѣ-нибудь происходитъ что-нибудь интересное... особенное...

ШЛОЙМЕ.

Про еврейскій погромъ нѣтъ?

СРУЛЬ.

Слава Богу, нѣтъ. Или вы соскучились о томъ, что васъ давно не били?

ШЛОЙМЕ.

Есть слухъ, что въ Бессарабіи хотятъ сдѣлать погромъ.

СРУЛЬ.

Пускай „хотятъ"! Насъ много били. Насъ всегда хотятъ бить... И мы все-таки—живы! Что вы очень пугаетесь?

ШЛОЙМЕ.

А развѣ вы не боитесь?

СРУЛЬ.

Я не боюсь.

ШЛОЙМЕ.

Что же, вы надѣнете на шею крестъ?

СРУЛЬ.

Зачѣмъ—крестъ?! Когда, лѣтъ десять тому назадъ, у насъ былъ погромъ, я надѣлъ фуражку съ кокардой, гулялъ по улицамъ и меня никто не тронулъ пальцемъ. Эта фуражка и теперь у меня есть. (*Шлойме смѣется*). А гдѣ у васъ хозяинъ? У меня есть до него дѣло.

ШЛОЙМЕ.

Хозяина нѣтъ. Онъ сердится на васъ...

СРУЛЬ.

Ой-ой, какъ я усталъ! Можно немножко отдохнуть? (*Присаживается на табуретъ*).

ШЛОЙМЕ.

Ну что же есть интереснаго въ газетахъ?

СРУЛЬ.

Очень много интереснаго. Номеръ стоитъ только

пять копеекъ и за эти деньги вы можете узнать все, что случилось на свѣтѣ... Каждый человѣкъ долженъ знать, что дѣлается на свѣтѣ... Возьмите газету!..

ШЛОЙМЕ.

Я вамъ еще долженъ... И сегодня у меня нѣтъ денегъ...

СРУЛЬ.

Это ничего не значитъ. Пусть будетъ за вами. (*Суетъ номеръ газеты*). За вами будетъ всего пятнадцать копеекъ, за три номера. Вы сказали, что хозяинъ на меня сердится? За что онъ можетъ сердиться?

ШЛОЙМЕ.

За то, что вы переманиваете у насъ прислугу.

СРУЛЬ.

Избави Богъ! Зачѣмъ я буду переманивать? И кухарка тоже ищетъ, гдѣ лучше. Ваша кухарка ищетъ и кухарка у вашего сосѣда ищетъ. И я сосѣдней кухаркѣ хочу дать ваше мѣсто, а сосѣдское—вашей кухаркѣ. Я хочу тутъ немного заработать. А вамъ развѣ не все равно?..

ШЛОЙМЕ.

Я этого не знаю. Но ребъ Лейзеръ очень на васъ сердится и не хочетъ покупать у васъ газету.

СРУЛЬ.

Зачѣмъ онъ сердится на газету? Пусть онъ сердится на меня. Сруль тоже хочетъ немного заработать. Срулю тоже надо кормить жену и дѣтей. У меня пять дѣтей и скоро Господь дастъ еще одного. Если каждому дать только по двѣ селедки въ день, немного хлѣба, немного молочка,—то вотъ уже всѣмъ надо больше полтинника. Гдѣ же мнѣ взять? Я плачу за одну квартиру четыре рубля, а надо дровъ, надо сапоги, брюки, все надо! А

вамъ все равно, какъ будетъ называться ваша кухарка: Маша или Даша...

ШЛОЙМЕ.

Вы уже бросили торговлю сельтерской водой? Теперь жарко,—можно бы заработать...

СРУЛЬ.

Что изъ того, что жарко? Все равно: если бы наша улица вела въ самый адъ,—больше двугривеннаго въ день не наторгуешь, а пользы будетъ все десять копеекъ... Чистая публика не пьетъ, потому что у насъ очень грязно, а грязная публика хочетъ пить даромъ, она не можетъ пить не настоящую воду... А нашъ будочникъ пьетъ очень много: онъ думаетъ, что моя вода течетъ прямо изъ земли и ничего мнѣ не стоитъ...

ШЛОЙМЕ.

Водой можетъ торговать жена... Она что-нибудь дѣлаетъ?

СРУЛЬ.

Она мнѣ сдѣлала пять дѣтей, и они всѣ ее сосали и сдѣлали, какъ щепка... Теперь она совсѣмъ больна... Раньше она дѣлала гильзы и тоже зарабатывала въ день пятнадцать копеекъ... Теперь она собирается родить...

ШЛОЙМЕ.

А какъ идетъ ваша торговля газетами?

СРУЛЬ.

Тихо. Когда было дѣло Дрейфуса, я торговалъ такъ хорошо, что чуть было не разбогатѣлъ... И когда буры сражались съ англичанами, я тоже торговалъ недурно. Но теперь Дрейфусъ кончился и никто не хочетъ сражаться... (*Пауза*) осенью опять сдѣлаюсь факторомъ — буду перевозить жителей на новыя квартиры. Люди очень любятъ переѣзжать; люди думаютъ, что въ новой

квартирѣ можно жить по новому... У меня уже есть три чиновника и одинъ полковникъ, которые каждый годъ переѣзжаютъ...

ШЛОЙМЕ.

И сколько можно заработать?

СРУЛЬ.

И хозяинъ даетъ рубль-два и квартирантъ тоже... Полковникъ въ прошломъ году далъ четыре рубля!.. Я ему далъ очень хорошую квартиру... А что можно нажить съ газеты? Теперь продаю двадцать пять—тридцать номеровъ, а пользы имѣю одну или двѣ копейки... Ходишь весь день. Надо сапоги. А къ вечеру такъ проголодаешься, что можно съѣсть все, что заработалъ и забыть, что дома есть и жена, и дѣти, и мамаша... (*Встаетъ*). Очень тяжело жить! Вы мнѣ будете должны пятнадцать копеекъ...

ШЛОЙМЕ.

Въ пятницу утромъ я вамъ заплачу.

СРУЛЬ.

Можно ждать. Будьте здоровы!

ШЛОЙМЕ.

Благодарю васъ.

СРУЛЬ (*въ дверяхъ*).

Желаю вамъ разбогатѣть, какъ Ротшильдъ. Тогда вы будете платить мнѣ вмѣсто пяти копеекъ за номеръ—шесть копеекъ... Богатые люди — очень добрые люди! (*Уходитъ; Шлойме читаетъ газету. Изъ дальнихъ комнатъ выходитъ Лія, за ней—Нахманъ*).

НАХМАНЪ.

Вы тоже находите, что я—мечтатель?..

ЛІЯ.

Да, хорошій мечтатель!

НАХМАНЪ.

Что жъ! Хорошо, когда человѣку есть о чемъ мечтать. Есть много людей, которымъ не о чемъ мечтать, и тѣ люди самые бѣдные... И вы, Лія, когда-то мечтали вмѣстѣ со мною. (*Пауза. Слышно, какъ къ магазину подъѣхала извозчичья пролетка,—въ магазинъ входитъ пріѣхавшій съ поѣзда Ааронъ Френкель, съ узломъ, корзиночкой, зонтикомъ въ рукахъ*).

ААРОНЪ.

Здравствуй, Шлойме? Братъ дома?

ШЛОЙМЕ

(*кланяется, помогаетъ Аарону освободиться отъ вещей*).

Они ушли, сейчасъ вернутся... Проходите,—тамъ Лія Лазаревна.

ЛІЯ (*Нахману*).

Все это было и прошло... Да, и я вѣрила этой сказкѣ!..

ААРОНЪ (*Шлойме*).

Ты говоришь,—Лія? Развѣ она уже пріѣхала?

ШЛОЙМЕ.

Пріѣхали... И Борисъ Лазаревичъ пріѣхали...

НАХМАНЪ (*задумчиво*).

Сказка... да... Можетъ быть, все, что есть въ жизни хорошаго, все это—только сказка...

ААРОНЪ

(*снимая длиннополое пальто и вѣшая его на гвоздикъ*).

Развѣ они уже кончили свое ученье?..

ШЛОЙМЕ.

Не знаю... Съ ними случилась какая-то непріятность, они уже больше не поѣдутъ учиться...

АААРОНЪ.

Ай-ай-ай! Должно быть, братъ очень огорченъ. Что они дѣлаютъ!.. (*Идетъ въ залъ*).

ЛІЯ (*увидя Аарона*).

Дядя! (*Идетъ навстрѣчу Аарону*).

АААРОНЪ.

Это—я! Здравствуй! (*Цѣлуетъ Лію въ щеку, потомъ здоровается съ Нахманомъ, который рекомендуется Аарону*). Вы съ Борухомъ, какъ перелетныя птицы: весной прилетаете, а осенью улетаете. Почему вы прилетѣли такъ рано?

ЛІЯ.

Случилась, дядя, бѣда... Насъ съ Борисомъ исключили за безпорядки...

АААРОНЪ.

Ай-ай-ай! И зачѣмъ вамъ было дѣлать безпорядки? И тебя, Лія, тоже исключили?

ЛІЯ.

Да.

АААРОНЪ.

И ты тоже дѣлала безпорядки? Ты же была такая смирная?..

ЛІЯ (*съ улыбкой*).

Я, дядя, и теперь смирная...

АААРОНЪ.

Надо было тебѣ выйти замужъ. Тогда у тебя были бы дѣти и были бы свои домашніе безпорядки... Ну, что ты смѣешься?.. Ты выросла такая большая и красивая, что, навѣрно, очень скоро выйдешь замужъ... (*Подозрительно взглянувъ въ сторону Нахмана*). У тебя, навѣрно, уже есть женихъ?

ЛІЯ.

Что вы, дядя!.. Вы мнѣ лучше скажите, какъ поживаетъ тетка Хане? дѣти?.. Я не видала тетю очень давно!

ААРОНЪ.

Что жъ? Дѣти себѣ растутъ, а Хане себѣ хвораетъ... И я тоже смотрю въ могилу: у меня болитъ спина, болятъ ноги, и, должно быть, надо скоро умирать...

ЛІЯ.

Что вы, дядя! Зачѣмъ умирать?

ААРОНЪ.

Я и самъ не знаю, зачѣмъ умираютъ люди. Лучше бы имъ совсѣмъ не родиться. Но если я или Хане вздумаемъ теперь умирать, то для насъ не будетъ могилы...

ЛІЯ (*удивленно*).

Я васъ не понимаю, дядя!.. Вы шутите?

ААРОНЪ.

Зачѣмъ же шутить? Жить очень плохо, а когда умрешь, то еще хуже. Ты должна знать, что намъ можно жить только въ чертѣ? Ты—тоже еврейка...

ЛІЯ.

Я знаю... Въ чертѣ осѣдлости!

ААРОНЪ.

Осѣдлость это—большая черта, а каждый городъ и мѣстечко въ этой чертѣ имѣютъ еще свою особую черту... (*Рисуетъ въ пространствѣ пальцемъ большой кругъ и въ немъ нѣсколько маленькихъ*).

НАХМАНЪ.

Двѣ черты.

АРОНЪ.

Ну да! А евреи, хотя и очень бѣдны, но, слава Богу, у нихъ очень много дѣтей. И потому намъ въ мѣстечкѣ стало очень тѣсно, а наше кладбище очутилось теперь въ городѣ. И на кладбищѣ теперь такъ же тѣсно, какъ въ городѣ. Ты очень долго не пріѣзжала домой и ничего не знаешь, какъ мы тутъ живемъ!.. Ты насъ забыла!...

НАХМАНЪ (*грустно*).

Это—вѣрно...

АРОНЪ.

Мы рѣшили купить мѣсто за городомъ, но начальство не разрѣшило купить, потому что это мѣсто—за чертой. Но развѣ мертвый еврей можетъ считаться жителемъ?

ЛІЯ.

Кто же такъ растолковалъ законъ? *).

АРОНЪ.

Кто? Извѣстно...

НАХМАНЪ (*ядовито*).

Въ законѣ не сказано, какой еврей: живой или мертвый!

АРОНЪ.

Мы цѣлый годъ хлопотали. У насъ былъ свой повѣренный. Теперь министерство разрѣшило купить мѣсто и хоронить тамъ покойниковъ, но опять вышло препятствіе: при кладбищѣ долженъ быть сторожъ; а сторожъ—еврей и ему нельзя жить за чертой...

НАХМАНЪ

(*встаетъ, прощается; къ Аарону*).

Остается вамъ одинъ выходъ: пусть сторожемъ будетъ тоже покойникъ!

*) Взято изъ дѣйствительной жизни Сѣверо-Западнаго Края.

АААРОНЪ (*вторя шуткѣ*).

Но у насъ уже есть сторожъ и онъ—живой, совсѣмъ живой еврей!.. Прощайте!.. Очень пріятно познакомиться!.. (*Нахманъ уходитъ*).

ЛІЯ (*недоумѣвающе*).

Какъ же быть?

АААРОНЪ.

Вотъ я и пріѣхалъ къ начальству, чтобы узнать, какъ намъ быть. На старомъ кладбищѣ не велитъ хоронить мертвыхъ санитарное начальство, а на новомъ—г. исправникъ не велитъ имѣть сторожа... А евреи не могутъ ждать и одинъ—взялъ себѣ и умеръ!.. (*Пауза*). Ты, можетъ быть, хочешь напоить дядю чаемъ и дать ему немного покушать?

ЛІЯ (*встрепенувшись*).

Ахъ, простите, дядя! (*Вскакиваетъ*). Вотъ я какая!.. Я совсѣмъ разсѣянная... Сейчасъ! (*Проворно убѣгаетъ въ дальнія комнаты; вбѣгаетъ Маша,—наскоро приготовляетъ столъ въ залѣ. Въ магазинъ входитъ Лейзеръ, Шлойме торопливо сообщаетъ ему о пріѣздѣ Аарона,—Лейзеръ идетъ въ залъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*входя*).

Братъ Ааронъ?! Когда ты пріѣхалъ? (*Здороваются*).

АААРОНЪ.

Съ вечернимъ поѣздомъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Гдѣ же Лія? Лія! Лія! Гдѣ же ты спряталась?

ЛІЯ (*появляется въ двери*).

Что? Я хлопочу... (*Исчезаетъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Вотъ умница! Мы немножко покушаемъ и немножко выпьемъ чаю... Садись, братъ!

ААРОНЪ.

Я все смотрю на Лію и думаю: какъ она похожа на мать, когда та была молодая! Совсѣмъ большая, невѣста... Надо выходить замужъ... Вѣрно, кто-нибудь уже посылалъ шадхена? *)

ЛЕЙЗЕРЪ.

Теперь, братъ, совсѣмъ по другому... Теперь не надо шадхена... Теперь даже отецъ не можетъ ничего знать... Теперь не хотятъ уже совѣтоваться съ нами, стариками... (*Маша приноситъ самоваръ, подаетъ на блюдѣ рыбу*). Ну, какъ идетъ, братъ, ваша торговля?

ААРОНЪ.

Какая можетъ быть у насъ торговля? Всѣ желаютъ имѣть товаръ въ кредитъ, а когда получаютъ жалованье, то прячутся. Я каждое двадцатое число мѣсяца бѣгаю и ловлю чиновниковъ, когда они выходятъ со службы. У нихъ только одинъ день бываютъ на рукахъ деньги... Но они уже знаютъ и прячутся! Совсѣмъ плохо... Слава Богу, я немного заработалъ на шпалахъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

И у васъ инженеръ продаетъ казенныя шпалы?

ААРОНЪ.

А какъ же? Я купилъ пятьсотъ шпалъ и немного дровъ. Потомъ я ихъ уступилъ Сакеру. У Сакера есть приказчикъ: онъ вездѣ скупаетъ эти шпали и потомъ они опять сдаютъ ихъ въ казну...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Сколько вамъ платитъ Сакеръ?

ААРОНЪ.

Мы имѣемъ двадцать копеекъ на каждой шпалѣ.

*) Сватъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Это очень мало.

ААРОНЪ.

Но Сакеръ съ каждой поставки даетъ начальству двадцать процентовъ... И всѣмъ чиновникамъ даетъ взаймы, когда угодно. А дать имъ взаймы—это все равно что потерять. (*Въ магазинѣ звонокъ, входитъ господинъ въ крылаткѣ; Шлойме подбѣгаетъ къ аркѣ въ залѣ*).

ШЛОЙМЕ (*тихо*).

Ребъ Лейзеръ! Есть покупатель! (*Возвращается на мѣсто*). Сейчасъ выйдетъ хозяинъ. Прошу пана садиться! (*Подставляетъ стулъ. Лейзеръ идетъ въ магазинъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*раскланиваясь*).

Что угодно пану?

ГОСПОДИНЪ.

Часы мнѣ надо направить.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Позвольте взглянуть на ваши часы!

ГОСПОДИНЪ (*вынимаетъ часы*).

Номеръ 78604. Золотые. На 15 камняхъ. (*Слушаетъ часы*). Стараго Мозера! Боюсь я ихъ отдавать.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Можетъ быть, панъ думаетъ, что послѣ починки часы будутъ не на 15, а только на 14 камняхъ?

ГОСПОДИНЪ.

Случается. (*Отстегиваетъ цѣпочку и подаетъ часы Лейзеру*). Стараго Мозера! (*Садится; Лейзеръ подсаживается къ столику, разсматриваетъ механизмъ часовъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Дѣйствительно, стараго Мозера... И даже очень стараго! Ихъ надо хорошенько вычистить. Насчетъ кам-

ней пусть панъ не безпокоится: поставить новый камень надо очень много труда и времени. Это совсѣмъ невыгодно. Если не всякій мастеръ честно работаетъ, то всякій понимаетъ свою выгоду... Надо поставить новый волосокъ. Волосокъ въ часахъ, это, панъ, то же, что сердце у человѣка... (*Подаетъ обратно часы*). Очень хорошіе часы!

ГОСПОДИНЪ.

Хронометръ! А при мнѣ можете все это уладить?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Панъ боится... Что жъ, если панъ можетъ здѣсь ночевать, то можно сдѣлать и при панѣ... Только два раза ночевать!

ГОСПОДИНЪ

(*пряча часы въ карманъ*).

Такъ я завтра утромъ зайду. (*Уходитъ*).

ШЛОЙМЕ (*подскочивъ къ двери*).

Почему же вы, господинъ, уходите? Что (*Пауза*). Но что же изъ того, что мы—евреи? Развѣ евреи хуже понимаютъ свое дѣло? Господинъ! (*Выскакиваетъ на улицу*) Господинъ! (*Возвращается въ магазинъ*). Они ушли.

ААРОНЪ (*подойдя къ аркѣ*).

Не продали?

ЛЕЙЗЕРЪ (*махнувъ рукой*).

Если бы этотъ господинъ былъ часовщикъ, то онъ непремѣнно былъ бы мошенникъ! (*Всѣ трое смѣются; на улицѣ крикъ и шумъ: тамъ кого-то бьютъ; Лейзеръ и Шлойме, сорвавшись съ мѣстъ, тревожно смотрятъ въ окна*). Что вы дѣлаете? Зачѣмъ бить лежачаго? (*Шлойме выбѣгаетъ на улицу*). Шлойме! Тебя побьютъ!

ААРОНЪ (*тревожно*).

Что тамъ случилось? (*Шумъ и крикъ усиливаются, Лейзеръ намѣревается выйти на улицу, но въ это время*

вбѣгаетъ перепуганный и побитый Шлойме, быстро захлопываетъ за собой дверь и запираетъ ее. Слышенъ грубый голосъ за дверью „мало васъ бьютъ, проклятыхъ!“, затѣмъ стекла окна разсыпаются вдребезги отъ брошеннаго съ улицы камня; Ааронъ прячется въ простѣнкѣ; изъ дальнихъ оконъ выбѣгаетъ испуганная Лія и останавливается въ аркѣ).

ЛІЯ (*съ ужасомъ*).

Что случилось? Что такое? Отецъ!

МАША (*выбѣгая въ залъ*).

Господи! Никакъ жидовъ начали бить? (*Плаксиво*). Ахъ! на грѣхъ я связалась съ вами! (*Мечется по комнатѣ и исчезаетъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*успокаивая Лію*).

Ничего! Не бойся!.. Подрались тамъ... Ничего! (*Второй камень летитъ въ стекла двери и грубый голосъ кричитъ: „погодите, христопродавцы! Мы вамъ устроимъ праздникъ! Окаянные!“; Шлойме съ ужасомъ присѣдаетъ къ полу. Лія нѣсколько мгновеній стоитъ, безмолвная, застывшая, потомъ выхватываетъ изъ кармана платокъ, закрываетъ имъ лицо и, вскрикивая истерическимъ голосомъ „За что же? за что?“—бѣжитъ въ дальнія комнаты, а за дверью магазина шумъ толпы и въ этомъ шумѣ выдѣляется все тотъ же грубый голосъ: „Бить жидовъ, бить проклятыхъ!“*).

ЗАНАВѢСЪ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Та же декорація. Шлойме работаетъ въ магазинѣ. Нахманъ и Лія сидятъ въ залѣ въ отдаленіи другъ отъ друга. Утро.

НАХМАНЪ.

Вообще вы сильно перемѣнились за эти два года нашей разлуки... Пока вы жили въ столицѣ, вы успѣли забыть насъ, провинціаловъ. Какъ скоро забываетъ человѣкъ!..

ЛІЯ.

Это—правда. За эти два года я забыла о томъ, что я—жидовка! Такъ много, Нахманъ, было вокругъ хорошихъ людей, которымъ было все равно, жидовка я или не жидовка... Жизнь текла очень полно и интересно, и я упивалась ею, какъ голодная... Когда я ѣхала сюда и увидала на пыльной дорогѣ перваго еврея въ традиціонномъ костюмѣ,—я вздрогнула...

НАХМАНЪ.

Вспомнили?..

ЛІЯ.

Онъ шелъ въ туфляхъ и бѣлыхъ чулкахъ, въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ, сгорбленный, худой, съ большой серебряной бородою... Я взглянула на него и вдругъ почувствовала себя такъ, словно увидала старый полуразрушенный домъ, пустой и заброшенный, въ которомъ я жила когда-то давно-давно, когда была еще ребенкомъ... Вамъ жаль тѣхъ мѣстъ, гдѣ вы жили въ дѣтствѣ?

НАХМАНЪ.

Мнѣ?.. Я, Лія, не зналъ дѣтства. У меня его не было. Мое дѣтство это—сплошные побои, голодъ, слезы...

Я рано остался сиротой... Да и потомъ... Что было потомъ? До двадцати пяти лѣтъ я не зналъ, что такое молодость. Я всю жизнь учился, жилъ не съ людьми, а съ книгами... въ книгахъ... для книгъ... Мои люди— были великіе покойники, среди могилъ которыхъ я жилъ... Я не умѣлъ смѣяться и не зналъ, что такое радость!.. Другіе люди наслаждались солнцемъ, пѣсней, симпатіей, а я вложилъ всю свою юность въ книгу... Поздно я вышелъ изъ сумерекъ могилъ на свѣтъ и понялъ, что надо встать съ развалинъ прошлаго и помочь живымъ людямъ жить, а не умирать... Я вамъ разсказывалъ, Лія, какъ все это случилось...

ЛІЯ (*грустно*).

Да... (*Пауза*).

НАХМАНЪ.

Лія! О чемъ вы задумались? (*Пауза*). Я нѣсколько разъ хотѣлъ поговорить съ вами наединѣ и все не рѣшался, откладывалъ... Больше я не въ силахъ... Вы меня слушаете?

ЛІЯ (*тихо*).

Да, говорите!..

НАХМАНЪ.

Я чувствую и... вижу, что въ нашихъ отношеніяхъ за эти два года произошла какая-то перемѣна... Исчезло что-то самое дорогое... для меня... Мнѣ невыносимо тяжело! Я не сплю ночей и все думаю, думаю... о васъ и о томъ, что случилось... Я хочу знать правду! (*Пауза*). Лія!

ЛІЯ

(*смущенно, дрожащимъ голосомъ*).

Что случилось?.. да... да... Я вамъ напишу... Я не сумѣю сказать... Я боюсь, что скажу не то, что надо сказать или не доскажу. Надо сказать все. А когда

хочешь, чтобы слова передавали все такъ, какъ чувствуешь, то они куда-то убѣгаютъ...

НАХМАНЪ (*глухо*).

Я уже понялъ... Ну, что жъ, можетъ быть лучше, если Нахманъ никогда не будетъ счастливымъ въ личной жизни... Счастливые очень скоро забываютъ несчастныхъ... Можетъ быть, все хорошее въ жизни... только сказка... (*Пауза*).

ЛІЯ.

Вы, вѣроятно, думаете о томъ вечерѣ, когда мы съ вами сидѣли на рѣкѣ?.. И вамъ странно? Вы думаете, что я была тогда не искренна съ вами? да?

НАХМАНЪ.

Нѣтъ, не думаю... Было и прошло... Это была сказка, сказка моей жизни...

ЛІЯ.

Я тогда слишкомъ легко отнеслась къ вашему чувству и къ своему... Я была тогда совсѣмъ юная... я не понимала, что это было за чувство... Вы должны простить...

НАХМАНЪ.

Ничего, Лія! Я получалъ много пинковъ отъ жизни и отъ людей... и одинъ лишній,—ничего... перенесу...

ЛІЯ.

Зачѣмъ вы такъ говорите? Вы хотите, чтобы мнѣ было больнѣе? Но мнѣ... мнѣ и такъ... очень тяжело!

НАХМАНЪ.

Нѣтъ, Лія! Я хочу только сказать, что еврей все долженъ переносить твердо, безъ слезъ... Слезы надо беречь. Ихъ никогда не хватаетъ человѣку на всю жизнь, а если еще этотъ человѣкъ—еврей, то ему нужно еще больше беречь слезы... Одно солнышко спряталось

у Нахмана, но у него есть еще другое солнце: я люблю свой народъ и хочу жить и работать для него... Я уѣду въ Палестину... И все пройдетъ... Все въ жизни проходитъ... И сама жизнь проходитъ...

ЛІЯ.

Видите ли, Нахманъ, какъ все это случилось... До встрѣчи съ вами я была совсѣмъ какъ слѣпая... Я вамъ очень благодарна: вы меня подняли... Я... Вотъ я и не нахожу словъ и не умѣю сказать, что хочется!..

НАХМАНЪ.

Я понимаю...

ЛІЯ.

Когда взрослые хотятъ, чтобы ребенокъ видѣлъ дальше, его поднимаютъ... Ну вотъ и вы меня тоже подняли. Я смотрѣла на васъ, какъ на учителя, который открылъ мнѣ широкій горизонтъ жизни... И я благоговѣла передъ вами. Это чувство благодарности я и приняла... за другое...

НАХМАНЪ.

А теперь мой горизонтъ кажется Ліи очень маленькимъ. Да, я человѣкъ небольшой и поднять высоко я не могу: у меня слишкомъ мало силы... Я люблю свой народъ и желаю служить своему народу,—и только! Кто броситъ въ меня за это камнемъ? Всякій имѣетъ право любить свой народъ... Этого права нельзя отнять даже и у еврея! Я не доросъ до любви ко всему человѣчеству... Я очень мало жилъ, видѣлъ, знаю... Я только помню, какъ меня пинали со всѣхъ сторонъ... Трудно при такомъ дѣтствѣ и юности полюбить это... человѣчество... Но я люблю, крѣпко люблю свой народъ, потому что моя судьба въ судьбѣ моего народа и судьба моего народа во мнѣ... Вамъ *этого* мало... И я самъ вижу, что вы, Лія, уходите... къ *нимъ*... (*подходитъ къ Ліи и садится рядомъ*).

ЛІЯ.

Я иду, Нахманъ, на свѣтъ, который вижу. (*Пауза*).

НАХМАНЪ.

Можетъ быть, когда-нибудь Лія увидитъ, что Нахманъ былъ не совсѣмъ не правъ... Можетъ быть, когда-нибудь Лія опять вернется къ своему народу?...

ЛІЯ.

Я не перестала любить свой народъ... (*Пауза*).

НАХМАНЪ (*очень тихо*).

Можетъ быть, Лія еще немножко любитъ Нахмана, и этого ему довольно... Пусть только у него останется одна капелька надежды...

ЛІЯ (*послѣ нѣкотораго колебанія*).

Н... нѣтъ... Не ждите...

НАХМАНЪ (*глухо*).

Можетъ быть, Лія любитъ... другого человѣка?

ЛІЯ (*опуская голову*).

Да.

НАХМАНЪ.

Ну, что жъ дѣлать? Моя сказка кончилась... Все надо узнать, все пережить... И у меня тоже была сказка любви и радости... И я васъ благодарю... (*Цѣлуетъ руку Ліи*). Это—въ послѣдній разъ... (*Долгая, тяжелая пауза, Лія обѣими руками подпираетъ низко опущенную голову. Нахманъ встаетъ*). Ну, надо уходить...

ЛІЯ

(*не поднимая головы, протягиваетъ руку*).

Мы останемся, Нахманъ, друзьями? Да?

НАХМАНЪ.

Да друзьями... (*Тихо уходитъ черезъ магазинъ. Лія*

вынимаетъ платокъ и отираетъ слезы. Навстрѣчу Нахману входитъ Борухъ съ книгою въ рукѣ).

БОРУХЪ (*здороваясь съ Нахманомъ*).

Что вы такой печальный?

НАХМАНЪ.

Нѣтъ радости, Борисъ Лазаревичъ, а есть только печаль... А вы всегда съ книгами?.. Это, ужъ, вѣрно,— не Талмудъ?

БОРУХЪ.

Марксъ. Своего рода тоже Талмудъ! Не читали?

НАХМАНЪ

Нѣтъ. И не хочу.

БОРУХЪ.

Жаль. Это полезнѣе Талмуда. Марксъ былъ тоже еврей...

НАХМАНЪ.

Но что же онъ сдѣлалъ для насъ съ вами?

БОРУХЪ.

Много. И для насъ и для васъ...

НАХМАНЪ.

Не придете въ субботу къ намъ на собраніе послушать, что думаемъ и дѣлаемъ мы, отсталые евреи?

БОРУХЪ.

Нѣтъ. Я бывалъ у сіонистовъ. Знаю...

НАХМАНЪ.

Ну, что же дѣлать? Всякій долженъ идти той дорогой, которую онъ считаетъ самой вѣрной... Прощайте! До свиданія, Шлойме!

ШЛОЙМЕ.

До свиданія, ребъ Нахманъ! Будьте здоровы!.. (*Нах-*

манъ уходитъ, Борухъ идетъ черезъ залъ въ свою комнату. Лія продолжаетъ оставаться на томъ же стулѣ, печальная, неподвижная. Лейзеръ входитъ чернымъ входомъ въ залъ, замѣчаетъ неподвижную Лію, раза два проходитъ взадъ и впередъ мимо Ліи).

ЛЕЙЗЕРЪ

(*останавливаясь передъ Ліей*).

И о чемъ ты можешь плакать? Отчего ты не хочешь сказать отцу и молчишь, когда я хочу заглянуть въ твое сердце? Ты думаешь, что я меньше сталъ любить тебя оттого, что ты... не слушаешь меня, старика? (*Пауза. Лейзеръ подходитъ ближе и кладетъ руку на плечо дочери*). Я на тебя немножко сержусь, но я тебя люблю по старому! Что съ тобой дѣлается? О чемъ ты все думаешь и ничего не хочешь сказать мнѣ? Лія! У тебя есть что-то на сердцѣ...

ЛІЯ (*въ сильномъ волненіи*).

Да, я давно хочу поговорить съ тобой, отецъ, но...

ЛЕЙЗЕРЪ.

И я это вижу... Плохо, когда у дѣвушки нѣтъ матери... Ушла наша мать и тебѣ не съ кѣмъ подѣлиться своими дѣвичьими секретами... Ахъ, Лія, Лія! Когда я смотрю на тебя, я вспоминаю нашу мать! Когда она была молодая, она была такая же красивая, какъ ты... и глаза у тебя отъ матери... Что ты хочешь, моя милая дочка, сказать мнѣ?

ЛІЯ.

Не могу...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ну-ну! Можетъ быть, твое дѣвичье сердце стало очень громко стучаться? а? и кто тотъ человѣкъ, который это сдѣлалъ? Почему ты такъ поблѣднѣла? Развѣ это такъ нехорошо?

ЛІЯ.

Я тебя не могу обманывать, а сказать правду...—ты будешь очень огорченъ...

ЛЕЙЗЕРЪ (*тревожно*).

Я тебя никогда не училъ обманывать своего отца. Можетъ быть, тамъ, гдѣ ты училась, научили тебя еще и этому? а? Ты кого-нибудь полюбила? (*Пауза*). Лія?

ЛІЯ (*чуть слышно*).

Да.

ЛЕЙЗЕРЪ.

А! Я такъ и зналъ! Ну, что же дѣлать,—это такъ и должно быть... Конечно, мнѣ обидно, что я не могу догадаться, кто тотъ человѣкъ, который хочетъ отнять у меня мою дочку, но Господь съ тобой! Лишь бы онъ былъ хорошій, добрый еврей и не совсѣмъ бѣдный... чтобы могъ кормить свою семью... (*Пауза*). Можетъ быть, это—ребъ Нахманъ?

ЛІЯ.

Нѣтъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Можетъ быть, это докторъ Фурманъ? Онъ всегда очень ласково смотритъ на мою Лію и всегда справляется объ ея здоровьѣ...

(*Лія отрицательно качаетъ головой*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Тогда я совсѣмъ не знаю... Я сталъ совсѣмъ старый, и глаза мои уже не видятъ, какъ видѣли раньше... Но, конечно, онъ хорошій, добрый еврей?

ЛІЯ.

Хорошій... добрый... (*Пауза*). Но онъ... не еврей...

ЛЕЙЗЕРЪ (*ошеломленный*).

Не еврей? Гой? (*Пауза*). Что же ты молчишь? Не-

ужели и это еще правда? Я уже много видѣлъ горя... Неужели Господь не хочетъ больше жалѣть меня?.. Ну что же ты молчишь? Говори!

ЛІЯ.

Онъ... христіанинъ...

ЛЕЙЗЕРЪ

(*хватаясь руками за голову*).

Что ты сказала? Что ты сказала?

ЛІЯ.

Развѣ тебѣ было бы пріятнѣе, если бы это былъ докторъ Фурманъ? Ты самъ говорилъ, что у Фурмана нѣтъ ни Бога, ни чорта...

ЛЕЙЗЕРЪ.

И все-таки онъ—еврей! Онъ грѣшный еврей! Въ его жилахъ течетъ кровь нашего народа! Кто этотъ гой?.. котораго ты любишь?

ЛІЯ.

Онъ хорошій человѣкъ... Онъ любитъ всѣхъ людей...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Всѣхъ людей? Если онъ полюбилъ тебя, еврейку, то ты думаешь, что онъ любитъ всѣхъ людей?

ЛІЯ.

Богъ у всѣхъ одинъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

А если у всѣхъ одинъ, то почему, когда гой полюбитъ еврейку, то она должна креститься? Почему гой никогда не сдѣлается евреемъ? Если Богъ одинъ, зачѣмъ они называютъ насъ жидами?

ЛІЯ.

Онъ не называетъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Но онъ такъ думаетъ!

ЛІЯ.

Нѣтъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Э, Лія! Что ты задумала сдѣлать? Если ты больше не боишься гнѣва Господа и не жалѣешь отца, то пожалѣй себя! Потухнетъ огонь любви, потухнетъ. Онъ не будетъ горѣть вѣчно! И тогда *онъ* вспомнитъ, что ты—жидовка! вспомнитъ!

(*Лія отрицательно качаетъ головой*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

И когда у васъ будутъ дѣти, они станутъ называть евреевъ жидами и ты останешься одна, ты будешь чужая въ семьѣ своей...

(*Лія отрицательно качаетъ головой*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Твои дѣти будутъ смѣяться надъ евреями, а ты будешь бояться сказать имъ: „не смѣйтесь, я тоже—еврейка“! Твои дѣти будутъ учить свой законъ и будутъ говорить: „проклятые жиды убили нашего Бога!“ и ты будешь молчать! А твоему мужу будетъ стыдно, что у него жена—жидовка и онъ тоже будетъ молчать!

ЛІЯ (*со слезами*).

Нѣтъ! Неправда!

ЛЕЙЗЕРЪ (*повышая голосъ*).

Правда! Онъ не остановитъ дѣтей и не скажетъ имъ: „не проклинайте евреевъ, потому что мать ваша — еврейка!“

ЛІЯ (*съ нервнымъ плачемъ*).

Замолчи же! Этого не будетъ! Никогда! Человѣкъ, котораго я люблю... Нѣтъ! нѣтъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Будетъ! Эхъ, Лія, Лія! Развѣ *они* не знаютъ, что ихъ Богъ былъ на землѣ евреемъ и что Мать ихъ Бога была еврейка, и развѣ они боятся называть насъ жидами?

ЛІЯ (*сквозь рыданія*).

Не говори! Замолчи! Ты не знаешь этого человѣка... Ты не смѣешь такъ говорить! Онъ страдаетъ за всѣхъ, кто униженъ, угнетаемъ... И за нашъ народъ онъ страдаетъ вмѣстѣ съ нами... Ты не смѣешь! не смѣешь!

ЛЕЙЗЕРЪ (*строго*).

Лія! Я не могу тебя благословить!.. Или и это теперь уже стало не нужно?.. (*Упавшимъ голосомъ*). Теперь ничего не нужно, ничего!.. (*Тряся сѣдой головой, закрываетъ глаза и начинаетъ потихоньку плакать, опускается на стулъ, Лія подходитъ сзади*).

ЛІЯ (*обнимая отца за шею*).

Отецъ! Милый отецъ! Не плачь! Не надо! Я тебя люблю... очень люблю! Я еще ничего не знаю... Можетъ быть, все это пройдетъ и все... останется попрежнему... Я вѣдь сама не знаю, люблю ли я *его* больше, чѣмъ тебя! Не знаю... Не плачь!.. (*Въ магазинъ входитъ Березинъ, быстро проходитъ и останавливается въ аркѣ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Лія! Лія! Я уже старъ, совсѣмъ старъ! Дай мнѣ умереть безъ этого позора... У меня пропала уже одна дочь... Нѣтъ ея!.. Я уже много, очень много горя видѣлъ въ своей жизни! Дочка! (*Обнимаетъ Лію*). Моя милая, послѣдняя дочка! Если ты еще немножко жалѣешь стараго отца, ты... потерпи и дай мнѣ умереть... Когда я умру,—тогда ты люби, кого хочешь... Ничего нельзя сдѣлать!.. Ничего!.. (*съ отчаяніемъ*). Зачѣмъ я пустилъ тебя учиться? Зачѣмъ? Испортили тамъ мою милую дочку! (*Поднимается и, качая головой, уходитъ въ дальнія комнаты*).

БЕРЕЗИНЪ.

Лія!

ЛІЯ (*поднявъ голову, съ ужасомъ*).

Ты?.. уйди! Ради Бога, уйди! Я сейчасъ не могу тебя видѣть... Оставь меня. Оставьте меня одну, одну, одну! (*Съ истерическими рыданіями убѣгаетъ въ дальнія комнаты. Березинъ, пораженный видѣннымъ, уходитъ чрезъ магазинъ. Борухъ выходитъ изъ своей комнаты и бѣжитъ въ дальнія, — откуда продолжаетъ доноситься истерическій вопль Ліи. Шлойме испуганно заглядываетъ въ залъ и на цыпочкахъ идетъ обратно*).

ЛЕЙЗЕРЪ

(*выходитъ изъ дальнихъ комнатъ, растерянный, идетъ къ магазину*).

Шлойме! Шлойме! Что мы будемъ дѣлать? Что мнѣ съ ней дѣлать? Поѣзжай за Фурманомъ! Поскорѣе! Съ ней очень скверно...

ШЛОЙМЕ.

Я могу добѣжать: тутъ очень близко...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Поѣзжай на лошади! (*Выбрасываетъ изъ кармана на столъ двѣ серебряныя монеты*). Ахъ, не хочетъ Господь больше жалѣть меня! (*Возвращается*). Борухъ! Борухъ! Иди въ магазинъ! Тамъ никого нѣтъ. (*Скрывается въ дальнихъ комнатахъ: Борухъ проходитъ въ магазинъ. Лія затихаетъ. Въ магазинъ входитъ посѣтитель, Борухъ извиняется, не можетъ принять часы, никого нѣтъ. Затѣмъ въ магазинъ вбѣгаетъ страшно встревоженный Изерсонъ*).

ИЗЕРСОНЪ.

Началось! На югѣ бьютъ... Сейчасъ получены телеграммы! Вечеромъ соберемся... Приходите вечеромъ въ садъ, за оврагъ... Я иду къ Березину... Онъ приведетъ русскихъ... Пойдемте къ нему вмѣстѣ!

БОРУХЪ.

У насъ больная... сестра... сейчасъ пріѣдетъ докторъ... Я приду... (*Изерсонъ, молча, пожавъ руку Боруха, торопливо исчезаетъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*проходя въ магазинъ*).

Ну, слава Богу! слава Богу... Можетъ быть, все пройдетъ...

БОРУХЪ.

Что?..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Она успокоилась... Она смѣется уже... Слава Богу!.. (*Рѣзко перемѣнивъ тонъ*). Это ты—виноватъ! ты!

БОРУХЪ.

Въ чемъ я виноватъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ты пересталъ быть евреемъ и развратилъ свою сестру! Она вернулась не еврейкой... Я давно вижу, что это дѣло — твое! Ты дружишь съ гоями и не любишь своего народа! Смотри! (*Грозитъ пальцемъ*). Богъ все видитъ!..

БОРУХЪ (*глухо*).

Хорошо... (*Идетъ въ залъ и задумчиво ходитъ взадъ и впередъ. Въ магазинъ входитъ Фурманъ, въ цилиндрѣ, перчаткахъ, съ сигарой во рту и съ тростью въ рукѣ. За нимъ Шлойме*).

ФУРМАНЪ.

Мое почтеніе, Лейзеръ Моисеевичъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Здравствуйте, докторъ!

ФУРМАНЪ.

Что у васъ тутъ? Опять барышня дуритъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Съ ней опять былъ припадокъ... Я очень испугался, но теперь, слава Богу, лучше... Она смѣется... То плачетъ, то смѣется... Теперь ничего... Она говоритъ, что у ней ничего не болитъ, но я вижу, что она таетъ, какъ свѣчка... Она тоскуетъ...

ФУРМАНЪ (*присаживаясь*).

Это не хорошо. Надо быть веселымъ и здоровымъ, а то очень скучно жить на свѣтѣ... пора замужъ, — все пройдетъ!.. Сейчасъ посмотримъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Нельзя, докторъ, чтобы всѣмъ на свѣтѣ было весело. Чтобы кому-нибудь было весело, надо чтобы кому-нибудь было скучно... Ничего нельзя сдѣлать!

ФУРМАНЪ.

Вотъ тебѣ и разъ! Нѣтъ, почтенный Лейзеръ Моисеевичъ, я васъ искренно уважаю, какъ патріарха доброй еврейской семьи, и отъ души желаю, чтобы вы и ваше милое семейство всегда было весело и здорово... Слышали: говорятъ, что въ Кишиневѣ начался погромъ!..

ЛЕЙЗЕРЪ (*испуганно*).

Что вы, докторъ, говорите!

ФУРМАНЪ.

Самъ я не читалъ, но говорятъ, что сегодня есть телеграмма...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Можетъ быть, это—неправда?

ФУРМАНЪ.

А можетъ быть! Кишиневъ далеко... Богъ дастъ, мы останемся цѣлы и невредимы. (*Кладетъ сигару*). Ну, что тамъ дѣлается съ барышней?.. Надо посмотрѣть..

ЛЕЙЗЕРЪ.

Пойдемте, докторъ! Охо-хо-хо! У меня уже и такъ погромъ... У меня болитъ душа и у моей Ліи тоже болитъ душа...

ФУРМАНЪ

(*идетъ къ больной, за нимъ слѣдуетъ Лейзеръ*).

А вотъ увидимъ. Надо посмотрѣть.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Э! Никто не придумалъ еще такого зеркала, которое можно было бы вставить въ душу и посмотрѣть!..

ФУРМАНЪ.

Ничего. Мы и безъ зеркала увидимъ ее, душу-то!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Дай Богъ, докторъ! Наука теперь все можетъ знать. (*Фурманъ здоровается въ залѣ съ Борухомъ*). Вонъ мой Борухъ говоритъ, что, можетъ быть, у человѣка совсѣмъ и нѣтъ никакой души, а есть только однѣ кишки...

ФУРМАНЪ.

И это можетъ быть! (*Фурманъ и Лейзеръ скрываются въ дальнихъ комнатахъ; Борухъ тихо слѣдуетъ туда же*).

СРУЛЬ

(*просовываетъ голову въ дверь магазина*).

Желаете знать свѣжія новости? (*Протягиваетъ газету*).

ШЛОЙМЕ.

Зайдите! Что-нибудь есть про погромъ?

СРУЛЬ.

Есть. Очень мало... Бьютъ... Нате газету, я тороплюсь: такія новости нельзя держать въ сумкѣ...

ШЛОЙМЕ.

Погодите! Надо немножко поговорить!

СРУЛЬ.

За вами—пять копеекъ. Если насъ съ вами убьютъ, то мы разсчитаемся на томъ свѣтѣ. Только вы мнѣ заплатите тамъ шесть копеекъ, потому что я хочу быть богатымъ хоть на томъ свѣтѣ! (*Исчезаетъ*).

ШЛОЙМЕ (*читая газету*).

Ой-ой-ой! Что же это будетъ? Совсѣмъ нельзя жить... (*Суетится въ дверяхъ, говоритъ съ прохожими евреями то чрезъ окно, то у порога, читаетъ кому-то телеграмму о погромѣ*).

ФУРМАНЪ

(*выходитъ отъ больной, за нимъ—Лейзеръ*).

Ничего особеннаго. Обыкновенная исторія. Нынче и вообще-то культурная женщина никуда не годится. а интеллигентныя женщины-еврейки совсѣмъ плохая публика!.. Впрочемъ, среди евреевъ теперь масса неврастениковъ, даже и среди мужчинъ... На послѣднемъ собраніи сіонистовъ нашъ демагогъ Нахманъ впалъ въ жесточайшую истерику: онъ плакалъ и смѣялся, какъ женщина, и ему откликнулись и женщины, и мужчины. Однимъ словомъ—вышелъ какой-то плачъ на рѣкахъ Вавилонскихъ! Вы слышали, что вышло на собраніи? (*Борухъ выходитъ въ залъ и останавливается въ сторонѣ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Нѣтъ. Что же случилось?

ФУРМАНЪ.

Скандалъ! Нахманъ оскорбилъ банкира Сакера! Предсѣдателя!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ай-ай-ай! Развѣ можно ссориться съ такимъ большимъ человѣкомъ?!

ФУРМАНЪ.

Храбрый человѣкъ! Онъ обвинялъ Ротшильда въ

томъ, что тотъ своимъ вмѣшательствомъ въ Палестинское дѣло испортилъ душу народнаго движенія, растлилъ его и превратилъ въ простую филантропію.

БОРУХЪ (*обернувшись*).

Совершенно вѣрно...

ФУРМАНЪ.

А затѣмъ обрушился на всѣхъ нашихъ крезовъ, въ томъ числѣ и на Сакера, конечно! Онъ имъ бросилъ въ лицо огромнѣйшій комъ грязи: онъ ихъ обвинилъ въ томъ, что еврея многіе считаютъ мошенникомъ изъ-за такихъ честныхъ людей, какъ Ротшильды, Сакеры и имъ подобные...

БОРУХЪ.

Совершенно вѣрно!

ФУРМАНЪ.

Вѣрно-то вѣрно, только то плохо, что толку никакого изъ этихъ обличеній не выйдетъ, а вредъ—весьма вѣроятно. Сакеръ оскорбленъ, публично оскорбленъ! Онъ ушелъ съ собранія. Это несомнѣнно отразится на дѣлахъ мѣстной еврейской благотворительности...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Нѣтъ между евреями согласія! Всѣ хотятъ жить не по закону, который далъ Господь, а по своему уму. Но что такое нашъ умъ? Дуракъ всегда думаетъ, что онъ самый умный человѣкъ на свѣтѣ! (*Пауза*). Такъ ничего опаснаго, докторъ, нѣтъ?

ФУРМАНЪ.

Ничего. Успокоится. Маленькая слабость, угнетенное состояніе духа, именуемое пессимизмомъ молодости... Этотъ пессимизмъ не опасенъ: выглянетъ солнышко,— и въ юную голову полѣзутъ самыя радужныя мысли! Лія Лазаревна такъ молода еще... Ея жизнь--впереди...

Пусть все-таки полежитъ денька два-три въ постели. Это не повредитъ... Я ей все-таки пропишу успокоительнаго... (*Садится къ столу, пишетъ рецептъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Нынѣшняя молодежь, докторъ, не любитъ радости. Она любитъ больше плакать, чѣмъ смѣяться.

БОРУХЪ.

Мало въ жизни смѣшного...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Если нѣтъ горя, она сама его себѣ сдѣлаетъ. (*Киваетъ въ сторону Боруха*). Вотъ! Учился, учился,—и все пропало даромъ. Я думалъ, что хоть когда ослѣпну отъ работы, то буду имѣть защитника... И все надѣялся, что когда-нибудь буду счастливымъ и перестану наблюдать часы. А они тамъ устроили какіе-то безпорядки,— и теперь все пропало!.. Они не жалѣютъ ни себя, ни своихъ родителей...

ФУРМАНЪ

(*разваливаясь въ стулѣ и закуривая сигару*).

Ничего не подѣлаешь. Юность вездѣ одинакова... Ея ошибки повторяются безконечное количество разъ... Рай на землѣ всегда былъ заманчивъ, а для насъ, евреевъ, въ особенности, — потому, во-первыхъ, что первые люди, хотя немножко, но пожили въ раю, а во-вторыхъ, очень ужъ долго мы пребываемъ въ аду историческомъ!.. Ничего, конечно, изъ этого не выйдетъ... Зря испорченная жизнь и карьера! И безъ того еврейская карьера весьма ограничена, а тутъ еще эти... безпорядки...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Вотъ я ему и говорю! То же самое я говорю ему! Но онъ думаетъ, что я совсѣмъ старый дуракъ... Онъ

думаетъ, что старый дуракъ хуже молодого дурака!.. И что же теперь вышло? Теперь говорятъ, что все это устроили жиды, а не студенты... что жиды хотятъ сдѣлать себѣ изъ этого какой-то гешефтъ!..

БОРУХЪ.

Кто можетъ такъ говорить? Дураки такъ могутъ говорить.

ЛЕЙЗЕРЪ.

И пусть это говорятъ дураки...

ФУРМАНЪ.

Знаете, молодой человѣкъ, что сказалъ Тэнъ? Онъ сказалъ: „На свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ умныхъ, а вы добились всеобщаго голосованія!“

БОРУХЪ.

При чемъ тутъ всеобщее голосованіе?

ФУРМАНЪ.

Это я—такъ, между прочимъ... А главное: я не могу, господа, понять, какъ вы думаете строить свою жизнь? Вы хотите строиться на чужой землѣ, но изъ этого ничего не можетъ выйти. Потомъ, если вамъ удастся что-нибудь выстроить, какой-нибудь сарай всеобщаго благополучія,—то вамъ, евреямъ, скажутъ: „убирайтесь вонъ съ чужой земли!“ И выйдетъ то, что у васъ опять ничего не будетъ, даже и этого сарая... Вы господа, сами себѣ создаете вторично тѣ же египетскія работы, отъ которыхъ когда-то убѣжали... благодаря любезности Моисея...

БОРУХЪ (*задорно*).

На какой же землѣ предполагаете построиться вы, докторъ?

ФУРМАНЪ.

Я? Я уже, молодой человѣкъ, прожилъ свою молодость...

БОРУХЪ.

Построились?

ФУРМАНЪ.

М... да, построился... Живу себѣ и живу недурно...

БОРУХЪ.

Я это знаю... Вы тоже построились на чужой землѣ: начнутъ бить евреевъ и ваша постройка разлетится вдребезги... Вы вѣдь въ сіонизмъ не вѣрите? Переселяться въ Палестину не будете?

ФУРМАНЪ.

Въ сіонизмъ? Какъ сказать? И вѣрю, и не вѣрю.

БОРУХЪ.

Не понимаю.

ФУРМАНЪ.

Очень просто. Вѣрю, что сіонизмъ—здоровая струя въ нашей еврейской жизни; онъ, такъ сказать, впрыснетъ нѣсколько капель обновленія въ наше національное самосознаніе... Но я не вѣрю въ осуществленіе конечнаго идеала сіонизма. Это—такая же утопія, какъ и соціализмъ. Надо устраивать свою жизнь въ предѣлахъ возможнаго... и реальнаго. На зарѣ нашей исторіи мы жили естественной національной жизнью, боролись, торжествовали, падали, опять поднимались... Долго мы крѣпились. Но затѣмъ... Затѣмъ мы потеряли независимость, потеряли свое устроеніе, землю... Тогда явились пророки и стали утѣшать народъ, потому что простому человѣку необходимо найти точку опоры въ небесахъ, необходимо утѣшеніе... Теперь нѣтъ пророковъ, если не ошибаюсь, но утѣшеніе простому человѣку столь же необходимо, какъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Со времени Адама уже требовалось, молодой человѣкъ, утѣшеніе! И вотъ является сіонизмъ съ его воздушными замками...

БОРУХЪ.

Почему— только „простому народу“? Что вы этимъ хотите сказать? Изъ идіотовъ, что ли, состоитъ этотъ простой народъ? (*Шлойме нѣсколько разъ порывается войти въ залъ съ газетою и сообщить о прочитанной телеграммѣ, но не рѣшается*).

ФУРМАНЪ (*наставительно*).

Я этого, молодой человѣкъ, не говорилъ. Не увлекайтесь! Но я увѣренъ, что вы, какъ не относящійся къ простому народу, не имѣете той дѣтски наивной вѣры въ небесное провидѣніе, какую имѣетъ простой народъ, и не имѣете... религіи, той религіи, за которую держится до сихъ поръ нашъ простой народъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Религіи? Они совсѣмъ не ходятъ въ синагогу, ѣдятъ колбасу, не чтутъ субботы... Вѣрно, докторъ, вѣрно!

ФУРМАНЪ.

А не слѣдуетъ забывать, что мы, евреи, даже на высотѣ своего политическаго могущества были только религіозно-національной аггрегаціей. Безъ религіи у насъ нѣтъ національности...

БОРУХЪ.

Я не понимаю, къ чему вы разсказываете все это?

ФУРМАНЪ.

Я хочу вамъ объяснить, какъ я построился и на какой землѣ!.. Не торопитесь!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Дай же доктору сказать! Это невѣжливо!

ФУРМАНЪ.

Образованный еврей вмѣстѣ съ религіей теряетъ національность. Это законъ исторической эволюціи еврей-

скаго народа! Наше еврейство сильно только религіей. А кто же изъ образованныхъ евреевъ можетъ назваться религіознымъ? Я такихъ не знаю, не встрѣчалъ. Ничего еврейскаго у него очень скоро не остается. Развѣ только акцентъ, надъ которымъ всѣ смѣются и который служитъ неисчерпаемымъ матеріаломъ для русскаго остроумія. И что же остается дѣлать? Требуютъ креститься—крестись! недолго! Смѣются при тебѣ надъ жидами,—смѣйся и ты, потому что неразумно плакать; бѣдному еврею приходится умирать съ голоду,—старайся сдѣлаться богатымъ, ибо умирать еврей не желаетъ такъ же, какъ и всякое разумное существо! Потомъ, когда ты сдѣлаешься богатымъ, тебѣ, *жиду*, будутъ кланяться и ты, *жидъ*, будешь надъ ними смѣяться!.. Вотъ и вся логика жизни! (*Встаетъ*). А теперь до свиданья! Завтра я заѣду навѣстить барышню. (*Прощается съ Лейзеромъ, тотъ суетъ ему въ руку гонораръ*). Нѣтъ-съ, не могу! Не могу, уважаемый Лейзеръ Моисеевичъ! (*Закидываетъ за спину обѣ руки и расшаркивается*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Почему? Вы трудились. Никто не долженъ трудиться даромъ. (*Протягиваетъ руку съ деньгами*). Нельзя даромъ...

ФУРМАНЪ.

Я—не даромъ! Я получилъ величайшее удовольствіе отъ сознанія, что могъ быть вамъ сколько-нибудь полезенъ! (*Пятится къ выходу, Лейзеръ слѣдуетъ за нимъ*). Если вамъ во что бы то ни стало хочется потерять эти деньги,—отдайте ихъ въ пользу бѣдныхъ евреевъ... У насъ ихъ такъ много! (*Борухъ уходитъ въ свою комнату съ иронической улыбкой на лицѣ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Хорошо. Благодарю васъ! Извините, что мы такъ... безъ церемоніи... (*Провожаетъ Фурмана; когда тотъ вы-*

ходитъ, Лейзеръ остается у порога и говоритъ съ Фурманомъ, котораго зрителю не видно). Я? Плохо, докторъ! Пора умирать... (*Пауза*). Мой желудокъ? Въ порядкѣ, въ порядкѣ! У бѣднаго еврея желудокъ всегда бываетъ въ порядкѣ: тамъ есть дворникъ, который всегда очень чисто выметаетъ! (*Смѣется, кланяется и отходитъ отъ двери*)...

ШЛОЙМЕ

(*съ ужасомъ, таинственно*).

Вы знаете, ребъ Лейзеръ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ну?

ШЛОЙМЕ.

Въ Кишиневѣ уже погромъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Что ты говоришь?!

ШЛОЙМЕ (*подавая газету*).

Вотъ тутъ... есть телеграмма...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Насъ вездѣ бьютъ, всегда бьютъ, всѣ бьютъ! И сами себя мы бьемъ, не жалѣемъ! (*Швыряетъ газету на полъ и идетъ къ Ліи*). Ой-ой-ой!.. (*Борухъ выходитъ въ залъ*). Ты знаешь: въ Кишиневѣ погромъ?

БОРУХЪ.

Знаю.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Я боюсь, что объ этомъ узнаетъ Лія... Не надо ей говорить,—пусть она успокоится... (*На цыпочкахъ идетъ къ Ліи и такъ же возвращается оттуда; шопотомъ, радостно*). Она заснула... Пусть спитъ!.. И пусть ей снится хорошій сонъ. Ой-ой-ой! (*Борухъ идетъ съ фуражкой въ рукѣ*). Ты куда же идешь?

БОРУХЪ.

Надо... Необходимо... Я сейчасъ же вернусь!.. (*Идетъ черезъ магазинъ, Лейзеръ идетъ туда же. Борухъ исчезаетъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Надо, Шлойме, тише! Лія уснула... Вотъ и бѣда идетъ, Шлойме! Опять насъ бьютъ... Ой-ой-ой! Но все-таки не надо, чтобы она узнала объ этомъ... Пусть успокоится... (*Садится работать. Въ магазинъ входитъ панъ*).

ПАНЪ.

Добрый день, г. Френкель!

ЛЕЙЗЕРЪ (*хмуро кланяясь*).

Прошу пана садиться! (*Вздыхаетъ*).

ПАНЪ.

Слышали? Въ Кишиневѣ бьютъ евреевъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Что же дѣлать?! У насъ такая судьба... Что угодно, пану?

ПАНЪ.

Денегъ, уважаемый, надо! До зарѣзу, голубчикъ, надо! Выручайте! Заимообразно!

ЛЕЙЗЕРЪ (*очень серьезно*).

Панъ думаетъ, что всѣ евреи имѣютъ деньги и отдаютъ ихъ въ ростъ?

ПАНЪ.

Ну, сосѣдъ, гдѣ же и быть деньгамъ, какъ не у васъ? Мнѣ вѣдь немного: 200 рублей! Подъ вексель. Я дамъ хорошій процентъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

А потомъ, когда придетъ время платить, панъ скажетъ: какой Лейзеръ Френкель пархатый жидъ?

ПАНЪ.

Я, г. Френкель, прежде всего воспитанный человѣкъ, а затѣмъ, я бывшій офицеръ русской арміи, а слѣдовательно имѣю честь и доброе имя...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Недавно одинъ мой пріятель, Сендерке, далъ одному господину офицеру подъ вексель сто рублей. Г. офицеръ говорилъ, что, если Сендерке не дастъ, то онъ застрѣлится, потому что проигралъ казенныя деньги...

ПАНЪ.

Случается...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Г. офицеръ плакалъ и даже перекрестился. Сендерке далъ. А теперь г. офицеръ гонитъ Сендерке въ шею и говоритъ, что заявитъ суду, что Сендерке—ростовщикъ!

ПАНЪ.

Это ужъ подло! Положительно подло!

ЛЕЙЗЕРЪ.

И теперь г. офицеръ смѣется, а Сендерке плачетъ. Онъ хотѣлъ, какъ всякій хочетъ, нажить на свой капиталъ, а вмѣсто того потерялъ все... У него ничего больше нѣтъ. А бѣдному еврею деньги даются очень трудно!

ПАНЪ.

Кому онѣ даются легко? (*Пауза*) Ну-съ, такъ какъ же, уважаемый г. Френкель, относительно деньжонокъ-то? Если хотите,—я могу представить поручителя... двоихъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

И я все-таки не могу вамъ дать...

ПАНЪ.

Почему же не можете?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Потому, что у меня нѣтъ лишнихъ денегъ! (*Въ магазинъ почти вбѣгаетъ Нахманъ, сильно взволнованный*).

НАХМАНЪ.

Виноватъ... Я помѣшалъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ничего... (*Къ пану*) У меня нѣтъ лишнихъ денегъ.

ПАНЪ (*встаетъ раздраженно*).

На кой же чортъ вы распространялись о томъ, что я скажу и что подумаю, если вы дадите мнѣ денегъ подъ вексель? (*Нахманъ настораживается*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Зачѣмъ панъ сердится? Я хотѣлъ только сказать пану, какъ нехорошо быть на свѣтѣ евреемъ...

ПАНЪ.

А ну васъ къ чорту съ вашей жидовской философіей! (*Повертывается и идетъ къ выходу*).

НАХМАНЪ

(*кидаясь вслѣдъ за паномъ*).

Нахалъ! негодяй! (*Лейзеръ хватаетъ Нахмана за платье и удерживаетъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Оставьте! Не трогайте!

НАХМАНЪ

(*со слезами оскорбленія въ голосѣ*).

Негодяй! Какъ онъ смѣетъ?! (*Тяжело дыша, опускается на табуретъ*). Охъ! Когда-нибудь у меня разорвется сердце!...

ЛЕЙЗЕРЪ (*къ Шлойме*).

Подай сюда стаканъ воды, Шлойме! (*Шлойме идетъ на цыпочкахъ въ залъ и приноситъ воду. Нахманъ пьетъ, отираетъ платкомъ лицо*). Зачѣмъ вы такъ разгорячились? Ничего особеннаго не случилось. Развѣ я самъ не знаю, что я—жидъ и что моя философія—жидовская?... (*Въ дверяхъ появляется Лія; придерживаясь за косякъ, она прислушивается къ словамъ Нахмана*).

НАХМАНЪ (*задыхаясь*).

Я получилъ письмо съ юга... Тамъ убиваютъ... (*Дрожащими руками вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ... Обрывая чтеніе*) Боже мой! Боже мой! Когда же это кончится?.. (*Закрываетъ лицо руками; Лейзеръ молчитъ, Шлойме потихоньку плачетъ. Входитъ Борухъ. Нахманъ вскакиваетъ и потрясая письмомъ, рѣзко, крикливо, съ истерическими нотками въ голосѣ говоритъ быстро, задыхаясь*:) Борисъ Лазаревичъ! Поздравляю! Насъ бьютъ! Страшно бьютъ! Толкуете о правахъ и объ общей солидарности бѣдняковъ. А пока...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ребъ Нахманъ! Ради Бога тише! Лія... она спитъ. Она... больна...

НАХМАНЪ.

Всѣмъ надо это знать! всѣмъ! И здоровымъ, и больнымъ!...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ради Бога тише!...

НАХМАНЪ

(*съ истерическимъ хохотомъ*).

Дожидайтесь Маркса! Только смотрите: не позабылъ бы онъ захватить евреевъ, когда поведетъ всѣхъ людей въ обѣтованную землю! Онъ позабудетъ! Позабудетъ! Жидовъ онъ позабудетъ!.. (*Падаетъ въ истери-*

ческомъ припадкѣ и при паденіи роняетъ стулъ. Лія взвизгиваетъ и падаетъ въ обморокъ. На улицѣ—какой-то шумъ. Борухъ бѣжитъ къ Ліи).

ПОЛИЦЕЙСКІЙ

(*заглянувъ въ магазинъ*).

Запирайте магазинъ! На базарѣ неспокойно! Проворнѣй! (*Исчезаетъ; Шлойме, дрожа всѣмъ тѣломъ, всхлипываетъ и начинаетъ торопливо запирать двери и убирать съ оконъ серебряныя и золотыя вещи. Лейзеръ стоитъ молча, съ опущенной головою*).

ЗАНАВѢСЪ.

Евреи.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Та же декорація. Магазинъ запертъ наглухо; чрезъ щели въ ставняхъ прорывается полосами красноватый отблескъ солнечнаго заката. Залъ наполненъ безпорядочно разбросанными вещами пріѣхавшихъ Аарона съ женой и дѣтьми, плачъ которыхъ время отъ времени доносится изъ дальнихъ комнатъ вмѣстѣ съ причитаніями Хане. Тетка Сарра дремлетъ въ полутемномъ углу зала, тихо бормочетъ что-то и качаетъ головой. Шлойме, при свѣтѣ огарка свѣчи, сидитъ на корточкахъ на полу магазина, тихонько плачетъ и укладываетъ въ ящики стѣнные часы, ордена, медали, при чемъ время отъ времени раздается грустный звонъ часовыхъ пружинъ. Изъ комнаты Боруха доносится крупный разговоръ отца съ сыномъ.

ЛІЯ

(*больная, съ трудомъ передвигая ноги, входитъ въ залъ и направляется къ теткѣ Саррѣ*).

Тетя! Вы бы прилегли! Вы вторую ночь сидите здѣсь... Тетя!

САРРА (*очнувшись*).

Охъ, какъ ты меня испугала!.. Я задремала и мнѣ показалось что-то недоброе...

ЛІЯ.

Лягте на мою постель!

САРРА.

Ничего... Ты сама напрасно бродишь... Ты совсѣмъ хворая... Дѣти не даютъ тебѣ спать? Что они тамъ все бранятся? Въ такое страшное время!.. Это—большой грѣхъ!.. Ты, навѣрно, хочешь покушать... Ты ничего не ѣшь... (*Съ трудомъ поднимается съ кресла и, переваливаясь, идетъ въ дальнія комнаты*). Скоро у насъ ничего не будетъ... все съѣли... Негдѣ взять мяса, молока... (*Исчезаетъ въ дальнихъ комнатахъ, откуда идетъ Ааронъ и за нимъ Хане*).

ХАНЕ (*слезливо, съ упрекомъ*).

Я жъ тебѣ говорила! Надо было сидѣть на мѣстѣ... Принеси мнѣ корзинку!

ААРОНЪ.

Кто же могъ знать? Вездѣ нехорошо... Некуда уйти! (*Плачъ дѣтей вдали*).

ХАНЕ.

Сейчасъ! сейчасъ! Вотъ наказаніе Господа Бога!.. Сейчасъ иду! (*Идетъ къ дѣтямъ*).

ААРОНЪ (*тащитъ корзинку*).

Кто же могъ знать? Здѣсь есть солдаты, а у насъ нѣтъ солдатъ... Вездѣ нехорошо... Некуда уйти...

ЛІЯ

(*бродитъ по комнатамъ, подходитъ къ аркѣ въ магазинъ*).

О чемъ ты, Шлойме, плачешь?.. Иди домой! Все можно сдѣлать безъ тебя...

ШЛОЙМЕ

(*втягивая носомъ воздухъ*).

Куда же я пойду?.. Я живу на нижнемъ рынкѣ... Если я пойду туда,—меня убьютъ... У меня убили мамашу... Я никого не трогаю, я живу себѣ тихо,—за что меня можно убивать?!

ЛІЯ (*устало*).

Перестань же! Слезами не поможешь... (*Тихо бредетъ въ дальнія комнаты, навстрѣчу ей вбѣгаетъ съ чернаго хода страшно встревоженный Изерсонъ*).

ИЗЕРСОНЪ.

Гдѣ Березинъ?

ЛІЯ.

Не знаю...

ИЗЕРСОНЪ.

Гдѣ же онъ? Если онъ вѣритъ въ то, что говоритъ, онъ долженъ быть съ нами! Тамъ уже начинается!.. Онъ долженъ идти туда!..

ЛІЯ (*устало, со слезами*).

Я не знаю... Ничего не знаю...

ИЗЕРСОНЪ (*уходя*).

Если онъ придетъ, скажите ему, что я вѣрю! Я не могу не вѣрить. Я долженъ вѣрить! Мы его ждемъ... Если мы,—братья, пусть онъ идетъ... туда!.. (*Убѣгаетъ. Дверь изъ комнаты Боруха растворяется,—выходитъ Лейзеръ, Борухъ останавливается на порогѣ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*оборачиваясь*).

Зачѣмъ онъ къ тебѣ ходитъ?

БОРУХЪ.

Онъ—мой товарищъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Почему же ты не выбралъ себѣ друга изъ евреевъ? Почему у тебя нѣтъ друга изъ евреевъ?

БОРУХЪ.

Такъ случилось. Друзей не выбираютъ. Это дѣлается само собой... Да и не все ли тебѣ равно, кто мой товарищъ?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Я не хочу, чтобы онъ ходилъ сюда. Слышишь?

БОРУХЪ.

Почему?

ЛЕЙЗЕРЪ.

Если ты не понимаешь, то не стоитъ тебѣ и объяснять! Я не хочу! Понялъ? Я думаю, что если бы ты выбиралъ товарищей осторожно, то тебя и Лію не выгнали бы и вы кончили бы ученье... Ты слышалъ, что говорилъ докторъ Фурманъ? Что вышло изъ вашихъ безпорядковъ? Кому отъ нихъ стало лучше?

БОРУХЪ (*тихо, но упрямо*).

Мнѣ... (*Вдали глухо шумитъ толпа. Шлойме съ ужасомъ настораживается*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Тебѣ? Но зато мнѣ, отцу твоему, стало еще хуже!..

ЛІЯ (*въ дверяхъ*).

Перестаньте! будетъ ужъ! Это невыносимо!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Тебѣ надо лежать! Иди туда! (*Лія исчезаетъ*). Ты лжешь! Развѣ лучше жить весь вѣкъ, какъ живетъ собака въ конурѣ на цѣпи? Развѣ лучше жить тамъ, гдѣ всегда могутъ взять тебя за горло и задушить, какъ теперь! Ты видишь? (*Указываетъ рукой по направленію магазина*). Что теперь будетъ? Порядочные евреи будутъ тебя сторониться, ты не получишь здѣсь никакого дѣла, съ тобой не захотятъ даже и говорить...

БОРУХЪ.

И отлично. Можно обойтись безъ „порядочныхъ“...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Люди все дурное на свѣтѣ отдаютъ евреямъ... Жидъ— мошенникъ, жидъ — ростовщикъ, жидъ — предатель, жидъ не имѣетъ никакой совѣсти... Ты, Борухъ, скрылъ отъ меня: тебя не кончили судить и, можетъ быть, посадятъ въ тюрьму... Какъ тебя будутъ называть послѣ того, какъ ты посидишь въ тюрьмѣ? Жидъ изъ арестантовъ? Такъ?

БОРУХЪ.

Мнѣ все равно... Есть люди, которые не будутъ такъ называть...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Гдѣ же эти люди? Ты ихъ видѣлъ?

БОРУХЪ.

Видѣлъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

И сколько такихъ людей? Одинъ? два? десять?

БОРУХЪ.

Много ихъ теперь. (*Глухой гулъ далекой толпы*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Хе! Больше тѣхъ, которые насъ бьютъ? Слышишь тамъ?! (*Указываетъ рукою въ пространство*).

БОРУХЪ.

Не пересчитаешь...

ЛЕЙЗЕРЪ.

И надъ этими людьми не смѣются и не называютъ ихъ тоже жидами?

БОРУХЪ.

Не называютъ.

ЛЕЙЗЕРЪ.

Теперь ты никогда уже не будешь учиться, потому что ты—жидъ! Другіе придутъ назадъ, поклонятся и сядутъ снова за свои книги, а ты—никогда, потому что ты—жидъ! А я все дѣлалъ, чтобы ты могъ жить лучше, чѣмъ прожилъ я, твой отецъ... Ты совсѣмъ забылъ, что у тебя есть старый отецъ и есть сестра, и есть тетка—и что всѣ мы—жиды!

БОРУХЪ.

Я, этого не забывалъ. Но я знаю, что есть милліоны людей, которые не называются жидами, но живутъ...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Борухъ! У всѣхъ есть родина, у насъ съ тобой нѣтъ родины! (*Въ магазинъ прибѣгаетъ полный ужаса Ааронъ, о чемъ-то суетливо и тихо говоритъ со Шлойме и опять убѣгаетъ въ дальнія комнаты*).

БОРУХЪ.

У меня есть...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Гдѣ же она? гдѣ?

БОРУХЪ.

Далеко!.. Дальше Палестины... Когда-нибудь люди придутъ туда,—и тогда не будетъ ни жида, ни армянина, ни негра... (*Шлойме роняетъ часы, грустный звонъ ихъ пружинъ перемѣшивается со сдержанными слезами Шлойме*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Эхъ, Борухъ! Нахманъ говоритъ, что до твоей родины надо такъ долго идти, что туда никогда не придешь...

БОРУХЪ.

Для меня Нахманъ не указъ. Я имѣю свою голову...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ты сталъ очень мудрымъ! Но, сынъ мой, Экклезіастъ былъ еще мудрѣе тебя, а онъ сказалъ: „и меня постигнетъ та же участь, какъ глупаго,—и къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ?“

БОРУХЪ.

Оставимъ этотъ разговоръ! Теперь не время, да и не поймемъ мы другъ друга... все равно!..

ЛЕЙЗЕРЪ.

А я думаю, что *теперь* самое время! Неужели ты ослѣпъ и ничего не видишь? Ты говоришь, что не понимаемъ другъ друга? Развѣ мы уже не происходимъ оба отъ Сима и развѣ мы не поклоняемся уже одному Богу? Эхъ, Борухъ! Ты сталъ очень мудрымъ... Не забудь, какъ мудрые люди хотѣли пойти противъ Бога и начали строить башню до небесъ! Что съ ними сдѣлалъ Господь!

БОРУХЪ.

Я все это знаю...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Богъ посмотрѣлъ на нихъ съ небесъ и посмѣялся:

они перестали понимать другъ друга и уже не могли строить свою башню... И вы, молодые евреи, умные и ученые, не можете больше понимать насъ, старыхъ и неученыхъ отцовъ и матерей вашихъ! Теперь вы не хотите ходить въ синагогу, ѣдите трефное, оскверняетесь съ легкимъ сердцемъ и не боитесь гнѣва Господа Бога своего! Вотъ ты сдѣлался очень мудрымъ, а я спрошу тебя: почему ты не хочешь служить своему народу, а хочешь служить другимъ? Всякій человѣкъ хочетъ ѣсть хлѣбъ, а еврей нуждается въ немъ сверхъ мѣры!..

БОРУХЪ.

Я тебѣ уже говорилъ: я хочу служить всѣмъ, кто голоденъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Но у *нихъ* есть много слугъ и безъ тебя, а народъ твой имѣетъ только враговъ. (*Глухой шумъ толпы*).

БОРУХЪ.

Не только...

ЛЕЙЗЕРЪ.

Ты родился въ чужой землѣ, въ голусѣ, и со дня твоего рожденія и, можетъ быть, до дня смерти твоей, былъ и будешь окруженъ ненавистью и презрѣніемъ! И если ты пойдешь къ *нимъ* (*Жестъ въ пространство*) и будешь служить *имъ* съ чистой душой, *они* тебѣ не повѣрятъ! *Они* скажутъ, что ты дѣлаешь этимъ себѣ гешефтъ, потому что ты—жидъ!

ЛІЯ

(*появившись въ дверяхъ, умоляюще*).

Ради Бога, перестаньте! (*Со слезами*). Борисъ! Я тебя умоляю... Отецъ!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Развѣ я васъ училъ для того, чтобы вы, мои дѣти

перестали различать враговъ отъ друзей? (*Выходитъ Сарра*).

ЛІЯ.

Борисъ!..

САРРА.

Они все ссорятся... Такіе страшные дни... Ой-ой-ой! (*Зажигаетъ на столѣ лампу и садится въ свое кресло*).

БОРУХЪ (*уходя въ свою комнату*).

Мои враги не тѣ, которыхъ ты считаешь врагами! (*Исчезаетъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*къ двери*).

Вотъ что?! (*Показываетъ рукой въ пространство*). Это отъ твоихъ друзей мы заперлись и дрожимъ?

ЛІЯ.

Отецъ! Зачѣмъ такъ говоришь?..

ЛЕЙЗЕРЪ (*кричитъ*).

Молчи! (*Лія исчезаетъ*). Что? Убирайся вонъ! Я не хочу тебя видѣть! (*Топаетъ ногами*). Уйди отъ меня, проклятый гой!! Вонъ! Негодяй! Ты не сынъ мнѣ!! (*Изъ дверей со страхомъ выглядываетъ Ааронъ и Хане, дѣти плачутъ вдали*).

БОРУХЪ

(*выходя съ фуражкой въ рукахъ*).

Я уйду, отецъ! Не кричи! Ты не понимаешь, что говоришь и дѣлаешь... Прощай! будь здоровъ! (*Уходитъ черезъ черный ходъ; слышенъ голосъ Ліи: „Борисъ! Борисъ!“*).

ЛЕЙЗЕРЪ

(*опускается на стулъ около стола, клонитъ голову на руки и начинаетъ рыдать*).

Что я сдѣлалъ? Что я сдѣлалъ? Нѣтъ у меня больше дѣтей! Нѣтъ! Пришелъ вѣтеръ отъ пустыни и унесъ

все... все... (*Кругомъ тихо, только слышны всхлипыванія рыдающаго Лейзера. Затѣмъ вдругъ раздается громкій ударъ въ ставень; Шлойме вскакиваетъ и съ ужасомъ бѣжитъ въ залъ, отсюда въ дальнія комнаты,—тамъ слышно, какъ суетятся Ааронъ, Хане. Лейзеръ постепенно стихаетъ, но остается въ прежнемъ положеніи, у стола, съ положенной на руки головой. Суматоха переходитъ въ залъ, въ магазинъ: Ааронъ, Хане и Шлойме, раскрывъ подполье, начинаютъ стаскивать туда узлы, чемоданы, ящики. Вдали слышенъ глухой шумъ толпы, полицейскіе свистки*).

ШЛОЙМЕ

(*дотрагиваясь до плеча Лейзера*).

Ребъ Лейзеръ! Ребъ Лейзеръ? Вы слышите? (*Указываетъ рукой въ пространство*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*тихо, чуть слышно*).

Слышу, Шлойме. (*Махаетъ рукой и не измѣняетъ положенія*). Пришелъ вѣтеръ отъ пустыни... (*Тихо встаетъ и уходитъ въ комнату Боруха,—тамъ онъ молится Богу*).

САРРА.

Не могу встать... Помогите мнѣ встать! Никто не хочетъ помочь мнѣ встать, а мои ноги не ходятъ больше... (*Вдали плачъ дѣтей*).

ХАНЕ

(*пробѣгая въ дальнія комнаты*).

Дѣтки мои, дѣтки! Милыя мои дѣтки! Куда мнѣ васъ спрятать?.. Некуда васъ спрятать... (*Шумъ толпы ближе, грохотъ гдѣ-то выброшенной на мостовую рояли,—взрывъ гула, криковъ, хохота. Ааронъ и Шлойме на мгновеніе замираютъ отъ ужаса*).

САРРА.

Гдѣ Лейзеръ? Гдѣ же Лейзеръ?

ШЛОЙМЕ (*плаксиво*).

Ребъ Лейзеръ молятся Богу!..

САРРА.

Богъ не слышитъ... Нѣтъ! Не слышитъ... Онъ не хочетъ больше насъ слышать... Не хочетъ... (*Лія, едва передвигая ноги, выходитъ въ залъ, придерживаясь за стѣны; въ глазахъ ея ужасъ*).

ЛІЯ.

Гдѣ отецъ? *Они* придутъ... *Они* скоро придутъ...

САРРА.

Онъ молится Богу... Богъ не слышитъ... Нѣтъ! Не слышитъ...

ЛІЯ (*опускаясь на стулъ*).

Надо увести дѣтей... Боже мой! (*Закрываетъ лицо руками*).

НАХМАНЪ

(*вбѣгаетъ съ чернаго хода*).

Что же вы сидите?! Развѣ вы не слышите?! (*Входитъ въ залъ Лейзеръ тихо, спокойно, взоръ его устремленъ внутрь себя*). Лейзеръ Моисеевичъ! Надо уйти! Еще можно уйти! Съ сосѣдняго двора можно пройти на площадь... Что вы сидите? Лія!

ЛЕЙЗЕРЪ.

Уйти? Зачѣмъ? Все равно... Ничего не надо... Все равно!..

ЛІЯ.

У меня нѣтъ силы... Уведите дѣтей... уведите отца! (*Гулъ толпы все ближе, крики, плачъ и хохотъ, трескъ и свистъ сливаются въ дикій аккордъ звуковъ*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Меня? Зачѣмъ—меня? Развѣ я могу оставить мою Лію? Я уже все потерялъ... Я хочу умереть вмѣстѣ съ тобой!

ХАНЕ

(*выбѣгаетъ, таща за руку мальчика*).

Спрячьте мнѣ сынка! Хоть одного только сынка! Умоляю васъ Господомъ Богомъ! (*Опускается передъ Нахманомъ на колѣни, цѣлуетъ одежду*) Спасите мнѣ сынка!.. (*Плачетъ, цѣпляется за ноги Нахмана*).

НАХМАНЪ.

Хорошо! хорошо! (*Беретъ мальчика за руку,—тотъ плачетъ. Къ Лiи:*) Лія! Надо защищаться! (*Протягиваетъ руку, въ которой блеститъ револьверъ*) возьмите! (*Лія беретъ револьверъ и безсильно опускаетъ его съ рукою*). Я сейчасъ вернусь! Прощайте! (*Ребенокъ упирается и хнычетъ*).

ХАНЕ.

Иди! Иди! Онъ—добрый человѣкъ! Самуэль! Иди же, мой мальчикъ! Потомъ я приду и принесу тебѣ пряниковъ. (*Провожаетъ ихъ*).

ААРОНЪ (*сердито*).

Иди, глупый! (*Нахманъ уводитъ плачущаго ребенка*).

ЛЕЙЗЕРЪ (*къ Аарону*).

Можно уйти,—сказалъ Нахманъ... Зачѣмъ вы не уходите? (*Къ Шлойме*). Я тебя не держу: ты очень хочешь жить,— спасайся!.. (*Сильный ударъ въ дверь магазина и говоръ подъ окнами. Ааронъ и Шлойме убѣгаютъ въ дальнія комнаты и болѣе не появляются. Лія встаетъ со стула и, прислонившись къ стѣнѣ, съ ужасомъ смотритъ по направленію магазина. Испуганная Хане, съ ребенкомъ на одной рукѣ, волоча хныкающую дѣвочку другой рукой, вбѣгаетъ въ залъ*). Ступай сюда! (*Указываетъ на подполье*). Скорѣе! (*Новый ударъ, сильный шумъ на улицѣ*).

ХАНЕ.

Ой-ой-ой!.. Если вы будете плакать,—насъ найдутъ....

Они будутъ плакать... Я не могу ихъ задушить... (*Спускается въ подполье, Лейзеръ захлопываетъ дверь*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Они думаютъ, что найдутъ много денегъ... А у меня ничего нѣтъ... Только ты одна, моя послѣдняя дочка... Тебя я имъ не отдамъ, нѣтъ, не отдамъ!.. (*Сарра начинаетъ хрипѣть, Лейзеръ подходитъ къ ней*). Она не слышитъ... Она ничего не будетъ знать... Она умираетъ...

БЕРЕЗИНЪ (*вбѣгаетъ со двора*).

Лія! Скорѣй! Я за тобой! (*Лія неподвижно стоитъ у стѣны*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Зачѣмъ вы пришли?

БЕРЕЗИНЪ

(*хватая Лію за руку*).

Скорѣе! Еще можно уйти!.. (*Къ Лейзеру:*) Идите... и вы! (*Лія отрицательно качаетъ головой*). Лейзеръ Моисеичъ! Ради Бога! Скорѣе! Лія! (*Громкій ударъ въ ставень*).

ЛЕЙЗЕРЪ.

Я? Развѣ вамъ нуженъ и я? Вамъ нужна только она! Пусть она идетъ съ вами, если она хочетъ... Я останусь... одинъ...

ЛІЯ (*Березину*).

Уходи! Я остаюсь...

БЕРЕЗИНЪ.

Но вѣдь это безуміе! Лія! Опомнись! (*Цѣлуетъ ей руку*).

ЛІЯ (*вырывая руку*).

Не хочу! Уходи! (*Подъ окнами магазина гулъ толпы, крикъ, удары въ дверь*).

БЕРЕЗИНЪ.

Лія! Голубка! Что ты дѣлаешь?! (*Начинаетъ силою тащить Лію за руки*). Я не уйду! Я—съ вами! Не уйду!

ЛІЯ (*громко; вырываясь*).

Пусти меня! Я не пойду! Я не хочу!.. (*Сильный ударъ, трескъ, хохотъ. Дверь и окна магазина съ шумомъ рушатся...*).

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 029

PG
3460
C5
1903
V.4:7

DATE DUE			
JUL 13 1987			
OCT 19 1987			
~~JAN 2~~			